Максим
Алексеев
МИР-2
НА ТЕЛЕВИДЕНИИ ТЕРРЫ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Зачем сотворяются миры? Как произведение искусства? Из доброты господней? Или потому, что кому-то хочется сэкономить на статистах и декорациях в новом реалити-шоу? Так уж получилось, что для мира Геона оказался справедлив именно третий вариант. А когда демиургу стало скучно, он послал туда туда проводников своей воли — команду «Попаданцы», чтобы несколько оживить происходящее. Чему жители Геона, рады совсем не оказались…

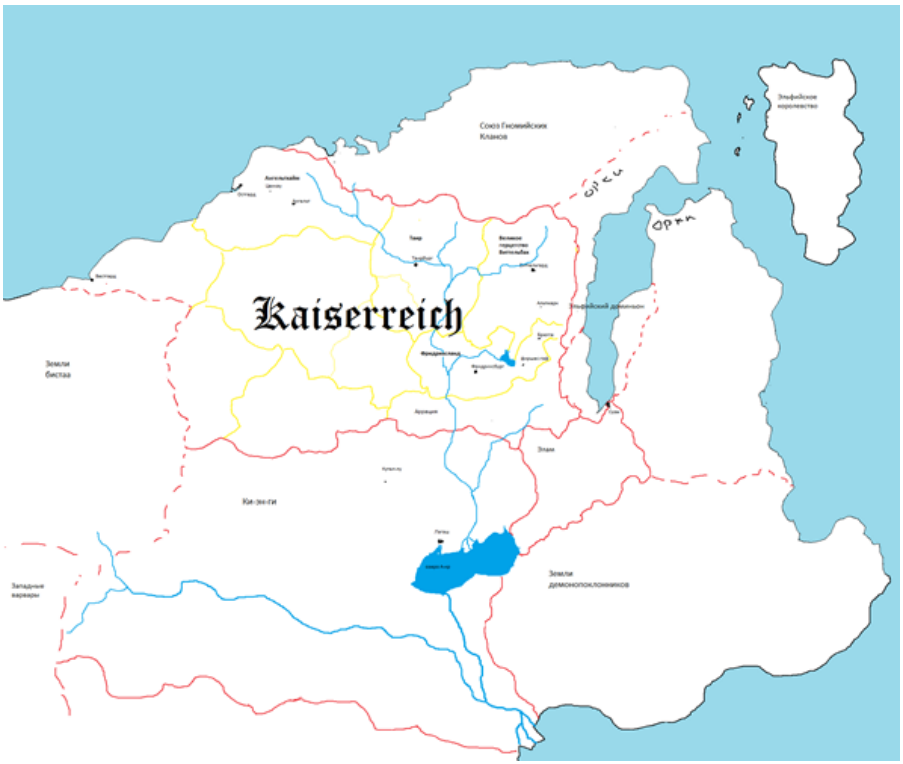
- Михаил Сергеевич Алексеев
  -
  - Пролог в котором бог создает Мир — 2
  - Глава 1 в которой Петер отправляется в ссылку, «Попаданцы» оказываются в Мир-2, а Орели кусает фельдфебеля за руку
  - Интермедия
  - Глава 2 В которой Асанте нагло врывается в повествование, Петер начинает расследование, а Шарль грабит КОРОВАН
  - Интермедия
  - Глава 3 В которой Шарль проповедует, фельдкурат Отто Кац дает урок теологии, а Хеби спит и видит сны
  - Глава 4 В которой Асанте работает под прикрытием, Густаф возвращается с пустыми руками, а криминальдиректор Йоффе оказывается очень разочарован
  - Интермедия
  - Глава 5 В которой Петер попадает в плен, дону Вильянуэва приходится следовать клятве, а кайзер Гор допускает позорные грамматические ошибки
  - Глава 6 в которой происходят две битвы, рейхсинпектор По читает донос, а Эанатум оказывается мертвецки пьян
  - Интермедия
  - Глава 7 В которой приключения заканчиваются
  - Эпилог В котором выясняется, что приключения закончились не так уж и плохо
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39

Михаил Сергеевич Алексеев
Мир-2 на телевидении Терры

Вечная
Призрачная встречная
Сможет уберечь меня -
Обыденный сюжет
Всех религий…

Би-2 — Вечная призрачная встречная



Пролог в котором бог создает Мир — 2

Девять часов самое лучшее время для новостей. Как раз достаточно, чтобы добраться домой с работы на флаере, перекусить, заскучать и включить головизор. Но еще слишком рано, чтобы ложиться спать.

Я уселся на широкий кожаный диван, взмахнул рукой — голосовое управление я недолюбливал — оконное стекло послушно потемнело, панель головизора на стене засветилась, а затем сформировала объёмное изображение циферблата часов. Надо же хотя бы изредка самому контролировать, что там наснимали корреспонденты моей телекомпании. Стрелки замерли под углом в девяносто градусов, и я увидел диктора в строгом костюме, сидящего за столом в студии.

— Добрый вечер! Сиднейское время девять часов. Мы начнем с краткого обзора событий за сегодня. — Картинка сменилась, и я увидел панораму Нового Сиднея, столицы Федерации Терры, с высоты в несколько сотен метров: небоскребы, летающие между ними флаеры, тонкие ниточки монорельсов, бухту с кораблями.

— На прошедших вчера двадцатых выборах президента Федерации Терры Рене Коти с отрывом в полпроцента опередил действующего президента Леонида Горбовского. Уже восьмой раз за последние полвека, когда господин Коти занимает этот пост. Леонид Андреевич сердечно поздравил своего соперника, и с благодарностью согласился занять место премьер-министра в новом правительстве, — начал рассказывать диктор. В подтверждение этих слов на экране промелькнули кадры, где пара пожилых представительных мужчин пожимает друг другу руки под вспышки фотоаппаратов, а диктор между тем продолжил:

— Главная новость этого дня — запуск первого на планете Мир космического корабля и его удачное возвращение. Космонавт совершил несколько витков на орбите Мира, затем прошел через портал, облетел Землю, повторно прошел через портал между вселенными и удачно приводнился в Оркусском заливе.

Начался короткий ролик, показывающий ракетоноситель Хеймдаль. Закончился обратный отсчет. Затем в облаке магического пламени ракета взмыла над каменными плитами космодрома. Следом пошла вставка, как на подоспевший драккар извлекают из воды первого космонавта планеты Мир — высокого статного мага воздуха.

Я восхищенно хлопнул в ладоши. Надо же, у них все же получилось при помощи магии и технологий, недотягивающих по уровню до девятнадцатого века Терры выйти в космос! И ведь даже без вмешательства гномов, все сами сделали!

— На североамериканском континенте произошло столкновение между военными силами Федерации и боевиками «Фронта освобождения США». Фанатики в очередной раз помешали работе ученых по восстановлению экосистемы после четвертой мировой войны.

После этих слов ведущего началась запись с какого-то разведывательного дрона. Несколько крупных боевых роботов полосовали из лазеров оранжерею экологов. В разные стороны бежали лаборанты, затем орбитальный удар испарил одного из нападавших, картинка пошла рябью и пропала.

Интересно, когда же, наконец, получится уничтожить все автоматизированные фабрики этих уродов? Давно бы сдались уже, но нет… Хотя я допускал, что Леонид Андреевич, бывший президент Федерации Терры, намеренно не добивал их. Ведь наличие не очень опасного внешнего врага полезно для любого правителя. Этим можно оправдать множество различных непопулярных решений.

Снова появилось изображение студии и диктора за столом.

— А теперь об этих и других событиях подробнее. Первый консул Островной Республики Мира Ги Сезар отметил, что смена руководства Федерации Терры не помешает, а наоборот поможет развитию торгово-экономических связей между государствами. Канцлер империи Нидерле Эдвард Треллони…

Я внимательно вслушивался в интервью, тщательно оценивал мимику и интонации ведущих, но все было идеально. Когда начался рекламный блок, я отвлекся от просмотра, чтобы сходить за пивом, а когда вернулся, началось реалити-шоу «Божественный произвол».

Дымчато-серый крылатый лев на заставке издал громкий рык. А затем появился я собственной персоной. Невысокий, не очень гладко выбритый парень в гавайской рубахе и мятых шортах. Ведущий реалити-шоу. Хозяин медиа-холдинга. Бог. Ну да, без преувеличений.

Как же так получилось? Рассказывать долго, но примите как данность — от человечества в просвещенном двадцать пятом веке грамотной редакционной политикой, идеалогизированными развлекательными передачами и мягкой цензурой можно добиться большей праведности, чем обещаниями ада с раем. Скептики все они. Циники. Я вот пробовал чудеса творить — на ютуб выложили, обосрали, что монтаж плохой. А уж после того,

как открылся портал в мир магии и волшебства — чудеса совсем людьми восприниматься перестали…

Я-то потом всех в своей божественности убедил, но и сам выводы сделал. Лучше построить кафедральный телецентр, чем собор, а жрецов заставить новости снимать, и как бы между делом, проповедовать.

— Добрый вечер, добрый вечер дорогие земляне и жители Мира! — между тем вещало мое изображение с экрана, — Вновь наступили выходные и с вами опять я, ваш господь Кверти, в воскресном шоу «Божественный произвол»! Как обычно сегодня командам приключенцев предстоит выполнять мои задания: искать святые Граали, проходить испытания веры и бороться с демонами. Не забывайте, вы можете помочь любимым героям, отправив свою молитву на короткий номер 1234. Стоимость молитвы один энергокредит Терры без учета НДС.

Однако прежде чем мы приступим непосредственно к нашей программе, я хочу сказать пару слов о моем новом проекте, который в ближайшее время появится на ваших головизорах и коммуникаторах. Для его создания мы привлекли множество экспертов. Вскоре вам предстоит увидеть настоящий акт божественного творения в реалити-шоу «Мир-2»! Но вернемся к нашим соревнованиям! — я подошел к компании из пяти героев: гнома в силовой броне, мага воды в камуфляжном костюме и бронежилете, друида, хоббитской жрицы огня и державшейся чуть в стороне от них волшебнице воздуха, — Шарль, вы уже не первый раз на моей программе со своей командой «Попаданцы». За сколько времени вы рассчитываете пойти сегодняшние пять квестов?

— За пять часов! — голос глухо донеслось из-за прозрачного забрала шлема.

Я жестом выключил головизор. Меня всегда смущало смотреть на самого себя со стороны. Тем более, пора было заняться более серьезным делом. Повинуясь моей божественной воле, в воздухе материализовался крупный кусок известняка килограмм под пять весом, покрытый лишайником. На одной из его граней была выбита руна Ансуз — бог. Я взял краеугольный камень мироздания в руки и сосредоточился…

Сотворение миров работа сложная, особенно когда хочется сделать что-то оригинальное. Люди ничего не могут создать по-настоящему, но уже придумали все за тебя. Одна за другой идеи появляются в голове, но понимаешь, что где-то они уже были. Ты начинаешь воплощать их… Потом ловишь на себе снисходительный взгляд демиургов Шамбамбукли и Мазукты. Трурль и Клапауций, начинают говорить под руку ценные советы.

Проклятые надоедливые жестянки! Шериф Кеттари, Махи Аинти, насмешливо улыбается в свои усы, попивая мелкими глотками камру из маленькой фарфоровой чашечки. А сеньор Борхес… Черт бы его побрал с его фантазией!

Сотворение миров работа сложная. Сны несутся передо мной. Но мне приходится выбирать.

…Автоматический дрон на орбите безымянной звезды смотрит своими сенсорами в глаза живому кораблю. Они оба не понимают, что за причудливые астероиды встретили, но скоро они вернуться в свои системы, и дальше начнет разворачиваться История.

…Отряд гномийской киберпехоты из последних сил отбивается от когорты легиона усиленной инквизиторами Бастет. Мелькают трассеры. Сверкает поле божественного щита. Это всего лишь прошлое Мира, но оно хочет снова стать настоящим.

…Космическая станция на орбите Земли, другой Земли, практически полностью съеденной инопланетной плесенью, встречает космонавта-исследователя из колонии. Пришелец осознал свою ошибку и хочет установить контакт с людьми. Трурль начинает протестовать, напоминая мне про какой-то «Солярис» и Лема. Я не знаю, о чем он, но для вида соглашаюсь. Да, где-то уже было.

…Броненосцы Таирского Союза начинают разворачивать орудийные башни. Разведчики заметили несколько нальфгаров некромантов. С палубы эльфийского крейсера взлетают пегасы с магами на спинах. Эскадру нежити прикрывают с воздуха костяные драконы и несколько демонов. Тише, тише, пойдемте дальше! Главное, не мешайте акустикам. Иначе три кита-зомби смогут подобраться на расстояние звукового удара к авианесущей группировке светлых сил.

…Девушка в легкомысленном сарафане сидит на земле в сосновом бору на высоком берегу реки. Ее пушистый хвост лежит на коленях. Волосы — море золотой пшеницы. В одной руке книга, в другой она держит надкусанное яблоко. Кисточки на треугольных звериных ушах подрагивают от возбуждения. Или может быть потому, что зуд комара не дает ей расслабиться? Не знаю. Мне интересно, что она читает, но я боюсь вспугнуть ее. Внезапно демонесса-бистаа откладывает фолиант в переплете из человеческой кожи, поворачивается ко мне и подмигивает. Я исчезаю. Я в панике и смущении. Она Зло. Но больше всего сейчас мне хочется запустить свою ладонь в ее волосы и притянуть ее губы к своим.

Все это и еще многое другое очень хочет случиться. Я был бы рад, если бы мог это устроить. Но у камня с руной Ансуз остался

только один заряд.

Сотворение миров работа сложная. Особенно, когда нет права на ошибку. Когда есть только один шанс, и совершенно нет опыта. Конечно, для телешоу подошли бы и занавески на заднем фоне, а линии, нарисованные мелом на полу, вполне способны заменить во время спектакля стены. Главное не декорации. Главное актеры.

Но я привык работать на совесть. Поэтому я протягиваю свои руки в одиннадцатимерное пространство-время и позволяю оторваться от первичной мембраны маленькому пузырьку. Слегка дую на него, чтобы начать инфляционную фазу развития вселенной. Сингулярность взрывается, а я начинаю клясть себя за глупость. Приходится останавливать время и срочно поправлять гравитационную постоянную и скорость света в новорожденном мире. Хорошо еще, что эта вселенная полностью подвластна моей воле. Меч в моей руке разделяет единое поле на гравитацию, сильное и электрослабое взаимодействия. Последнее сопротивляется до последнего, но мне удается разрезать и его пополам.

Я не успеваю вздохнуть, как проявляется очередная моя ошибка. Антиматерии и материи получается поровну. Вселенная, наполненная только излучением, мне не нужна. Приходится насильственно создавать барионную асимметрию. Я усмехаюсь про себя. Теперь я понимаю, что, создавая мир Терры, кто-то тоже крупно косячил. Мазукта виновато разводит руками. Шамбамбукли начинает внезапно пристально рассматривать носки своих ботинок и бормочет под нос что-то про торопившего их бога-льва.

Я внимательно наблюдаю дальше за образованием элементарных частиц, а затем ядер гелия из них. Эпоха первичного нуклеосинтеза идет так, как надо. Затем жду еще триста тысяч лет и удовлетворённый возвращаюсь на Терру. Все же творить по образу и подобию гораздо проще, чем придумывать что-то радикально новое. Теперь надо оставить вселенную в темном сухом и теплом месте, чтобы мое создание дозрело.

Завтра вечером годовщина моей смерти как человека и второго рождения в качестве бога. Это один из немногих ритуалов моей религии. Не так уж и часто мы с моими друзьями встречаемся вместе. Хотя, какие они мне друзья? Апостолы, вот правильное слово…

Я пару раз встряхиваю Мир-2, для создания неравномерности распределения вещества и появления зародышей галактик. После кладу шарик на полку в своем кабинете в здании кафедрального телецентра.

Напоследок я проверяю камеры наблюдения. Они работают, весь кабинет в поле зрения. Ловушка для любопытных расставлена, улыбаюсь я себе и спешу на крышу, где меня ждет Сущность Бури. Внизу, у входа в телецентр, слышен вой полицейских сирен.

Я запрыгиваю верхом на серого крылатого льва, того самого с заставки «Божественного произвола», и он несет к космодрому Нового Сиднея. Я бы мог обойтись и без этих церемоний, просто возникнуть на месте встречи, но боюсь отказываться от своей человеческой формы даже ненадолго. Она слишком дорого мне далась.

Я занимаю место в шаттле, за окном персонал космопорта пытается увести Сущность с взлетной площадки. Крылатый лев, напротив, очень хочет поиграть со смертными. Внезапно я чувствую легкую вибрацию в кармане. Я достаю коммуникатор и посматриваю пришедшие сообщения с видеозаписями.

Моя уборщица, Нюра протирает шкаф, и цепляет тряпкой сферу новосотворенного мира. На мгновение она пропадает из вида, а затем возникает снова, но вместо обычной униформы на ней расшитый золотом халат в прожжённый в нескольких местах, а на лице вместо обычной покорности неизбывная скорбь. Что с ней произошло там? Я пока не знаю, проверю потом. Сейчас главное уменьшить скорость времени в Мир-2 относительно земного.

Она покидает мой кабинет, и тут же появляется новый гость. Дверь открывается и непонятная, похожая на геккона-переростка тварь, пробегает по потолку, оглядываясь по сторонам. Заметив вселенную на полке, она бросается к ней, на ходу превращаясь свою истинную форму — эльфа. Высокий биомант зажимает в своих руках сферу и растворяется в воздухе. Это не совсем тот, кого я ждал, но я решаю что, посторонние гости могут сделать представление более интересным и непредсказуемым.

Парой минут позже в открытую дверь кабинета входят «Попаданцы». Шарль берет в руки молодую вселенную и внимательно рассматривает ее. Силуэты его команды постепенно бледнеют и исчезают. Надо будет добавить потом спецэффекты, отмечаю я в планировщике.

Мои губы расплываются в улыбке. Слухи, которые я распространял, не прошли мимо нужных ушей, как и несколько провокационных бесед после шоу «Божественный произвол». Аккуратно потерянные в нужных местах квитанции о заказанных билетах, попались на глаза кому надо. Все мои намеки нашли цель.

Шоу началось! Я прикоснулся к душе своего воплощения в

Мир-2.

Глава 1 в которой Петер отправляется в ссылку, «Попаданцы» оказываются в Мир-2, а Орели кусает фельдфебеля за руку

В столовой царил полумрак. Тяжелые темные портьеры закрывали окно, оставляя лишь тонкую щель, через которую в комнату попадал свет. Яркое солнце моя дражайшая супруга недолюбливала. Поговаривают, что у жителей Цукикаге, откуда она родом, есть примесь крови темных эльфов. Не знаю. Во всяком случае, способностей к магии Тени и малефике у моей жены не было, чего не скажешь о ночном зрении и странной нечеловеческой красоте — чуть раскосые глаза миндалевидные глаза, волосы цвета воронова крыла, токая талия — она была неотразима. Черное домашнее платье, открывающее плечи, черная бархотка на шее, дополняли образ дроу. Но она не была ведьмой темных эльфов, несмотря на все сходство. А жаль. Иначе я мог бы просто позвать инквизицию, чтобы решить свои семейные проблемы.

Где-то наверху под потолком во тьме пряталась филигранная лепнина из алебастра. Стены покрывали шелковые обои привезенные прямиком из-за океана. Мебель была сделана из карликовой березы. Отделка и обстановка этой залы стоила больше, чем иное поместье с крепостными в провинции.

Я придвинул свой стул поближе к столу. Передо мной стояла тарелка с супом, который я методично ел, стараясь сохранять спокойное выражение лица.

— … Идиот! Дебил! Дегенерат! Да как папенька только мог заключить нашу помолвку! — Юкки орала на меня, но я уже привык. Она могла. У ее клана было почти два миллиона рейхсмарок, и это только на официальном семейном счете в императорском банке. А ведь наверняка был анонимный в «Первом гномийском» и не один. Я же был гордым обладателем баронского титула, полуразвалившегося поместья в глуши и нескольких семейных долгов на сотню тысяч золотых. Клан Юкки не спешил их выплачивать и после свадьбы крепко держал меня на крючке.

Заморским купцам из Цукикаге, чтобы вести дела в Таире, мой титул нужен был не меньше, чем мне их деньги для спасения от долговой ямы. Да, это был дикий мезальянс — жениться на иностранке без дворянского титула, но оно, как мне казалось

тогда, того стоило.

Слуга забрал пустую тарелку и принес перемену блюд. Юкки продолжала выказывать свое недовольство. Я пожал плечами в ответ на какой-то ее вопрос и продолжил есть стейк.

Конечно, моя жена вела себя неподобающе. Кричать на своего мужа и господина она не имела никакого права. Но что я мог возразить? Меня поймали почти на горячем, и хорошо, что я сейчас сидел в этой столовой со своей сварливой второй половинкой и ел элитную говядину средней прожарки, а не шел в кандалах по коридорам Государственной Тюрьмы. А ведь так бы оно и было, если бы в этом же деле не был повязан вместе со мной сам начальник Тайной государственной полиции Таирбурга, оберст Авраам Йоффе.

Я утешал себя тем, что Лоуренсу Паульсону-Ольтесте, оберлейтенанту охранки, написавшему донос на меня, сейчас гораздо хуже. Наверняка очень умный и слишком честный молодой дворянчик едет в трясущемся почтовом дилижансе куда-нибудь подальше от столицы Таирского рейха с экстренно выписанным ордером о переводе. Впрочем, зная крутой нрав господина оберста, можно было предположить, что труп Лоренца сейчас болтается на дне реки. В нашей столице, где каждый покрывает каждого, такие умники долго не живут.

Я щедро делился с начальником тайной полиции. Но не стоит обманывать себя, его силы тоже ограниченны. Мальчишка успел отослать копию своего доноса в главное управление Тайной полиции, напрямую генералу Артуру Небе, а над ним мой покровитель не властен. Завтра или послезавтра я последую, как и Лоренц в ссылку в свое поместье. Ненадолго, на полгода, пока все домыслы не опровергнет «честное и беспристрастное» расследование под руководством Авраама Йоффе. Оберст посчитал, что чем дальше я буду, тем меньше неудобных вопросов мне смогут задать.

— … Да как вы только могли попасться! — бросила в сердцах моя жена.

Я не очень-то слушал упреки Юкки, но этот меня зацепил. Но, правда, как я мог? Проклятое демонами, в прямом смысле этого слова, сукно для мундиров лежало на армейских складах больше тридцати лет и покрывалось плесенью. Согласно постановлению инквизиции карантин должен был продлиться полвека. По мне, так проще было сразу сжечь.

Моль пировала и славила своих богов в честь обильной трапезы. И вот я решил продать неликвид. Конечно, частным порядком. Естественно, не платя налоги. Да ё-моё! Я же совершил благодеяние для кайзера! Освободил склады от абсолютно

никому, кроме нечистых на руку купцов Карнатакской Колониальной Компании, не нужного мусора! Но чертов оберлейтенант Паульсон каким-то образом пронюхал мою аферу.

Нож в моей руке скреб о кость. Раздался противный звук. Юкки скорчила недовольную гримасу и замолкла. Она была прекрасна, когда молчала. А сейчас, когда на ее обычно бледном лице проступил румянец от злости — просто неотразима.

— Юкки, не волнуйтесь, криминальдиректор Йоффе обещал, что дело не получит развития и огласки, — успокаивающе произнес я.

— Я все расскажу папеньке завтра же! Он узнает, какую ошибку он совершил!

— А какую ошибку совершил я, позарившись на состояние твоей фамилии? — пробурчал я тихо себе под нос.

— Петер, я не желаю вас видеть, вы позор семьи! — в сердцах воскликнула она.

Ну да, как выполнять черную работу и ставить подписи под сомнительными документами, так Петер фон Краузе нужен… Но я не протестовал. Призрак Государственной Тюрьмы стоял передо мной. В конце концов, надо же хоть когда-то посетить свой фатерлянд? Слуги уже собирали сундуки, а на завтрашнее утро забронирован дилижанс.

— И не вздумайте приходить ко мне сегодня ночью, Петер!

Я в ответ только фыркнул. Ага, даже и не думал. Бревно ты фригидное. Мечта бобра, Тиамат тебя побери!

Нож мерзко скрипнул по фарфору. Юкки опять недовольно скривилась. Я отправил кусочек мраморной говядины в рот и начал громко чавкать. Я знал, что это дико раздражало жену. Она отодвинула свою тарелку, встала из-за стола и ушла, оставив на тарелке объедки общей стоимостью под десяток золотых.

Ничего! Завтра я стану свободен. Это практически развод. Хвала богам, какое счастье, что Авраам Йоффе предложил мне эту ссылку. Теперь у меня есть железное обоснование, чтобы сбежать из дома от всех этих интриг и скандалов.

* * *

Середина весны самое отвратительное время для путешествий по Таирскому Кайзеррейху. Снег уже сошел, но земля не успела просохнуть. Стоило мне отъехать от столицы на день пути, как прекрасные мощеные дороги закончились, и началась грунтовка. Апрельская грязь чавкала под копытами лошадей. Карета с трудом продиралась по раскисшему тракту.

Ни мой слуга, ни возничий в магии толком не разбирались, поэтому мне пришлось вспомнить юность, когда я сам был адъютантом лейб-гвардии майора Киршнера. Я залез на козлы рядом с кучером. В моем амулете-накопителе оставалось не больше двухсот единиц маны, но я помогал лошадям, как мог, подмораживая вязкую почву и укрепляя ее чарами.

Мы находились всего полусотне лиг от Таирбурга, но я не видел даже воспоминания о цивилизации. В последнем городке мне не встретилось ни одной зарядной станции для артефактов, не говоря уж про манахранилище. Но это ерунда, я был готов пожертвовать своим физическим комфортом. Главное, что мне никто не трахал мозг.

До моего фамильного поместья была еще неделя пути, но это по хорошей дороге. Оно находилось в предгорьях хребта Кур-саг, на самом востоке провинции Фридрихсланд, возле милого провинциального городка Брюгге. И, похоже, можно было не надеяться, что там будет источник магии поблизости.

Когда-то я по-тихому увел с армейских складов три списанных аккумулятора на двести тысяч маны. Надо было тогда прихватить еще один для себя, с грустью подумал я. Вещь-то в хозяйстве полезная. Таких запасов бы на год хватило и мне, и слугам для бытовой магии.

Два дня мой путь шел мимо пустых деревень. Вражеские некроманты и демоны слишком сильно наследили на этой земле своими заклинаниями во время последней отчаянной попытки наступления. Даже спустя сорок лет после той бойни, унесшей половину воинов Союза, но сломавшей хребет армии вторжения, то тут, то там просыпались «подарки» былых времен.

Вот и здесь месяц назад произошел прорыв Инферно. Такое случается раз в пару лет в центральных провинциях. Истонченная граница между Преисподней и нашим миром становится проницаемой, и демоны спешат воспользоваться моментом, чтобы насладиться человеческими страданиями.

Армия и инквизиция эвакуировала всех крестьян на десяток лиг вокруг. Тех немногих, кто выжил после прихода демонов. Зачистка территории от порождений преисподней уже закончилась, но смерды не спешили возвращаться в свои разрушенные дома. И я их понимал, пустых земель в Таире после мировой войны было более чем достаточно. И многие из этих земель были значительно более гостеприимными, чем здешние болотистые места.

Вдали за поворотом раздалось чавканье копыт. От случайных встреч на безлюдной дороге я ничего хорошего не ждал, поэтому достал на всякий случай гномийский пистоль из-за пояса и

подвесил на кончиках пальцев готовое заклинание магической стрелы. Только пальцем шевельни и она полетит.

На этот раз реальность многократно превзошла мои ожидания. Сначала на дороге показались пятеро гусар в полудоспехах. Перья на крыльях-украшениях за их спиной трепетали от потока встречного воздуха. Лошади были покрыты пеной. Я отменил заклинание, вернув ману в амулет-накопитель, висевший на моей шее, но пистолет оставил под рукой. Солдаты… они иногда похлеще лихих людей бывают.

Затем на дороге появился их преследователь. Земля подрагивала под ногами, бегущего за ними демона. Он громко хлопал своими куцыми крыльями во время долгих прыжков, напоминая курицу. Порождение ада второй круга, не меньше. Мое сердце ушло в пятки, когда демон, уставший от погони за шустрой дичью, обратил свой пламенеющий взор на карету. Кучер просто испарился с козел, вслед за ним выпрыгнул наружу и побежал слуга. Треск в придорожных кустах и их панические вопли заглушали даже рев демона. Я лихорадочно пытался сотворить заклинание тактической телепортации, но тщетно. Да, я тыловая крыса-интендант. Да, мне стоило хотя бы изредка посещать занятия по боевой подготовке, а не просто подписывать протоколы в учебке… Но сейчас поздно было жалеть об этом.

Демон приблизился уже почти на расстояние удара. Понимая, что сбежать не удастся, я выстрелил в него из пистолета. Пуля рассекала шкуру на морде демона и только добавила ему злости. Я спрыгнул с козел со своей парадной саблей в руке. Это не был акт героизма, всего лишь попытка умереть достойно. Простой клинок бесполезен против этой твари. Проще самому заколоться этой зубочисткой. Эх, будь у меня сейчас Sturmstabb»41[1] я бы может попробовал повоевать… Но я практически с голыми руками стоял перед порождением преисподней и ждал своей кончины. Еще одна попытка телепортации провалилась. Присутствие демона искажало течение магии рядом, а я и так был не слишком талантлив в волшебных искусствах.

Тяжелый меч демона начал свой путь к моей шее. Я рефлекторно вжал голову в плечи. Маны оставалось меньше чем ничего, и я от безысходности изменил последнюю попытку телепорта на родственное ему заклинание «удара Лобачевского-Римана», которому меня пытался научить аспирант кафедры экспериментальной магии.

Пространство передо мной вывернулось наизнанку. Как я смог сколдовать заклятье четвёртого уровня для меня загадка, у меня и второй-то не всегда с первого раза получается. Но факт оставался фактом. На месте правой руки демона плавало облачко

кровавого тумана. Он испугался и начал пятиться. Я прижался спиной к карете и выставил перед собой саблю. Мана закончилась, а вместе с ней пропали и все шансы на выживание.

Топот копыт раздался сбоку, предвещая мое спасение. Тяжелая заговоренная кавалерийская пика, рассыпая голубые искры, врезалась в бок монстра и пробила его насквозь. Удар бросил демона на землю. Гусары вернулись.

Они спрыгнули на землю и принялись рубить демона в капусту своими тяжелыми палашами. Изредка посверкивали разряды боевой магии на клинках. Похоже, один из них был неплохим волшебником.

Идиоты. Я бы на их месте бежал как можно дальше. В подтверждение моих слов один из них отлетел на десяток метров от удара агонизирующего демона и с противным треском врезался в дерево. Но оставшимся удалось прикончить порождение преисподней. Один из кавалеристов направился ко мне, вытирая свой клинок тряпицей от темной демонской крови.

— Господин оберст, вы, наверное, пролили что-то… — сказал он.

— Что? Где? — удивился я.

Поручик молчаливо указал на мои штаны. Мда… Позор, конечно, зато живой! Я запрыгнул в карету и прикрыл дверь. Тут подошли остальные трое. Похоже, мертвый товарищ, проткнутый как кусок шашлыка ветвью дерева не вызывал у них никаких эмоций. Впрочем, чего еще ждать от кавалеристов. Они со смертью на короткой ноге.

Моя физиологическая реакция у него, как ни странно, смеха не вызвала. Его лицо скорее выражало понимание и сочувствие.

— Вы позволите проводить вас в расположение части? Путешествовать здесь в одиночку небезопасно, — сказал он, убирая клинок в ножны.

— Спасибо, поручик, я уже заметил, — меня трясло от запоздалого ужаса.

Один из гусар залез на передок кареты и взял вожжи. Остальные запрыгнули в седла, и мы двинулись дальше. Я сменил штаны и ополовинил залпом свою флягу с бренди. Поручик ехал чуть позади кареты. Деликатно дождавшись, когда я покажусь в окне, он поравнялся с экипажем.

— Господин оберст, вы нам очень помогли. Оторваться от него мы не могли, дать бой — тоже. Если бы не вы, то он нас всех положил…

— Вам спасибо, что вернулись, — я протянул ему флягу с остатками бренди, — надеюсь, вы не будете распространяться про некоторые подробности…

— Благодарю, — он протянул бренди обратно, — Конечно, нет!

Я постепенно успокаивался. Что меня расстраивало, так это то, что я лишился слуги. Впрочем, да что бы его там сожрали волки, как он посмел бросить своего господина в опасности?! Пускай сам выбирается, а я и без него обойдусь!

До армейского лагеря мы добрались вечером. Там я и заночевал. Ротмистр, командовавший эскадроном гусар, вошел в мое бедственное положение и оказался настолько любезен, что выделил мне унтер-офицера в качестве временного денщика и перезарядил маной мой амулет от портативного гномийского аккумулятора. Это решило множество проблем.

Он даже обещал написать письмо в столицу о представлении меня к награде. Если бы не мое вмешательство, то жертв было бы гораздо больше. Эта перспектива мне льстила. Наконец-то у меня появится хоть одна медаль, кроме как за выслугу лет.

Пару дней, пока мой путь лежал в безлюдной зоне вокруг очага прорыва Инферно, меня сопровождал эскорт из четырех гусар. Но остаток дороги мне пришлось проделать в компании с пожилым фельдфебелем, заменившим мне кучера и слугу. Несмотря на старость, унтер был на редкость расторопным, исполнительным и молчаливым. Настоящим солдатом старой закалки. Тех времен, когда никому и в голову не приходило обсуждать отмену крепостного права или, смешно сказать, конституцию на манер эльфийской.

Губернская столица, Фридрихсбург, к моему сожалению, осталась в стороне от нас. Я бы с удовольствием посетил этот легендарный город мастеров, где концентрировалась добрая половина мануфактур по производству магического оружия в кайзеррейхе. Но ради этого мне пришлось бы делать большой крюк. Так что мне пришлось наслаждаться видами на озеро Фиршес, еще не до конца очистившееся ото льда, ёжась на влажном промозглом ветре, дувшем с гор. Вдали на горизонте уже виднелись заснеженные вершины хребта Кур-саг. Мои родные края были уже близко.

По пути мы заглянули в Брюгге — небольшой уездный город, рядом с которым находилось мое семейное поместье. Местечко, несомненно, замечательное. Это был осколок старых, еще довоенных времен. Налеты костяных драконов и демонов, рейды народа зверолюдей бистаа, удары магии стратегического назначения — все это обошло этот милый пасторальный городок стороной. В его окрестностях я провел ранее детство и вот теперь, через три десятка лет возвращался…

Спустя еще четыре часа пути по тряскому тракту я оказался у

своего родного дома. Поместье встретило меня покосившимися воротами на въезде в парк. Дорога к самой усадьбе заросла травой, и только узкая тропинка помогла найти путь.

Карета остановилась, я отодвинул шторку и окинул придирчивым взглядом усадьбу. Дом оказался внезапно ухоженным. Стекла стояли на месте, двери и ставни блестели свежей краской. Крыша на вид тоже была в порядке.

Я вздохнул с большим облегчением. Я был готов к тому, что за тридцать лет отсутствия хозяев холопы растащили все ценные вещи, разорили дом, и ближайшие полгода мне придется провести в гостинице в Брюгге. Но вместо руин меня встретила вполне приличная двухэтажная усадьба, построенная пускай и без архитектурных изысков, но зато готовая выдержать небольшую осаду, благодаря стенам двухметровой толщины и окнам-бойницам.

На крыльце стоял пожилой селянин в простой домотканой одежде с древним, наверное, еще довоенным магическим стрелковым посохом в руках.

— Здоровы будьте. Меня Нестор звать. Кто такие, зачем пожаловали? — спросил он меня подозрительно прищурившись.

— Барина не признаешь? — Я усмехнулся. Откуда им было меня узнать. Я уезжал отсюда еще маленьким ребенком, и ни разу не возвращался. Крестьянин побледнел, но не растерялся.

— Господин Петер?

— Он самый, — фельдфебель наконец догадался открыть мне дверцу кареты, и я ступил на землю. Покопавшись в кармане, я нашел серебряную монету в половину рейхсмарки и кинул ему. — Свободен. Передай мою благодарность ротмистру.

— Спасибо ваше высокоблагородие! Обязательно передам! — он отвязал свою лошадь от кареты и начал ее седлать.

— Господин Петер, вы, эта, может бумагу покажете какую… А то ездют тут всякие… — Крестьянин относился ко мне с подозрением и опаской. Я изобразил гнев на лице, но протянул ему свою подорожную. Реакция холопа на мой приезд порадовала. Похоже, был хороший шанс, что дом не только снаружи содержали в порядке, но и внутри не разворовали.

Нестор смешно шевелил губами, читая грамоту по слогам. Наконец, продравшись через хитросплетения юридических оборотов, он попытался сотворить верифицирующие чары. Я с усмешкой смотрел за его попытками. Наконец бумага в его руках вспыхнула желтым светом, и в воздухе над ней зависло изображение герба Таирского кайзеррейха — золотой венок из дубовых листьев. Нестор с поклоном протянул ее мне.

— Господин Петер, мы тут вас совсем не ждали, значится. Я

староста тутошний. Извольте, я вас тут на веранде пока устрою, и своих из деревни кликну, чтоб они дом в порядок привели. Не топлено там, пыльно. Пускать вас стыдно внутрь.

— Давай, Нестор. — Я последовал за ним и уселся на скамье за столом на летней веранде, увитой диким виноградом. Крестьянин с поклоном убежал, но вернулся через пару минут с пыльной бутылью и каким-то свертком.

— Это вам, господин, вино местное, оно может не такое как с югов то привозят, но настроение тоже хорошо поднимает, — на стол рядом с бутылью он поставил глиняный стакан и положил полголовы сыра и вчерашний хлеб. А затем быстро удалился.

Через облака проглянуло солнце и начало греть мне спину. Мне определенно начинало тут нравиться. В Несторе не чувствовалось того приторного лицемерного подобострастия столичных лакеев. Я даже допускал мысль, что он действительно был рад меня видеть. Да и терпкое кисловатое вино оказалось достаточно приятным. Припекающее весеннее солнце, усталость от дороги и оказавшийся предательски крепким напиток разморили меня, и я задремал.

* * *

За пару дней дом приобрел вполне жилую атмосферу. Пара крестьянок из близлежащей деревни неутомимо вычищали комнату за комнатой от пыли и паутины. От их жизнерадостных голосов и пошловатых шуток сама собой пропадала атмосфера одиночества и запустения, окутывавшая старую усадьбу. На кухне что-то шкворчало и бурлило, распространяя по всему первому этажу дивные ароматы.

Нестор на следующий день привёл мне конюха и еще одного туповатого молчаливого паренька, рубившего сейчас дрова на заднем дворе. Нормального управляющего в поместье не было, но староста прекрасно выполнял его функции. Конечно, оставался открытым вопрос, сколько золотых десятины я недополучил за последние годы, пока не велись бухгалтерские книги, но по столичным меркам местного оброка мне бы в любом случае хватило только на один обед в ресторации. А начинать свое присутствие со скандалов не хотелось.

«Смотаться, что ли в деревеньку, глянуть, как там мои крепостные живут?» лениво подумал я, сидя на веранде со стаканом наливки в руке. «Может и крестьянку себе какую присмотреть… Нет, лень.»

— Нестор, приведи мне завтра пару девок! Горничную себе

выберу, — крикнул я показавшемуся во дворе старосте. Тот хитро улыбнулся и поклонился.

Лень полностью описывала состояние моей души и тела. За последние пять лет работы в качестве интенданта столичного гарнизона, я так привык к интригам между купцами, зубами, выдирающими друг у друга контракты на снабжение армии и давлению начальства, проталкивающего свои интересы, что сейчас два дня тишины и покоя казались просто райским блаженством. Главное мне не свихнуться со скуки через месяц-другой.

А впереди было еще полгода полных сытной едой и знакомствами с местными дворянами. Наверняка где-нибудь недалеко найдется маразматичный отставной генерал, любящий вспомнить военное время и надоедающий всем своими байками. Не может быть, чтобы не нашелся. Потом будут занудные застолья с соседями, провинциальные салоны в Брюгге, где я без сомнения буду блистать своими манерами и очаровывать местных барышень…

Но боги крепко хранили мое душевное здоровье от скуки и обыденности. Уже вечером этого дня от моей ленивой неги не осталось и следа. Нестор подошел ко мне после ужина, когда я расслабленный сидел перед камином с найденным мной рыцарским романом. Его глаза бегали. В руках он мял свою бесформенную войлочную шапку.

— Барин, дозвольте обратиться?

— Говори.

— Тут, это, в наших владениях, в холмах племя охотников поселилось лет пять назад.

— Браконьерствуют на моих землях? — спросил я строго. Хотя, по большему счету, мне было ни холодно, ни жарко. Никогда не любил охоту. А большая часть моих обширных земель состояла из непролазных лесов в предгорьях, только для охоты и пригодных. Даже древесину заготавливать здесь было невыгодно — слишком далеко потом везти. После войны эти негостеприимные земли оставались пустынными.

— Охотятся, — твердо сказал Нестор. — И травы собирают. Они, конечно, вашего позволения не просили, но вместе с нами десятину платили.

— Ну, если платят, тогда Иштар с ними, — я хотел уже, было, вернуться к чтению.

— Барин, они подарки вам привезли, меха.

— Это хорошо. Прогуляемся к ним как-нибудь, как потеплеет. Покажешь их поселение.

— Так, эта, вождь ихний свою дочку прислал. С подарком то.

— А ты оперативен Нестор, хвалю. — Я поднялся из кресла и потянулся. — Показывай, подарки и дочку.

Однако Нестор начал нервничать еще больше.

— Барин вы только не серчайте…

— Что, девочка такая страшная? — Спросил я, входя в гостиную.

На столе лежали стопкой бобровые и лисьи шкуры. Неплохой товар для столичного рынка, особенно если учесть, что я смогу ввезти его без пошлины. В тени стояла хрупкая миниатюрная фигурка в плаще из вощеной ткани, с накинутым капюшоном. Большие зеленющие глаза испуганно смотрели на меня с изящного треугольного личика с тонким точеным чуть вздернутым носом и бледными сжатыми от волнения губами. Из-под капюшона выбилась прядь соломенных волос. Милая девочка, решил я и всмотрелся в глаза девушки чуть пристальнее. Бревно в камине треснуло, искры и язык пламени взлетели вверх, озарив комнату ярким светом, и зрачки гостьи сжались в тонкую вертикальную линию.

— Капюшон сняла, быстро, — приказал я, подвешивая на кончиках пальцев заклинание магической стрелы. Девчонка послушалась меня, и я увидел роскошную копну золотистых волос и два звериных треугольных уха с кисточками на концах.

Первым делом я повернулся к Нестору и отвесил ему хорошую зуботычину.

— Ах, ты, ублюдок! Ты бы еще овцу мне в спальню привел! Это же надо было додуматься попытаться мне тиерменш в постель подложить! Бистаа в дом привел! Отродье демонское, стоять! — магическая стрела сорвалась с моих пальцев и вырвала щепки из дверного косяка. Пытавшаяся сбежать девочка остановилась и затряслась.

На всякий случай я накинул на себя чары эмпатии. Девчонка боялась, ни капли агрессии. Нестор тоже. Я не заметил насмешки в его эмоциях. Неужели он такой идиот? Искренне думал, что я буду рад увидеть демонскую полукровку, зверочеловека-тиерменш в своих владениях. Стоп! Это же дочка вождя! Их там целое племя! Только обвинения в укрывательстве от инквизиции мне не хватало!

— Девчонку связать и в погреб. Головой за нее отвечаешь. Понял? Завтра меня разбудишь на рассвете. Едем в город с ней к инквизитору. Стоять, бистаа! Куда рыпнулась! — еще одно заклятье вошло в стену прямо рядом с ее ухом.

— Барин не надо! Барин, они там все хорошие, не сектанты какие-нибудь! — Нестор вытирал рукавом кровь, льющуюся из разбитой губы.

— Это вы оба завтра будете инквизитору рассказывать. Выполнять! — рявкнул я.

* * *

До города оставалось еще часа два пути, и я мучился от скуки. Читать не было ни малейшей возможности. Старую карету немилосердно трясло. Такое впечатление, что, когда ее делали, рессоры еще не изобрели. Я уж молчу про магические нулификаторы инерции.

Некоторое время я смотрел в окно на поля, покрытые молодой зеленой порослью. Вскоре показались угодья Дома Валадис. Глава этой семьи был неофициальным героем Таира. Длинноухие союзники не спешили вступать в войну с демонами и нежитью, ограничиваясь морской блокадой некромантов и магическими бомбардировками. Как, впрочем, и подгорное племя.

Во время войны Данко Валадис удалось подпольно вывезти несколько детенышей пегасов с эльфийских ферм. Только благодаря его усилиям у кайзеррейха появились свои воздушные силы. После окончания боевых действий из-за многочисленных эльфийских дипломатических нот, его отправили в тюрьму на десять лет. Я как-то побывал в его камере. Должен отметить, что покои кайзера выглядят гораздо более аскетично.

Пара маленьких жеребят породы фокке-вульф мирно щипали травку. Вдоль изгороди прогуливался тяжеловоз — дорнье цвета панцерграу. Лишь несколько светлых перьев портили экстерьер. Увидев карету, он громко заржал и захлопал крыльями. Вдалеке паслись пегие эльфийские чистокровки — поджарые и мускулистые спитфайры.

Бистаа сидела напротив меня на скамье вместе с Нестором. Оба молчали. Староста виновато, бистаа испуганно. Наконец я не вытерпел.

— Как тебя звать, демонское отродье?

— Орели, господин, — она смешно картавила и ставила ударение на последний слог на манер уроженцев юго-запада империи.

— И зачем же ты пришла ко мне вчера?

— Мой отец приказал. Мы стараемся смешать свою кровь с людьми, может быть, тогда вы возьмете наших детей в свое племя и не будете их убивать.

Я громко фыркнул в ответ. Неслыханно!

Но надо отметить, что-то рациональное в этой мысли было.

Видимо вождь, когда выбирал мать Орели, тоже придерживался этих принципов. Бистаа выглядела достаточно приятно, я бы сказал красиво, и даже звериные уши не уродовали, а наоборот добавляли некоторый шарм. Если бы не интуиция, я бы мог обмануться при встрече. Не то, что представители племен Орды, живущие в западных степях. Те больше напоминали причудливых разумных зверей, ходящих на задних лапах.

Остаток пути я провел в размышлении о величии человеческой расы и кайзера, благодаря которому даже демоны-полукровки стали стремиться к тому, чтобы стать людьми.

* * *

Моя карета с грохотом прокатилась по булыжной мостовой пустынных улиц Брюгге, мимо складов на окраине и армейского форта и остановилась на площади у городской ратуши. Трехэтажное здание жандармерии было вплотную пристроено к ней. Тут же, рядом, находилось уездное отделение инквизиции, а напротив стоял невысокий, всего в четыре человеческих роста зиккурат, на вершине которого высился храм Нингаль, воплощения Иштар материнства. Сначала я зашел к церковникам, но секретарь отца Отто Каца, единственного представителя инквизиции в этом уезде, объяснил мне, что его святость все еще прибывает на месте того прорыва Инферно, что я проезжал по дороге сюда, и будет обратно не скоро. И мне пришлось направиться в жандармерию, под крышей которой ютилось заодно малочисленное местное управление Тайной государственной полиции.

Пожилой криминалькоммиссар, гауптман Густаф Шрейбе, был со мной не очень приветлив. Я его понимал. Конечно, с моим делом надо было обращаться к инквизиции, а не к светским властям. Гауптман встретил меня, Нестора и Орели в своем рабочем кабинете на втором этаже жандармерии. Я с радостью увидел на нем обычный серый армейский камзол с черным кантом. К моему счастью до этой провинции еще не докатились фанатики корпуса «Дворянской Добродетели»: неподкупные, патологически правдивые, абсолютно не способные к переговорам и компромиссам. Их чёрная форма с серебристыми позументами и двумя рунами Дагаз на воротнике заставляла меня скрипеть зубами от злости. Сколько откатов было потеряно мной из-за вмешательства этих ублюдков!.. Хуже них были только Имперские судьи, с вывернутыми наизнанку магией мозгами.

Он внимательно выслушал мою гневную речь, про племя

бистаа, живущее на моих землях. Однако, вместо объявления экстренного сбора и вызова военных, чтобы те выкинули дикарей с территории рейха, Густав откинулся в кресле и спросил меня:

— И что вы предлагаете мне предпринять, фрайгерр Краузе?

— Как что? — я слегка опешил, — уничтожить этих порождений демонов и сектантов!

— А вы знаете, что согласно последнему приказу кайзера «О препятствии развития межнациональной и межрасовой вражды на землях Таирского кайзеррейха» допускается проживание в специально выделенных территориях лицам с долей демонской кровью до пятнадцати сотых включительно? — спросил он, пристально глядя на меня. Я недоверчиво хмыкнул, — У меня вот как раз есть артефакт с мощами святого Манту. Господин оберквизитор оставил мне его. Сейчас посмотрим на реакцию вашей тиерменш. — Гауптман достал из ящика стола серебряный брусок, подошёл к бистаа и прижал артефакт к ее предплечью. Девчонка болезненно поморщилась. Ее кожа покраснела на месте прикосновения, затем гауптман циркулем измерил волдырь, — Так-с, один сантиметр. То есть одна десятая демонской крови. Не вижу повода для паники. Ваша бистаа — неграждaнка рейха и имеет право на жизнь. Три дня не чесать и не мочить место прикосновения, поняла? Иначе умрешь в страшных мучениях! — Густав погрозил Орели пальцем. — Кстати, господин Краузе, вы же не были на родной земле три десятка лет, вы мне сказали?

— Да, — ответил я.

— Отлично, тогда даже думать не надо, над законностью их нахождения на территории вашего поместья! Согласно последнему постановлению, если земля не использовалась более двадцати лет, то она может перейти в пользу короны, есть, конечно, некоторые нюансы, но я их быстро решу. Думаю, на месте их поселения мы и организуем резервацию. Очень удобно, и переселять никого не придется.

Я закашлялся. Да что же за кошмар происходит с Таиром! Мало того, что кайзер ссорит дворян между собой из-за этого ДД, отменил крепостное право в центральных провинциях, так теперь еще и земли отбирают!

— Гауптман! Вы совсем ебанулись? — вырвалось у меня.

— О, оскорбление должностного лица при исполнении. Угрожать будете? Говорите сразу, у меня протоколы под такие случаи заранее подготовлены, — Густаф откинулся в кресле и хитро прищурился. — Ваша репутация, Петер и так подмочена. — Мои губы похолодели от ярости после этих слов. Проклятый поручик от кавалерии, растрепал-таки! Дуэль, только так можно смыть позор! — Думаете я не получил письма из Таирбурга о

ваших делишках?

У меня немного отлегло от сердца. Орели сидела на своем стуле и старалась не дышать — решалась судьба ее племени. Я всмотрелся в лицо гауптмана и внезапно понял, что смотрюсь в зеркало, свое провинциальное кривое зеркало. Золотой кругляш из кошелька со стуком лег на стол.

— Господин Шрейбе… тук… я очень извиняюсь за вспышку… тук… я думаю, что смогу заслужить ваше прощение…тук… и мы придем с вами к полному взаимопониманию… тук… — Криминалькоммиссар подался вперед и как зачарованный следил за возникающим на столе золотом. О, в магии монет я покорил гораздо больше вершин, чем в традиционной! — Дайте сформулируем проблему по-другому. Возможно, вы сможете выделить мне пару десятков жандармов, чтобы решить проблему с браконьерством в моих землях? — тридцать золотых блестели на зеленом сукне стола.

— Я принимаю ваши извинения, фрайгерр Краузе! — монеты в мгновение ока исчезли в одном из ящиков стола. — Отправляйтесь в поместье, я сейчас переговорю с лейтенантом Морсером. Завтра к вам прибудет взвод жандармов. Если что-то еще будет нужно — обращайтесь, с вами приятно иметь дело!

— Взаимно, Густаф!

Мы вышли из кабинета. Орели понуро шла рядом со мной по коридорам жандармерии. Во дворе она рванулась в ворота, но жандармы, стоявшие на страже, быстро поймали ее и привели ко мне.

— Ну что за дурное создание! Куда тебя несет, бистаа? — В ответ я получил только рычание и проблески зеленого огня в глазах. Тиерменш попыталась укусить державшего ее солдата, но тут же получила от него хорошую оплеуху и упала на колени. — Нестор, свяжи ей руки и загрузи обратно в карету, — приказал я, — Мне надо купить еще амулетов-накопителей и оружие. Я не собираюсь каждую неделю ездить на зарядную станцию.

Через полчаса я вернулся из лавки артефактов. Нестор нес за мной сверток с несколькими маломощными, но дешевыми магическими аккумуляторами и коротким охотничьим посохом-штуцером зачарованным на стрельбу оглушающим звуковым копьем. Во время визита к зверолюдям я хотел иметь под рукой надежное оружие. Не всегда есть время и силы колдовать самому.

Орели как мышка забилась в угол кареты и громко шмыгала носом. На скуле начал проступать синяк. Конюх тронул лошадей, и мы покатили обратно в поместье. Примерно через полчаса ее тихая истерика начала мне надоедать.

— Сколько можно плакать? — раздраженно спросил я.

— Вы такой же, как все! Вы хотите нас убить! В вас нет ни капли доброты!

— Ты что думала, что я благостный посланник Создателя Энлиля? — Я рассмеялся. Мне было забавно слышать такую речь от демона-полукровки, — но в одном ты ошиблась, бистаа. Я тоже надеюсь, что обойдется без кровопролития. Мне будет достаточно, если вы покинете мои земли.

— Тогда зачем вы просили солдат? — Орели вытерла краем своего плаща нос и недоверчиво посмотрела на меня.

— Предпочитаю вести переговоры с твердой позиции, — усмехнулся я. Как известно, добрым словом и мечом можно достичь большего, чем просто добрым словом. Если бы Густаф не заикнулся о резервации, я, наверное, вообще бы не стал трогать ее племя, мне было достаточно того, что у инквизиции не было ко мне претензий. Но я не хотел оставлять в руках продажного, причем задешево, полицейского такой мощный рычаг давления на себя.

— Вы, правда, не хотите нам зла?

— Пфф! Да мне еще отвечать за убитых жандармов не хватает… — сказал я. — Если вы покинете мои владения тихо и спокойно, я обещаю, никому вреда не причинят. С твоим отцом можно договориться?

Орели облегченно вздохнула и кивнула.

— Да. Он не будет драться. Нам проще уйти в ничейные земли в горах.

Я удовлетворенно улыбнулся, потом посмотрел на ссадину на ее щеке. Не хватало еще, чтобы вождь увидел ее с таким фингалом. Я поманил пальцем Орели, чтобы она подвинулась ко мне ближе, и прикоснулся к ее щеке, колдуя. Мы уже давно выехали за город. Карету немилосердно качало, поэтому малое исцеление получилось у меня только с третьего раза.

— Спасибо, господин Петер, — она благодарно улыбнулась мне и дотронулась кончиками пальцев до моей кисти.

Меня пронизал разряд. Черт, если хотя бы один раз Юкки посмотрела на меня так. Что за несправедливость? На меня западали столичные дворянки и провинциальные бистаа, и только от собственной жены я не мог добиться ни капли взаимности. Я со вздохом откинулся назад и начал смотреть в окно.

* * *

Как и обещал гауптман, взвод жандармов прибыл на

следующий день ближе к вечеру. Я с кислым видом смотрел на их помятые кирасы и нечищеные шлемы. На двоих были кольчуги. Вооружение было под стать. Обычные копья, мечи, пара арбалетов и луков. Я не почувствовал ни одной зачаровки. Да что там зачаровки, у них не было с собой ни одно стрелкового посоха! И я сильно сомневался в том, что они все как на подбор опытные маги, способные обойтись в бою без артефактов. Одним словом, герр Шрейбе прислал мне самый настоящий сброд.

Хоть какое-то доверие внушал только молоденький лейтенант. Подтянутый, в новенькой форме и блестящей кирасе, он смотрелся как будто только что с парада. Через пять минут я понял, что с доверием я поторопился. Ватага и не думала слушаться его. Если бы не проклятые две руны Дагаз на воротнике, я бы может даже пожалел офицера.

Когда один из арбалетчиков грубо схватил за руку служанку, мне пришлось наводить порядок самостоятельно. Светошумовое заклинание «Заря» просто в применении и гарантированно привлекает к себе внимание. Если, конечно, ваш противник не устрица. Солдаты мигом подхватили оружие наизготовку и заняли оборону. Хм. А похоже бойцы то они не такие и плохие! Только лейтенант недоуменно вертел головой.

— Стройся! Смирна! — крикнул я, спускаясь с веранды. Взвод нехотя послушался. Уже хорошо. Я смотрел на их недовольные лица. — Я вами недоволен, вы мной недовольны, так что чем быстрее мы сделаем дело, тем быстрее расстанемся. Гауптман рассказал вам, зачем вы здесь? — последнюю фразу я адресовал уже лейтенанту.

— Так точно, господин Краузе.

— Ну и хорошо. Выступаем завтра на рассвете. Нестор! Размести гостей. И накрой нам с лейтенантом ужин.

Вечер был почти по-летнему теплым. Ласковое весеннее солнышко закатилось за горизонт. Мы с лейтенантом разместились на веранде в компании бутылки местной наливки. Я рассказывал последние столичные новости и свои приключения по дороге сюда.

— Вы настоящий герой, господин оберст! Выйти против демона всего лишь с саблей! Какое заклинание вы использовали? — поинтересовался у меня, внимательно слушавший меня лейтенант.

— Ах, какая ерунда, лейтенант. Всего-навсего второй круг, если бы не вмешательство гусар, я бы сам разделал его как куропатку, — я отхлебнул из стакана. Мне доставляло огромное удовольствие вешать лапшу на его оттопыренные уши — Заклинание «Лобачевского-Римана».

— Я не знаю такого, — удивленно сказал он.

— И постарайтесь быстрее забыть, что услышали. Это абсолютно секретная разработка!

Лейтенант многозначительно кивнул. Такой забавный!

— Вы встречались с кайзером лично? Он действительно так велик, как рассказывают?

Я вспомнил те два раза, когда я видел его императорское величество на заседаниях в министерстве обороны. Мои глаза закрылись, из глубин выплыл образ маленького серого человечка в невзрачном черном камзоле с золотым дубовым венком на рукаве, и его глаза, которые, казалось, доставали душу из тела и укладывали обратно что-то абсолютно новое.

— Не верьте парадным портретам, Карл, — сказал я после паузы, — Реальность она… отличается. — И в самом деле, как могли художники передать опыт общения с высшим магом школы контроля разума, который стал живым воплощением своего колдовства? Для того, что бы отразить такое на холсте надо быть темным эльфом. Человеческим же художникам приходилось отделываться вычурными доспехами, пафосными ездовыми единорогами и стандартной позой попирания падшего демона…

Жандармы сидели на земле у костра, который они развели прямо в середине двора. Я не протестовал.

На моих глазах через ворота вошли четыре фигуры: два человека в кирасах обтянутых черной тканью, гном в странном угловатом доспехе и, похоже, хоббитка в подобии восточного халата и просторной красной юбке. Они направились прямо к жандармам.

Я удивился. Гостей я сегодня не ждал. Тем более такую странную компанию. Между пришедшими и солдатами началась перепалка. Послышалась ругань.

— Что там происходит? — я поднялся из кресла и взял в руку недавно купленный посох. Один из копейщиков между тем ущипнул полурослицу за ягодицу, точнее попытался.

А дальше все пошло наперекосяк…

* * *

— Господин Шарррль, пожалуйста, не надо нас спасать, мы вас очень пррросим! — Вождь племени зверолюдей был готов встать на колени. Его морда, покрытая шерстью, с вытянутыми вперед челюстями грустно смотрела на капитана «Попаданцев», - Ну пррриехал новый барррин, ну пррридет он к нам с солдатами, мы с ним договорррримся, не вперрррвой… Только спасать вам нас

не надо, очень прррошу!

— Вы совсем забыли свою гордость? Да как вы только могли согласиться на такое унижение? Вы забыли, как вас гноили в концлагерях имперцы, как убивали пленных? Вы же мне сами рассказывали, как пятнадцать лет назад на ваше племя напали таирские солдаты и перебили почти всех. Самое время восстать против тирании этого вашего кайзера во имя идеалов свободы, равенства и братства народов! В конце концов, там же твоя дочь, в руках этого расиста! — Республиканский маг воды вещал, встав в картинную позу. На его гладко выбритой голове блестели отсветы костра. Линг, гномийский инженер-рунотехник, кивал головой, заплетая свою русую бороду в косу. Наверняка духи предков бистаа мечтают об отмщении. Друид, выпускник факультета биотехнологии университета Нового Сиднея, скрючившись, играл во что-то на своем коммуникаторе. Больше всего его в этом мире бесило отсутствие интернета. Хеби, жрица огня из Хоббитона, докуривала последнюю сигарету из своей пачки.

— Господин Шарррль, мы все помним. Мы все очень хоррошо все помним. Поэтому, пожалуйста, не надо нас спасать. Мы только себе земли нашли, наконец-то, нас не гонят, не надо дрррругим глотку за место под солнцем перррегрррызать… А Орррели у меня умница, ничего с ней не случится.

— Да пошли уже, водяной, заколебал звездеть тут про свободу. Революцию делать надо, а не языком трепать, — Мико щелчком отправила окурок в кусты и зашагала в направлении ворот усадьбы, освещенных всполохами костра, на ходу проверяя, как клинок ходит в ножнах. Шарль со вздохом замолчал, поправил бронежилет и последовал за Хеби. За ними, тихо жужжа сервоприводами силовой брони, последовал гном и биомант Василий, на ходу готовящийся к переходу в боевую форму. Он расстегнул рукава своей камуфляжной куртки и закатал их повыше.

Они вошли во двор и сразу направились к группе солдат. Волшебники совсем не воспринимали их как угрозу. Они намеревались узнать, где находится помещик, а затем жестко с ним поговорить на тему прав разумных существ, индивидуальных свобод и прочего…

Сидевшие у костра клевреты тирании и антинародного режима кайзера приветствовали их появление свистом, руганью и похабными шутками.

— Это что еще за клоуны?

— Клоуны, вы чьи? Цирк уже уехал!

— Хахаха! Девчонка иди сюда, — жандарм попытался полапать Хеби.

* * *

Я увидел, как на ладони карлицы разгорается пламя, но прежде чем стало понятно, на какое заклинание она проецирует свою силу, на месте одного из жандармов распустился огненный цветок. Прямой контроль над стихией! Невероятно! Опешивший лейтенант непонимающе смотрел на происходящее.

В отличие от него я сразу понял, что ничего хорошего для меня этот визит не сулит. Я схватил свой посох, прижал к плечу и выпустил одно за другим три звуковых копья по разбойнице. Два из них врезались в щит льда, заслонивший ее, зато третье задело плечо полуруслицы. Это была моя самая большая ошибка. Я обратил на себя внимание. Надо было тогда сразу бежать… Я начал переливать ману своего амулета в посох.

Жандармы, несмотря на подавляющий численный перевес, отступали под напором мага в ледяных доспехах, гнома, орудующего в нарушении всех канонов, изящным полуторным мечом и их третьего товарища, оказавшегося богопротивным оборотнем. Один за другим жандармы падали от клинка, ледяных стрел и ударов когтистых лап.

Лейтенант только сейчас спохватился и бросился вперед с саблей наголо, на ходу окутывая себя защитными заклинаниями. Его встретила медленно идущая по направлению ко мне хоббитка. Карл на мгновение замешкался, ударить безоружную женщину он не смог. Выпад карлицы был похож на удар змеи. Только что ее клинок был в ножнах, и вот он уже проходит сквозь его тело.

Лейтенанта спас только астральный сдвиг, которым я на несколько миллисекунд выкинул его из реальности. На лице карлицы проскользнула гримаса удивления, но она не растерялась и на обратном ходе приложила Карла, уже вернувшегося в подлунный мир, тупой стороной клинка по голове. А затем эта фурия пошла на меня. Глядя прямо мне в глаза. Огненный бич в ее руке отбил один за другим два звуковых удара. Она была гораздо опаснее демона, которого я встретил на дороге, и я, не выдержав ярости в ее глазах, бросился в дом.

Взрыв вынес дверь, которую я захлопнул за собой. Несколько сотворённых мной иллюзий отвлекли ее ненадолго, но от разрядов огня, которые она обрушила на них, начал разгораться пожар.

По собственной глупости я сам себя загнал в ловушку в южном крыле. Здесь был тупик. Выпрыгнуть через узкое окно-бойницу я не мог. Карлица приближалась, нехорошо улыбаясь. Тактический телепорт опять отказывался мне повиноваться. Пару

неумелых ударов посохом она играючи отбила своим изогнутым клинком, а потом взрыв огненного шара впечатал меня в стену. Подняться я не мог. Перед глазами все плыло, ноги не слушались. Огонь вновь собрался в руке полурослицы в бич. Ее контроль над пламенем был просто невероятен. Наверное, только князь-демон, пламенный Фокалор, мог бы сравниться с ней.

Тут из-за поворота с рычанием вылетела Орели. Я чудом успел завершить заклинание «доспеха мага». Ее сарафан и плащ засветились синим. Огненная плеть, предназначавшаяся мне, врезалась в бистаа и, к моей радости, не смогла пробить защиту до конца. Сияние погасло.

— Эй, мы вообще-то тебя спасать пришли! — голос карлицы внезапно оказался низким и хриплым. Но Орели не слушала ее слов. Бистаа прижала уши и зашипела. Волосы тиерменш встали дыбом. За ее спиной показалась бледная крылатая тень, внушавшая мне неописуемый ужас. Огненная волшебница начала медленно пятится, затем с криком побежала. Я-Петер наконец-то потерял сознание.

* * *

— Assuming direct contr… — Я-Кверти прервал произнесение мантры, позволявшей мне перехватить управление своим воплощением. Мне уже один раз пришлось применить ее при встрече с демоном, чтобы спасти жизнь Петеру. Но в этот раз она не понадобилась.

Пассажирский челнок висел на орбите Земли перед порталом, ожидая своей очереди для перехода в Мир. Несколько гномийских рудовозов, возвращавшихся из пояса, астероидов очень некстати опередили нас.

Я отпил воды из стакана и откинулся назад в мягком кожаном кресле бизнес-класса. Происходящее в Мир-2 меня озадачило. Я рассчитывал, что сейчас в Таире будет бушевать гражданская война и что «Попаданцы» под командованием Шарля будут героически превозмогать натиск орд нежити, демонов, орков и темных эльфов. То, что нужно, чтобы развлечь публику вечером и отвести внимание от некоторых проблем, возникших в последнее время в межмировой экономике.

Горбовский поначалу хотел подогреть вялый конфликт между Хоббитоном и Орочьим Раджистаном. Старая добрая война всегда отвлекала внимание людей от своих собственных проблем. Тут я с президентом Терры был согласен. Но я наложил свое божественное вето на эту идею. Мой вариант был гуманнее, по

крайней мере, по отношению к жителям Мира и Земли.

Я предпочел сотворить для этих целей отдельный мирок. Для вящей убедительности можно было бы даже организовать пару прорывов Инферно где-нибудь в безлюдных зонах Земли, если одного шоу по головизору окажется недостаточно.

Людям нужен враг. Что поделать, если мы чаще дружим не с кем-то, а против кого-то. Так пусть лучше пусть сражаются с придуманными мною демонами, чем друг с другом…

Но пока результат усилий обескуражил меня. Как я мог промахнуться мимо нужного времени? Почему сотворенная вселенная изменила ход своей истории? И что, черт возьми, там делает Орели, она же была совсем из другого сна, другого несбывшегося!

В раздумьях я несколько раз ударил пальцами по подлокотнику кресла. Откатить Мир-2 лет на семьдесят назад и закинуть туда другую команду? Это не такое уж простое и быстрое решение. Так красиво, как с Шарлем, у меня ни с кем не получится. Дураков больше нет. С другими профессиональными бойцами придется заключать контракты, брать информированное согласие, оформлять страховки… Конечно, для всего этого есть жрецы из юротдела. Но часть хлопот ляжет и на мои плечи.

К тому же, мне стало любопытно и, в результате, я решил понаблюдать пока события в Мир-2 в их первозданном течении.

* * *

Лицо горело. Кисти болели просто немилосердно. Веки слиплись. Я с трудом смог открыть глаза.

Я лежал на своей кровати в спальне северного крыла. Рядом с кроватью на коврике, свернувшись калачиком, спала Орели. В кресле сидел Нестор.

— Пить, — прохрипел я.

— Ой, очнулся, барин! Сейчас, сейчас, — засуетился староста. Раздалось бульканье воды.

Орели тоже проснулась, услышав звук моего голоса.

— Ты спас меня, — сказала она.

— Господин Петер, вы спасли меня, так как надо говорить, — Нестор отвесил тиерменш легкий подзатыльник, помог мне присесть и протянул стакан.

— Да пусть говорит, как хочет… — хрипло успокоил я его. — Это же она меня из огня вытащила, когда меня контузило?

— Так и есть барин. Она и отец ее. Там так занялось, что даже пожарные чары не сразу огонь погасили. Южное крыло

почитай выгорело.

— Стало быть, квиты мы с тобой, бистаа?

— Да, господин Петер, — Орели с опаской покосилась на Нестора.

Я с трудом поднялся, оделся, тихо ругаясь от боли в обожжённых кистях и пошел инспектировать поместье. Бистаа следовала за мной как тень. Это бесило и несколько льстило.

Южное крыло теперь нуждалось в капитальном ремонте. Все внутренние деревянные перекрытия сгорели, крыша рухнула внутрь. Где-то в глубине под завалами продолжали тлеть угли, и подымался дымок. Мне еще повезло, что центральную часть поместья и эту пристройку разделяла толстая каменная стена, остановившая распространение пламени. Как бы Нестор не хвалился своей расторопностью, пожар он своими неумелыми чарами не остановил бы.

— Ладно, переживем. Я и не рассчитывал гостей принимать в ближайшее время, — невесело пробормотал я. — С жандармами что?

— Шестнадцать трупов, барин. Еще трех не нашли. Видать, сбежали.

— Лейтенант?

— Живехонек, хотя память ему отшибло малость.

— В город гонца послали?

— Ага, еще до рассвета, как огонь загасили и трупы собрали.

Я вышел через развороченный взрывом дверной проем и удивлением увидел нескольких тиерменш, слонявшихся без дела по моему двору.

— Это еще, что такое? Что они тут делают?

Нестор не успел ответить. В ворота галопом въехал господин гауптман во главе трех десятков жандармов. Бойцы рассыпались по двору, беря бистаа в окружение. В воздухе вокруг отряда замерцали защитные чары. Пара унтер-офицеров взяла штурмовые посохи наизготовку. Тиерменшен при виде жандармов бросились наутек, но те живо отрезали их от ворот во двор и стали теснить конями в угол.

— Да я посмотрю у вас тут настоящий мятеж, Петер, — Шрейбе криво ухмыльнулся, глядя на кучу трупов посреди двора и разоренную усадьбу.

— Вроде того, Густаф. — ответил я. Лицо криминалькоммиссара не предвещало мне ничего хорошего.

Мы засели в столовой. Для начала Густаф внимательно выслушал мой рассказ о ночных событиях. Гауптман нимало не скрывал, что он прощупывал меня в процессе ментальной магией, но я не стал протестовать. В событиях прошлой ночи скрывать

мне было нечего. После беседы со мной Шрейбе несколько оттаял.

Затем пришел черед бистаа и крестьян отвечать на вопросы. Допросы растянулись на несколько часов. Густаф милостиво позволил мне присутствовать на них, и благодаря этому я узнал много интересного.

Компания загадочных магов пришла в поселение бистаа два дня назад, почти сразу после ухода Орели. Они были доброжелательны, задавали много глупых вопросов. Проблемы начались, когда вождь рассказал им про великую войну с демонами и ее последствия для своего народа.

После этого главный пришелец решил пойти восстанавливать справедливость в столицу и повергать «зло империализма». Бистаа отговаривали его, как могли, но, когда присланный Нестором мальчишка рассказал, что барин повез Орели на суд инквизитора, остановить пришельцев уже не удалось.

— Стоп. Нестор, ты послал им предупреждение?! — я не верил своим ушам.

— Да, барин.

— Зачем?

— Так, это, барин, у меня там дети. Жена. Вторая… — Староста уныло смотрел в пол.

— Ах ты тварь! Я тебе еще покажу! — я был просто в ярости. Только моя слабость после ранения удержала меня от рукоприкладства.

Ближе к вечеру сделал свой доклад маг-криминалист. Следов демонических сил не обнаружено, только легкий фон, который всегда дает присутствие тиерменш. Использовалась магия стихий с примесью эльфийской и гномийской. Казалось бы, ничего особенного, но криминалиста удивило колоссальное количество потраченной маны, соответствовавшее четвертому уровню заклинаний. На такие воздействия были способны лишь лучшие из магов. Так же настораживало отсутствие остаточных образов-отпечатков заклятий и невозможность выяснить даже примерный тип амулетов-накопителей, используемых нападавшими. На мою ремарку о прямом контроле стихий он только скривил лицо и заявил, что это выше человеческих сил.

Вечерело. Бистаа вместе с Нестором сидели запертые в амбаре под охраной. Подмороженные магией трупы жандармов отправились в город к прозетору. Кухарка принесла нам с Густафом ужин. Мы, наконец, оказались наедине с криминалькоммиссаром и начался серьезный разговор.

— Что же картина вырисовывается занятная, — Густаф Шрейбе, усмехаясь, потирал руки. — Я благодарен отморозкам,

они избавили меня от головной боли уничтожив самых гнусных и продажных жандармов которых я встречал в своей жизни. — «А в зеркало ты давно смотрелся?», хотелось ответить мне. — Жаль лейтенант выжил, за месяц после перевода он уже успел меня достать своей моральной чистоплотностью. Думаю, для начала надо усилить охрану зарядных станций. После такого побоища этим ублюдкам обязательно надо будет пополнить запасы волшебства.

— Я сомневаюсь, Густаф. Я, конечно, не эксперт по магии, но поверьте, они не пользовались артефактами или амулетами-аккумуляторами. И они действительно не применяли заклинаний. Это была какая-то другая разновидность волшебства. Что-то грубое и древнее, как у орочьих шаманов.

— Возможно, но это не важно. Я бы хотел поговорить с вами, Петер, о другом.

— О чем же, Густаф?

— О докладе, который я пошлю в губернское управление. Мне бы хотелось написать про то, как мои люди ценой своей жизни героически уничтожили повстанцев тиерменш. Естественно с вашей помощью! Представим вас и лейтенанта к награде. Ремонт вам можно будет за счет кайзера сделать. Как вы смотрите на такой вариант развития событий? Искать эту четверку по лесам и весям мне совсем не улыбается… Людей у меня мало, а земель приписано много. А ваша подпись под протоколами мне просто необходима!

— Вас не смущает, что племя еще живо?

— Так они же в амбаре! А он и загореться может. — Гауптман подмигнул мне. Я с отвращением смотрел на него.

— То, что совести вы не боитесь, я уже понял, а аудита имперского судьи?

— Ой, не смешите, да кто его пришлет в эту деревню!

Я задумался. Предложение Шрейбе конечно делал заманчивое, можно было бы еще немного понабивать себе цену и согласиться. Останавливало меня то, что слишком много глаз видело случившееся, инквизиция опять же могла заинтересоваться. На мгновение перед моими глазами встала картина, как Орели загораживает меня от огненного бича. И я понял, что разум играет далеко не первую роль в принятии моего решения.

— Густаф, та бистаа, она спасла мне жизнь. Она была готова умереть за меня. Я далек от понятий рыцарской чести, но то, что вы предлагаете, для меня чересчур.

— Хорошо, ее выведем. Договорились. Глава магистрата вон тоже тиерменш себе завел недавно, после того указа. Мальчика,

правда. И вам никто не мешает. Модно, современно, толерантно.

— Нет, Густав, я категорически против!

— Петер, очень жаль. Вы отягощаете мою жизнь… Я ведь тоже могу создать вам трудности.

— Гауптман, перед отъездом, я прощался с криминальдиректором Йоффе рукопожатием. Как вы думаете, кто из нас кому может создать проблемы?

Я немного преувеличивал, господин Йоффе перед отъездом орал на меня как свинья. Мой арест потянул бы за собой нескольких его ставленников, но прикрыть он меня действительно мог. Густаф скривил кислую мину. Нашла коса на камень, ухмыльнулся я.

— Кстати, если не хотите рыскать по лесам, то можете переложить эту ответственность на меня, там же было какое-то постановление о внештатных сотрудниках? Выделите мне вашего ненавистного лейтенанта, взвод солдат и я займусь поисками. Эти бандиты меня несколько обидели, да и все хоть какое-то развлечение в вашей провинции…

Криминалькоммиссар задумался на пару минут, а затем рассмеялся.

— Вы гений, Петер! Даже если у вас ничего не получится, то с вас никто не сможет спросить, вы же волонтер! Да и как я бы смог отказать своему товарищу-дворянину, которого обуял гнев и желание отмщения? — Густав поднялся из кресла и радостно потер ладони. — Пойдемте спать, Петер на вас уже лица нет. Распорядится вам ту девчонку-бистаа привести? — криминалькоммиссар застыл в двери.

— Не надо, Густаф. — Я широко зевнул, поднялся и последовал за ним.

Интермедия

Моя старая знакомая Ингрид Торвальдсон редко пользовалась достижениями терранской науки и технологии. Но, должен отметить, она была одним из первых обитателей Мира, понявших всю пользу, которую можно получить от инфосферы Земли. Достаточно сказать, что создание магического ракетоносителя Хеймдаль, было ее проектом. И вот сейчас она в кое-то веки выбралась в чат, что бы пообщаться со мной.

Ингрид 23:34

А еще мне подумалось, что неплохо бы украсить передачу рассказами о прошлой жизни Попаданцев.

Кверти 23:36

Ну. Можно в принципе. Но перегружено будет.

Ингрид 23:40

Норм, не перегружено и интересно!

Кверти 23:45

Вот тебе из досье. Всем не буду показывать. В конце, концов есть же тайна личности.

Линг Чжугэ — инженер — големетрист и рунотехник. Специалист по технике безопасности. Меланхоличен, задумчив и напрочь лишен литературного дара. Разведен. Двое детей. Долго и упорно ухаживает за Хеби (Это, я думаю, ты и без меня поняла) и мечтает сдать госэкзамен на чиновника. Вот уже лет десять на них проваливается. В поисках впечатлений для экзаменационной поэмы присоединился к Шарлю.

Хеби Кусано. Змея если по-хоббитски. Боевая жрица полуросликов. Эксплозивная психопатка. За многочисленные нарушения дисциплины и покушение на убийство одного из князей, который ее изнасиловал, приговорена к смерти заочно. На данный момент гражданка федерации Терры. Нет договора об экстрадиции, чем и спасается. Если Коги подпишет, то придется бедняжке на Марс эмигрировать. Другого способа заработать кроме телешоу просто не нашла.

Ингрид 23:46

Суховато, ты излагаешь (((

Кверти 23:50

Вернутся — все в твоих руках. Пригласи в академию, устрой фуршет, заставь лекции прочитать студентам;)

Василий Сидоров. Уроженец антарктических куполов. Из второго поколения земных магов. На редкость удачный пример генетической модификации.

Выпускник университета Нового Сиднея имени Ч. Кларка,

факультет биотех. Специальность — прикладная метаморфистика. Как выяснилось, кроме вооруженных сил нигде нужен не был. Завалил при поступлении в ВС боевую паразитологию и пошел в шоу-бизнес каскадером и монстром по найму. Где и столкнулся с Шарлем. Заядлый геймер и пофигист.

Шарль Красси. Лучший образец из моей кунсткамеры. Двоюродный племянник второго консула островной республики Мира. В детстве за ним не уследили. Во время экскурсии по разрушенной столице Евразийского союза он потерялся и забрел в могильник древнего терранского смутьяна Ленина, что повредило хрупкую детскую психику. Потом почти полгода бродил по радиоактивным просторам Европы, пока на патруль дроидов не нарвался.

Так-то он должен был бы стать главой какого-нибудь мелкого клана в островной республике. Бобра там или Выхухоли. А он вместо этого еще до четырнадцати дважды пытался устроить революцию. Был выслан без права возвращения. Родители пытались безуспешно лечить его у лучших друидов-знахарей зеленого ордена и психиатров Терры, но безуспешно. В поисках чуда божьего обратились ко мне. Я только развел руками, вылечить от одержимости призраком мог, но там от исходной личности только рога и копыта остались (((Оставил как есть. Пристроил этого фрика на ТВ. Ты с ним ток-шоу посмотри! Соловьем заливается.

Спать ложись! У тебя конгресс какой-то завтра, если мне память не изменяет.

Ингрид 23:52

И правда. Лететь еще. Спокойной ночи!

Она ушла в оффлайн, и я тоже разлогинился. Если честно, мне было лестно, что моя бывшая смотрит это новое шоу.

Сосредоточиться на шоу было тяжело, но я уже понял, что за Петером нужен глаз да глаз. Он так и норовил умереть. К тому же у меня недавно появилась еще новая игрушка в мире Геона. Но Лоренц такого внимания к себе пока не требовал.

Глава 2 В которой Асанте нагло врывается в повествование, Петер начинает расследование, а Шарль грабит КОРОВАН

После завтрака Густаф Шрейбе с жандармами спешно удалился в Брюгге. Ему предстояла куча бумажной работы по делопроизводству. Пара кадровых магов, приписанных ко мне в качестве охраны, со скучающим видом слонялись по двору.

Нестор, стойко перетерпел пять ударов кнутом. Впрочем, я и не очень усердствовал. Я видел его искреннее раскаянье, но попустительствовать подобному предательскому поведению холопов не собирался.

Тиерменшен я выпустил из амбара и отправил восвояси. Все что я хотел от них услышать, они уже рассказали вчера. Остались в поместье только Орели и ее отец, Мэрэн. С вождем я побеседовал еще раз с особым пристрастием, потратив во время этой беседы добрых две сотни маны, на заклинания гипноза, очарования, устрашения и внушения. Гауптман во время допросов казенным волшебством не раскидывался, ограничиваясь чарами эмпатии, накинутыми на себя. Это волшебство позволяло сносно почувствовать ложь, но недомолвки обнаружить не могло.

Мэрэн вышел из моей комнаты потным и дрожащим как осиновый лист. Горячий чай мне принесла Орели.

— Бистаа, ты останешься здесь, в качестве заложника. Можешь передать своему отцу, что он свободен. Кстати, что за тень была рядом с тобой, когда ты прогнала огненную волшебницу?

— Какая тень, господин Петер? Я просто зарычала на нее, и она убежала, — ответила Орели.

Я недоверчиво хмыкнул. Допустим, мне тогда много что могло примерещиться, да и маг-криминалист бы заметил следы демонической магии. — Спасибо вам.

— За что?

— Я вчера ночью выбралась из амбара, где нас заперли, и подслушала ваш разговор с жандармом, господин Петер… — она уселась у моих ног и вперилась в меня своими зелеными глазищами.

Уровень моей безопасности на нуле, как я посмотрю. Я в задумчивости провел рукой по ее шерсти. Или правильней сказать волосам? Орели прищурилась от удовольствия и

подвинулась ближе. Нет, в таких условиях размышлять о чем-то серьезном было просто невозможно.

— Иди отсюда, бистаа. На кухне лучше помоги. Лейтенанта проверь. Мне надо подумать.

Вильнув хвостом, Орели выскользнула за дверь. Картина, как и говорил гауптман, вырисовывалась интересная. Четверка мощных магов, наверное, уровня дивизионного волшебника магической поддержки, взялась в принадлежащих мне дебрях просто ниоткуда.

Странная магия, которой они разбрасывались направо и налево — это было загадочно, но я мог допустить, что это диверсионная группа эльфийской Лесной стражи или союза гномийских кланов, заброшенная к нам заклинанием стратегического телепорта. Но как они могли тогда не знать элементарных вещей про имперские порядки? Да и их экипировка при первой же встрече выдавала чужаков. И те наивные и откровенно глупые вопросы, которые они задавали про кайзеррейх вождю при знакомстве…

Нет, можно не понимать, куда тебя закинула магия, но не знать, как зовут спасителя мира, императора Таира, его величество Гора? Это просто невероятно! И самое главное, как бы ни отмахивался криминалькоммиссар от моих слов, эти волшебники не пользовались амулетами-накопителями маны.

Общеизвестно, что волшебство в мире вырабатывается только в особых естественных местах силы — мистических озерах, волшебных рощах, вулканах. На этом факте и строится вся мировая политика и наши отношения с «союзниками». За время Великой войны с темными силами, Таир успел забрать себе множество месторождений сопредельных государств и возвращать их владельцам после поражения некромантов совсем не спешил. Зоны временного размещения войск — так это называлось на моей родине. Оккупированные территории, такого мнения придерживались соседи.

Говорят, некроманты умели создавать искусственные источники магии, но до сих пор ни одного не было найдено. Собственного же волшебства человека или эльфа хватит только на то, чтобы разжечь костер. Единственные, кто обладает своей маной в достаточном количестве для серьезного колдовства — это драконы. И, конечно, демоны. Но и те и другие гости в нашем мире…

И тут меня охватило озарение. «Гости в нашем мире». Вот оно. Конечно, мне никто не поверит, пока сам не увидит этих магов в действии, да и я сам не мог быть уверен в своей теории, но как рабочая гипотеза, она была вполне подходящей. В конце

концов, если есть мир демонов, то почему бы не быть и другим, населённым людьми? Мои друзья из Академии любили пофантазировать на эту тему.

Это объясняло и странную экипировку, и особенности волшебства. Эти маги явно не разведчики, иначе они бы вели себя тихо и мирно. Но тогда какая их цель? Зачем они хотят свергнуть кайзера? Неужели они подготавливают новое вторжение в наш мир? Если так, то куда будет направлен их новый удар? Точно не на манахранилища Брюгге. В запасах волшебства они, судя по всему, не ограничены.

* * *

Потрепанная в бою четверка брела по обочине дороги. Куда направлялись, они и сами не знали. Больше всех досталось Хеби. Белое кимоно покрылось пятнами копоти, подол юбки-хакама был изодран в клочья. На висках хоббитки появились седые пряди. По плечу расплывался синяк от звукового удара.

— Змейка моя, может, расскажешь все-таки, что случилось с тобой в усадьбе, и почему мы тебя потом полночи искали по лесу? — гном фамильярно приобнял жрицу за талию и тут же в ответ получил весомый удар локтем по ребрам.

— Отстань, кобель! Это все магия их мерзкая.

— Линг, не лезь ты к ней, у нее ПМС. Ты же знаешь, она в эти дни социально опасна! Я и так знаю, что с ней случилось. Испугалась она. От нее до сих пор ванилилминдальной кислотой и метанефрином[2] пахнет, — сказал биомант Василий и привычно увернулся от огненной стрелы. — Меня больше интересует, что мы дальше делать будем, а Шарль?

— Я думаю, надо дойти до города, а там мы сориентируемся.

Из-за поворота дороги навстречу им выкатилась двуколка, в которой сидел пожилой мужчина в компании с миловидной девушкой, одетой почему-то в мужской костюм.

— Асанте, даже не смотри на этих циркачей! — процедил сквозь зубы пожилой господин, когда они проезжали мимо. — Только попробуй еще хоть раз уйти из дома! Я тебя тогда в ДД запишу!

— Папенька, они не циркачи, поверь мне. Я же четыре года с бродячей труппой провела, когда от вас сбежала, отец мой, — донесся до «Попаданцев» звонкий голос из удаляющейся коляски.

Хеби недовольно фыркнула. Василий, кивнул головой, подтверждая свои догадки:

— Ты понял, Шарль, мы выглядим, как клоуны. Нас первый

же патруль опознает.

— Да понял уже… Только как нам одежду сменить? Денег у нас нет.

Вместо ответа Хеби молча показала на показавшийся у развилки дороги черный фургон с рисунком кучки монет внутри дубового венка и надписью Steuerpolizei на борту. Повозку сопровождала пара десятков вооруженных всадников в полудоспехах. У двоих за поясом были примитивные пистолеты. Еще один держал в руках вместо пики длинный окованный металлом на концах посох.

— Змейка, это же грабеж… — скривил недовольную мину шифу Линг.

— Воспринимай это, как экспроприацию, отнятых у трудящихся денег на благо революции. Что поделать, исторический опыт нас учит — все с этого начинали, — Шарль поправил разгрузку и бронежилет, затем начал колдовать.

* * *

Эрих Кох готовил эту засаду полгода. Он вычислял режим движения фургона с податями, придирчиво выбирал место и время нападения. Муштровал банду, заранее распределял цели для лучников и единственного своего профессионального мага. О, Эрих готовил эту операцию ничуть не менее тщательно, чем Отто фон Бисмарк готовился к франко-прусской войне в 1870 г.

Поэтому, думаю, вы можете понять его ярость, когда его блестящий план рухнул в одно мгновение. Четверка оборванцев врезалась в строй улан, сопровождавших заветный фургон, изрыгая потоки пламени, кислоты и ледяных стрел. Они играючи отбили и рассеяли все три шаровые молнии, вылетевшие из посоха эскадронного мага. Не прошло и минуты, как кавалеристы позорно бежали.

Эрих быстро сориентировался и взял себя в руки. Во-первых, всю черную работу сделали за них, пускай и не так идеально, нескольким солдатам удалось уйти. Во-вторых, между делом огненная волшебница случайно разнесла заднюю ось фургона. На своем горбу столько золота четверо нападавших унести бы не смогли, а, следовательно, его банде что-то перепадет. В-третьих, ни он, ни его люди не засветились, а это значило, что искать его не будут.

Эрих подождал почти десять минут. Но идиоты, так красиво разогнавшие охрану, и не думали бежать, прихватив доступную им добычу. Вместо этого они как истуканы торчали на дороге и

обсуждали, как починить фургон. До ближайшей заставы было полчаса хода, это если рысью. Минут пять на сборы, еще положим. Все это означало, что скоро здесь будет слишком людно. Ждать дальше в кустах означало потерять большие деньги и пустить псу под хвост полгода работы. А самое главное, не выполнить задание великого герцога Виттельбаха. Эрих боязливо поежился, представляя какое наказание придумает для него Майнард.

Атаман собрал свою волю в кулак, поднялся в полный рост и с демонстративно поднятыми руками направился к четверке, увлеченно о чем-то споривших.

— Кхе-кхе…, уважаемые коллеги, позвольте дать вам ценный совет, — сказал Эрих.

— Вот как? — долговязый тип в пятнистом комбинезоне, напоминавшем своей расцветкой плащи эльфийской гвардии, резко обернулся к нему, — А ты сам-то кто?

— Я? Разбойник, как и вы. Давно уже на этот фургон налоговиков охочусь. Но я не в претензии, что вы промышляете на моей земле. Я готов довольствоваться остатками. Право сильного, все верно, но если вы тут и дальше будете ждать, то вас повяжут. А мы останемся без денег.

— Тогда зови своих и показывай пути отхода.

Эрих поначалу слегка очумел от наглости этого заявления. Хотя почему нет? Вдруг их потом получится тихо порешить, чтобы добычей не делиться? Или наоборот переманить на свою сторону. И если что, будет кому отход прикрыть. С такими бойцами ему море по колено будет, и главарь свистнул сигнал общего сбора.

* * *

— Господин Петер! К вам гости! — Нестор заглянул в разбитое окно. Он отвлек меня от осмотра руин южного крыла усадьбы. Я прикидывал смету для ремонта, с блокнотом в руке. Конюх уже пошел собирать плотников из принадлежащих мне деревень.

— Кого нелегкая принесла? Гауптман Шрейбе опять пожаловал? — раздраженно просил я, опять сбившись со счета.

— Никак нет, это соседи наши, Хименес Вильянуэва и дочка его, Асанте. — ответил мне Нестор.

Я вздохнул, только их любопытных глаз мне не хватало. Сейчас придется полчаса переодеваться в чистое, приводить себя в порядок, организовывать угощение и вести занудные светские

беседы… Черт! У меня более важные дела есть! Я уже начал путаться в списке необходимого для восстановления дома.

Настроение после вчерашней ночной битвы и так было ни к черту, а теперь еще эти незваные гости. Поэтому я решил послать приличия куда подальше.

— Орели, ко мне! — прокричал я, идя по коридору первого этажа.

— Да, хозяин? — бистаа выскочила из кухни.

— Пойдем эпатировать гостей! — Я схватил ее под руку и потащил за собой. — Мне нравится, когда ты называешь меня хозяин.

— А мне, когда вы называете меня Орели, — тиерменш улыбнулась.

— Наглеешь, бистаа! — я погрозил ей пальцем, и мы отправились встречать прибывших.

Грустная история господина Вильянуэва была мне известна, по слухам, дошедшим даже до столицы. И я даже догадывался, зачем он заглянул ко мне на огонек. Попытка сосватать своего звереныша.

Трудно вырастить дочь по классическим канонам хорошего воспитания, если в семье три брата-сорванца, а мать скончалась при родах. Дон Вильянуэва прикладывал много усилий, чтобы привить дочери тягу к искусству и светской жизни. Уроки исправно, но невнимательно выслушивались, а потом ребенок срывался лазить по деревьям, охотиться на голубей и воровать у фермеров урожай. И не важно, что самые лучшие яства ежедневно доставлялись к столу, это же ее добыча! До поры родные относились к подобным утехам снисходительно, но, когда ей исполнилось четырнадцать, настало время планировать судьбу, искать достойную партию. Южные провинции и без того не кишели достойными кандидатами в зятья, да еще и слава о девушке ходила специфическая.

А девочка мечтала… Обо всем том, что читала в книгах, о том, что рассказывали заезжие купцы — о приключениях, опасностях, большом риске и больших выигрышах. Не раз, и не два, она пыталась бежать из дома, чтобы хоть как-то разнообразить жизнь, которая, как кажется всем обеспеченным детям, так легка и интересна везде, кроме отчего дома. Но дон Вильянуэва был непреклонен — братьям можно, они мужчины, а ты леди, вот и весь разговор. О, разумеется, она не сидела в поместье как в темнице — регулярно семья выезжала в город, за покупками или на балы, дважды в год отец, мучимый артритом, отправлялся с ней в неблизкое путешествие на лечебные воды в окрестности Брюгге.

Родные поняли, что именно случилось, когда в ближайшем городе закончился ежегодный фестиваль циркачей. Артисты снялись со стоянки и разъехались во все стороны света, а в поместье Вильянуэва не досчитались одного из домочадцев.

Так Асанте попала в мир странствий и приключений, где все ее упрямство и неугомонность очень пригодились. Нельзя сказать, что было легко. Можно даже сказать, совсем наоборот. Но как интересно! За время странствий с цирковой труппой она по слухам получила много самого, кхм, разнообразного опыта.

Артисты ее приняли. Поначалу она пыталась овладеть всем, но для акробатики возраст был уже не совсем тот — высот не достичь. И когда Асанте это поняла, напросилась в помощники к фокуснику-иллюзионисту, очень скоро обнаружив, что в своем ремесле он прибегает не только к ловкости рук. Так девочка, сама того не ожидая, стала ученицей мага, пусть не особо сильного, но научившего ее множеству вещей. Например, как спрятать в шляпе кролика, в кулаке букет цветов или кинжал. Как выходить на сцену в очередном городе с новым лицом, как угадывать карту, загаданную зрителем. А также как у этого самого зрителя незаметно умыкнуть портмоне, а у его дамы — драгоценные серьги. И весь этот прекрасный кураж продолжался четыре года, ровно до того момента, как после одного из выступлений ей накинули на голову мешок.

Семье пришлось потратить немало средств и сил, чтобы разыскать девочку среди просторов Таирского рейха. От соседей и друзей ее пропажу скрывали, как могли, распространяя слухи о болезни, потом о монастыре. Но разве можно остановить сплетни?

Взяв с дочери честное слово о прилежном поведении в будущем и пригрозив лишением наследства, отец успокоился. А Асанте нет. Размеренная жизнь среди пасторальных томатных полей и виноградных лоз наскучила ей за неделю. И вскоре семейство схватилось за головы, узнав, что любимая дочь хитростью и дамскими штучками заставила престарелого соседа, дона Норьего, отписать на нее четверть владений. К сожалению, пожилой сеньор очень быстро скончался в результате несчастного случая — подавился рыбной костью. Асанте была в этом однозначно не виновата. Но скандал с участием других наследников перерос в громкое судебное разбирательство по разделу наследства.

Сейчас Асанте шел, если мне память не изменяет двадцать первый год.

Лейтенант Карл Морсер встретил меня во дворе. Он наконец-то пришел в себя после удара мечом и гордо щеголял повязкой на

лбу. Сейчас он удивлено осматривал последствия ночного побоища. Кстати, машинально отметил я, надо еще на фасаде штукатурку обновить, оббитую ледяной шрапнелью.

— День добрый Карл.

— Здравствуйте, господин оберст! — лейтенант покосился на Орели, которую я вел под руку. Но видимо предрассудков у него, кроме дворянской чести и веры в кайзера, было немного.

Мы направились к воротам. Кучер как раз помог выбраться из коляски герру Хименесу. Высокому смуглому стройному брюнету, с легкой проседью в волосах. Рядом с ним, отказавшись от помощи Нестора, на землю спрыгнула его дочь Асанте. У нее было симпатичное, но совершенно незапоминающееся лицо, волосы, собранные по-мальчишечьи в хвост. Одета она была в мужской замшевый костюм для верховой езды.

— Приветствую вас в моем гостеприимном поместье, господин Вильянуэва!

Ох, как же перекосило лицо у Вильянуэвы при виде Орели. Как он нарочито брезгливо поджал губы и отстранился! Эта картина бальзамом пролилась на мое сердце. Не знаю, как у них на юге, а у нас без предварительного письма в гости не ходят. Затем Хименес посмотрел на меня. Я представляю, что он увидел. Лицо, покрытое ожогами, не сильными, магия уже начала залечивать мои раны, но весьма непрезентабельными. Испачканную сажей и местами разорванную одежду, в которой я лазал по руинам южного крыла…

— Э-э-э… мы кажется не вовремя…

— Да, нет, что вы! Бандитов уже прогнали, пожар потушили. Я сейчас, конечно, несколько занят приведением поместья в порядок и организацией расследования. Криминалькоммиссар Шрейбе милостиво выделил мне необходимые полномочия.

— Э-э-э… — поток информации загнал Хименеса в ступор.

— Вы проходите, не стесняйтесь. Располагайтесь на веранде. Она сгорела не до конца. Жене я вас не представлю, она в столице осталась! — я обернулся и посмотрел на дом, да, кстати, еще веранду восстанавливать надо, — это Орели, познакомьтесь.

— Мы, наверное, заедем к вам в следующий раз.

— Папенька, давайте останемся, — глаза Асанте просто сверкали от возможной причастности к Приключению. — Вы ведь нам расскажете свою историю, господин Краузе?

— Асанте, нет! Мы уезжаем! Прошу прощенья, за несвоевременный визит, сеньор Краузе.

— Заходите еще!

Я весело махал рукой в след карете. Будет знать, как без спроса приезжать. Затем я вырвал свою руку из внезапно ставшей

твердой как железо ладони Орели.

— Ты его лицо видела? Видела, как его перекосило?

— Да, хозяин. — Глаза Орели зло прищурились, а верхняя губа поднялась, обнажив клыки.

— Что такое? Ты злишься?

— Вы, хозяин, наверное, не знаете про бойню в Херес-де-ла-Фронтьера? Когда почти пять тысяч бистаа были убиты солдатами Таира?

— Ну да, когда они на форт напали лет пятнадцать назад? Точно, сеньор Хименес тогда орден получил. Такую атаку силами одной роты отбить, — кивнул я.

— Не было никакого нападения! Мы просто откочевали из гор, наводнение началось в долинах после дождей. Он нам разрешил к форту подойти, пожалел вроде как… Потом напал со своим отрядом ночью. Просто так, из забавы. Мы с отцом тогда чудом ушли. Мне пять было. — Орели трясло.

— Вот как? Иди, отдохни, Орели. — Что же, похоже, я не рассчитал силу выпада. И нажил себе врага. — Карл, вы завтра сможете отправиться с нами на прогулку? — спросил я у подошедшего лейтенанта — Можете, кстати, звать меня по имени.

— Да, Петер. — Он немного замялся, — Вы не одолжите мне немного маны? А то я даже малое исцеление Вебера не могу сколдовать.

— Конечно, пойдемте! — развернулся и пошел с ним в дом.

Никто не заметил, как в том месте, где стояла Орели, на пару мгновений появилась высокая крылатая тень с горящими глазами, смотревшая в след карете.

* * *

— А она миленькая, правда, папенька? — Асанте обернулась и бросила прощальный взгляд на бистаа. — И Петер, интересный, я бы пообщалась с ним…

— Запомни, Асанте, они все порождения демонов! Эти твари в союзе с нежитью сожгли половину юга и убили моего отца и братьев. Если бы не они, ты была бы сейчас герцогиней независимой Аррации, а не мелкой дворянкой на задворках этого проклятого Таира.

— Мы еще заедем к ним?

— Никогда! Жаль разбойники не убили этого бистолюба. — Хименес сплюнул сквозь зубы.

Асанте призадумалась. Приключение началось, а она в нем не участвует! Непорядок. Как же быть?… Опять бежать из дома? Но

тогда она не сможет принять участие в расследовании, да и находится в бегах удовольствие ниже среднего. А если воплотить отцовскую угрозу в жизнь и самой записаться в ДД?

Асанте улыбнулась своим мыслям. Весь день она была послушна, вежлива. А ночью, ближе к рассвету она уже скакала в направлении Брюгге со своим любимым луком за спиной.

Гауптман Шрейбе пережил тяжелый день, полный общения с хитрой южанкой. Если утром ему удавалось удачно защищаться от просьб надоедливой девушки работой по расследованию ограбления фургона налоговой полиции, то после обеда, в результате длительной осады он сдал почти все свои позиции, а к ужину окончательно капитулировал.

Скрипя сердцем и позвякивая лишним десятком золотых в кармане, он подписал Асанте удостоверение внештатного сотрудника Тайной Государственной Полиции, приказ о ее направлении в поместье фон Краузе и патент фанен-юнкера «Дворянской Добродетели».

Вечер и большую часть ночи она провела в единственном в Брюгге игорном доме. На ее счастье магическая защита там была весьма хлипкой, и девушке удалось вернуть деньги, потраченные на взятку и покупку формы, с лихвой.

Чрезвычайно довольная собой Асанте вернулась в поместье отца ближе к обеду следующего дня. Ей предстоял серьезный разговор. В прочем, ее папенька легкомысленных разговоров не признавал в принципе. Хименес встретил ее в гостиной.

— Ты где была?! Опять шлялась по кабакам и обыгрывала в карты честных людей?

— Да какие же они честные? Карты краплёные, кости со смещенным центром…

— Опять за старое взялась?! — зарычал Хименес и остолбенел, когда Асанте скинула плащ. Он увидел черный камзол с серебристым кантом, дубовым венком на рукаве и рунами Дагаз.

— Нет, отец мой, за новое!

— Я тебе сказал, что ты должна сидеть дома, ждать пока я найду тебе жениха, иначе ты закончишь жизнь старой девой!

— Ну уж точно не девой, — хихикнула Асанте.

— Лишу наследства!

— Ничего, дохода с земель покойного дона Норьего мне хватит.

— Ах ты!.. — слова у Хименеса закончились, и он отвесил дочери пощечину. Его рука, не встретив сопротивления, прошла сквозь иллюзию.

— Папенька, не стоит поднимать руку на члена корпуса

«Дворянской Добродетели» и действительного сотрудника тайной полиции. Закон против, — раздался голос за его спиной.

— Ты мне еще про законы будешь вспоминать! Аферистка! — Хименес резко развернулся к дочери.

— Буду, папенька, раз уж он, в кое-то веки, на моей стороне. — Асанте мило улыбнулась. — Я пойду, распоряжусь слугам собрать мои вещи. Я переезжаю в поместье господина Краузе, он еще этого не знает, но, несомненно, будет мне рад! — сказала девушка и выпорхнула за дверь.

Пышущий яростью отец остался в гостиной один. Трясущимися от гнева руками он налил себе полстакана кальвадоса и выпил залпом. Через окно было видно, как слуги выносят те немногочисленные вещи, которые Асанте посчитала необходимым забрать, и грузят их в коляску. Его злоба постепенно кристаллизовалась в идею. Петер специально разыграл перед ними эту комедию, чтобы соблазнить его дочь!

— Я убью этого Краузе. — прошипел он себе под нос. Дуэль? Нет, драться с человеком, который рвет демонов на части без боевых артефактов, смерти подобно. Надо поискать подходящих исполнителей.

* * *

На следующий день после визита дона Вильянуэвы сразу после завтрака я выехал по направлению к поселению тиерменшен. Я решил начать расследования с самого начала, и лично осмотреть место, откуда начали свой путь напавшие на меня маги. Орели заверила меня, что благодаря своему феноменальному нюху ее отец сможет взять след даже спустя несколько дней, тем более что дождей давно не было. Компанию мне составил лейтенант Карл Морсер, та парочка жандармских магов, которую гауптман оставил для моей охраны, и сама бистаа в качестве проводника.

Мы резвой рысью двинулись по направлению к предгорьям. Орели на удивление хорошо держалась в седле. Маги без особого энтузиазма плелись в хвосте нашей колонны. Мы проехали один из моих хуторов и свернули с дороги на узкую, но явно часто используемую тропинку, ведущую через берёзовый лес. Похоже, мои крепостные уже давно и активно торговали со зверолюдьми. И куда только инквизиция смотрела все эти годы, спрашивается?

Когда березняк закончился, я чуть притормозил коня и позволил Карлу поравняться со мной.

— Вам понравилась Асанте, Карл?

— Довольно милая девушка. И выглядит так… — лейтенант немного замялся, выбирая определение, — по-домашнему.

— Карл, вы не думали о женитьбе? — спросил я его, с трудом сдерживая улыбку. Одно удовольствие было посмотреть на его покрасневшие уши.

— Н-нет, господин оберст, — смущенно ответил Карл.

— Карл, я же просил вас оставить эти церемонии. А вы подумайте. И идите, сватайтесь! Дон с радостью пристроит ее хоть в какие-то руки.

— Но нельзя же так, без любви, — попытался возразить мне Карл. В ответ я только снисходительно посмотрел на него. — Да и я не смогу содержать ее достойно!

Вот тут уж я расхохотался.

— Вы плохо знаете фрекен Асанте! Это кто кого содержать будет! Если рядом будет хотя бы один игорный дом, то однозначно она вас.

Тропинка опять завела нас в лес, и я слегка пришпорил лошадь, обгоняя лейтенанта. За моей спиной он что-то пытался невнятно бормотать про мужскую гордость и место женщины в семье.

В полдень мы перекусили у родника и двинулись дальше.

Поселение тиерменш располагалось на краю оврага, по которому протекала узкая, метров пять-шесть, не больше, речушка. Назвать это деревней у меня язык не поворачивался. Когда мы, столичные жители, говорим слово «деревня», то перед внутренним взором встает вид аккуратных выбеленных домиков с покрашенными темно-коричневым балками. Крыши, покрытые черепицей. Золотые поля, разделенные невысокими каменными изгородями, тучные коровы на зеленых лугах и прочие пасторальные прелести, ставшие такими популярными в последние годы среди художников.

Так вот, забудьте этот милый образ! Тиерменш жили в землянках, вырытых прямо посреди леса. Если бы не Орели, мы бы вполне могли пройти насквозь через поселение и не заметить его. На невысокие крытые дерном холмики крыш я даже не обратил внимания. Лишь пара строений была сложена из необработанных бревен. Потрясающая беднота и убожество.

Мы остановились в центре, и бистаа, увидевшие Орели, начали постепенно вылезать из своих нор. Мэрэн узнал меня сразу и поклонился.

— Привет, вождь.

— Здравствуйте, господин Петер.

— Твоя дочь сказала, что ты можешь проводить меня к месту появления тех бандитов.

— Да, господин. Мы на это проклятое место вчера наткнулись по указке шамана. Я провожу, до вечера обернемся, только лошадей оставить придется, не пройдут они по чащобе.

Я спрыгнул с коня и остальные последовали моему примеру. Тиерменшен неумело расседлали лошадей и повели их на водопой. Мы же последовали вслед за Мэрэном. За два часа пути по буреломам и чащобам я успел проклясть свою инициативу. Хорошо еще, что была весна, и не успели появиться комары.

На место появления «гостей» мы вышли внезапно. Деревья и кустарник закончились, словно их отрезало гигантское лезвие. Я присвистнул от удивления. Казалось, что кто-то взял гигантскую фрезу и вырезал идеально ровный цилиндр в лесе.

На земле лежала идеально круглая монолитная каменная плита. Ветви деревьев были отсечены четко по ее границе. Я присел на колени и посмотрел на корень сосны. Хотя на срезе выступили капли смолы, но было видно, что он идеально ровный.

— Мда… — высказал за всех нас один из жандармских магов, почесывая затылок.

В общем-то, я бы не мог сказать большего. От концентрации волшебства в этом месте пощипывало кожу. И это явно не было ни обычное заклинание стратегического телепорта, ни изощренная эльфийская «тропа древа». Но и некромантской или демонической магией тут не пахло тоже. Я навскидку прикинул, сколько бы маны потребовалось, чтобы переместить такую каменную махину, хотя бы на сотню лиг и понял, что на это ушло бы половина стратегических запасов рейхсвера. Но даже в этом случае не было бы такого остаточного магического фона! Похоже, моя идея насчет «Гостей в нашем мире» получила очередное косвенное подтверждение. Я достал из кармана свою записную книжку с заклинаниями и открыл ее странице с «Великим прозрением Фендела». Уникальным заклинанием школы прорицания, направленным не на будущее, а на прошлое. Оно позволяло примерно показать, какое волшебство использовалось вокруг заклинателя в течение последних пяти дней, а также некоторые эмоционально насыщенные события.

Я присел на колени и, поминутно сверяясь со своими записями, начал чертить на камне руны. Орели и Карл с интересом следили за моими действиями.

— Господин оберст, — раздался за моей спиной голос лейтенанта, — нам в академии показывали это заклинание немного по-другому…

— Дерзайте, Карл, раз вы такой умный, — раздраженно сказал я. Но мое раздражение было направлено на меня самого. Какой же я идиот! Зачем меня понесло в дебри высшей магии,

если у меня есть под рукой это молодой выскочка! Хорошо еще, что я не успел опозориться со своими ошибками.

Легко и непринужденно Карл произнес формулу на секунду замер с широко открытыми словами, а затем положил руку мне на плечо, чтобы поделиться впечатлениями. И я почувствовал это! Не жажду власти, завоеваний или богатство. Дикое, детское любопытство гостей. То самое чувство, с которым ребенок мучает насекомое или лягушку.

Буря магии, бушевала здесь четыре дня назад. Это было волшебство чуждое по своей структуре и логике нашему миру. Сила его далеко выходила за пределы подвластных смертным и демонам пяти разрядов заклинаний. Только Иштар и Мардук, если бы они не были пустой легендой для черни, способны на такое.

— Ох!.. — только и мог сказать я. — Потрясающе!

Карл вышел из транса и пошатнулся.

— Петер, — от волнения он наконец-то забыл церемонии, — я не понимаю, что здесь произошло!

— Зато я, возможно, понимаю. Мне надо обдумать увиденное, — улыбнулся я. — Кстати, должен вас похвалить. Вот так просто с руки выдать заклинание четвертого уровня, Карл, это дорогого стоит! Вы, наверное, окончили курс с отличием?

— Вовсе нет, господин оберст, — Лейтенант явно засмущался похвале, — я учился на тройки и четверки.

— Как же так? С вашими-то способностями?

— Господин оберст, этому заклинанию меня выучил мой сосед по комнате перед госэкзаменами. Мы весь семестр его отрабатывали, потому что его всегда спрашивал старый профессор Генле, когда студент начинал валиться, чтобы добить.

— И кем же был ваш сосед, гений магической педагогики?

— Оберлейтенант Лоренц Паульсон, но вы вряд ли слышали про него.

— Вот тут вы ошибаетесь, Карл, мы с ним имели честь познакомиться… — мои пальцы непроизвольно сжались на рукояти кинжала. — Ловушки ставить умеете?

— Да, господин об…

— Петер, — поправил я его.

— Да, Петер.

Полчаса спустя я махнул рукой, показывая тиерменш, что мы можем уходить. Карл поставил несколько ловушек-поглотителей магического фона. Они должны были зафиксировать остаточные эманации для дальнейших более подробных исследований чужой магии в лаборатории тайной полиции.

Возвращаться в поместье было уже поздно, и я, скрипя

сердцем, решил заночевать у бистаа. Уж не знаю, что там про меня успела рассказать Орели, но тиерменшен совсем перестали меня бояться. И начали улыбаться в моем присутствии.

Вождь вернулся с охоты незадолго до нас и пригласил нас на ужин в свою землянку. Я никогда не любил дичь, но то, что при помощи трав и ягод сотворили тиерменш с олениной, даже на мой придирчивый вкус было выше всяких похвал.

Я улегся спать в доме Мэрэна. Остальных разместили в землянках. Ноги гудели после долгой прогулки. Я уже почти отключился от усталости на подстилке из сена покрытой шкурами, когда ко мне в постель заползла Орели.

— Это еще что такое?

— Господин Петер, я уже поняла, что вам неинтересна, но если это место не займу я, то придут мои сестры, и вам придется отбиваться от их настойчивого внимания, — торопливо сказала Орели, устраиваясь в моих ногах.

— Хмм…

— К тому же, вас не так будут кусать блохи, когда я рядом. Они больше любят нашу кровь — А вот это было очень ценным моментом. Я уже начал чесаться.

— Ты готова пролить свою кровь за меня, бистаа? — усмехнулся я в темноте.

— Да. Вы спасли меня, вы защитили мое племя.

Я замолчал. Такая преданность заслуживала вознаграждения. Надо будет обязательно взять Орели с собой в столицу. Конечно, встреча с Юкки подвергнет ее смертельной опасности, но посмотреть на реакцию моей жены будет интересно. Может ее апоплексический удар от злости хватит? Хотелось бы… Черт, сна как не бывало.

— Кстати, давно хотел спросить, неужели, крестьяне так просто смирились с вашим присутствием? Я предполагал, что они к вам должны были прийти с вилами и топорами…

— Так и было, господин Петер. Когда мы пришли в эти места, наступила поздняя осень. У нас не было ни еды, ни крыши над головой. Мы же после боя на юге с тем, что было в руках, с тем и бежали, куда глаза глядят. Даже в деревни свои вернуться не могли. Смыло там все, да и Вильянуэва патрули разослал по долинам… Крестьяне, когда мы только оказались на ваших землях, поступили, как вы сказали. Во главе с Нестором пришли, с кольями, вилами, косами. Собирались нас убивать. Посмотрели они на нас, плюнули, пару топоров нам оставили. А через неделю вернулись. Муки притащили. У нас все равно трое от голода той зимой умерли… Если бы не оспа, все бы сдохли.

— Это как так? — я удивился.

— Так эпидемия началась в Брюгге, а потом и на деревни мор перекинулся. Лекари по селам ездить зимой не хотели. Да и откуда у крестьян золото, платить им… Инквизитор пытался как-то помочь, но он один на весь уезд. А у нас шаман есть, умелый. Он скольких травами выходил! За это подкармливали нас, даже когда сами голодали. Потом весной селяне скинулись, ему амулет купили на ману.

— Теперь понятно, почему вас никто инквизиции не выдал, — задумчиво произнес я.

— Да как же не выдать, доносили… Оберквизитор явился, когда наш шаман со мной и отцом в деревне Нестора были. Вломился в сени. Доспехи его светом так и сияли. Крылья Мардука за спиной притолоку задевали, и топоры рунные в руках молниями потрескивали. Как сейчас помню. Посмотрел на больного, воздух понюхал, отвар попробовал. Головой кивнул. Пробурчал, что люди, хуже демонских отродий стали, счастья своего не понимают. Пальцем погрозил нам, что бы на глаза больше не попадались и улетел. А мельник потом два месяца в каземате сидел, за лжесвидетельство.

Да, похоже, провинциальные реалии сильно отличались от того, что было предписано имперскими законами. Если мздоимство гауптмана Шрейбе мной воспринималось как нечто само собой разумеющееся (ну, в самом деле, как можно жить на одно жалование?), то доброта старшего инквизитора к демонским полукровкам меня поразила.

Орели, наверное, рассказывала что-то еще, но я уже провалился в дрему.

Проснулся я, обнимая ее. Холодные весенние ночи сводят на нет многие расовые предрассудки. Я с трудом заставил себя выползти из-под теплых мехов и умыться ледяной водой из горшка.

Жандармы встали раньше меня. Они были подозрительно довольны и улыбчивы этим утром. А вот Карл был больше всего похож на помидор — такой же мятый и красный, то ли от гнева, то ли от смущения.

— Они… Честь имперского офицера… — начал возмущенно объяснять он, пытаясь одновременно чесать себя в трех местах. Похоже ночь блохи не дали ему пощады, — Это просто неприемлемо!

— Ох, Карл, идите, прогуляйтесь с магами, снимите ловушки. А заодно господа унтер-офицеры объяснят вам в подробностях, как правильно должны поступать юноши в таких ситуациях. — Я демонстративно почесал Орели за ухом.

Лейтенант покраснел еще больше, хотя казалось уже некуда,

но послушался. В компании с Мэрэном они удалились. Мне же выпал редкий шанс понаблюдать дикарей в их естественной среде обитания. Вполне себе человекообразные существа и по виду, и по повадкам. Единственный кто производил впечатление порождения союза демона и человеческой женщины, так это шаман. Рога, растущие изо лба, и гипертрофированные клыки делали его морду отталкивающей. Да и переломанные рудиментарные крылья за спиной очарования не добавляли. Остальные тиерменшен на вид совсем не походили на чудовищ, описанных в энциклопедиях. Пара поколений смешанных браков сделали свое дело.

К полудню Карл вернулся, и мы направились обратно в мое поместье. Нестор встречал меня у ворот. Он явно был смущен.

— Хозяин, тут жена ваша приехала. Я уж постарался ее устроить, но она шибко недовольна была… Вы уж извините.

Я удивленно приподнял бровь. Приехать сюда, ко мне в ссылку, это было совсем не похоже на Юкки. Как выяснилось через пару минут, прибыли мы как раз к ужину, который по приказу «жены» накрыли на обновленной веранде. Мой правый глаз начал подергиваться от этой наглости.

— Фрекен Асанте! Вы что тут делаете! — Я спустился с коня и быстрым шагом направился к столу. Только проблем с доном мне сейчас не хватало. Да и вообще, я начал осознавать, что слухи не преувеличивали наглость и пронырливость этой девицы. Прийти в чужой дом, обмануть слуг… Я сморщил нос, почувствовав следы магии иллюзий и разума.

— Здравствуйте, Петер! Я так скучала без вас, — произнесла она. Затем подошла ко мне и сняла воображаемую пушинку с лацкана моего форменного камзола. Я почувствовал легкое дуновение волшебства.

— Она колдует, хозяин. — Орели встала за моим правым плечом.

— Вижу. Если вы сейчас используете на мне заклинание «Неземной красоты Ирит», то отправитесь в тюрьму, — прошипел я. — За мошенничество. А незаконное ношение формы ДД — это еще два года заключения.

— Простите, Петер, — она пару раз хлопнула своими пушистыми ресницами. Мда, даже без магии эта особа была опасна. — Но кто говорит про незаконное ношение?

Асанте достала из внутреннего кармана бумаги. Я с недоверием взял их в руки. Так, приказ о назначении внештатным сотрудником, патент фанен-юнкера, приказ о направлении в мое распоряжение в качестве ординарца. И все, как назло, подлинные, на гербовой бумаге, со всеми печатями и удостоверяющими

чарами. И самое главное, все от вчерашнего числа.

— Во сколько вам это обошлось?

— Что вы, Петер, как вы можете?! Разве мог Густаф Шрейбе отказать истинной патриотке Таира? — Возмущение Асанте было очень натуральным. Боже, как она мила, змеюка. Надо обязательно натравить ее на Карла и посмотреть, что получится.

— Для вас я теперь — господин оберст и никак иначе! Ясно, госпожа юнкер? — От того как прозвучал этот вопрос я поморщился, а Асанте улыбнулась. — Спать он с вами не стал бы, так что сколько?

Поняв, что соблазнить меня не удастся, Асанте видимо решила изменить стратегию — притвориться послушной девочкой.

— Так точно, господин оберст. Десять золотых. Садитесь ужинать, господин оберст. Вы расскажете мне про ваше расследование?

Ох, продешевил гауптман! А Асанте сама загнала себя в ловушку. Теперь она связана субординацией и уставом. Я несколько расслабился и сел за стол. После поездки мы все были голодны.

— Орели, принеси мне вина, и скажи кухаркам, что бы они покормили тебя и жандармов. Потом можешь отдыхать.

После ужина я усадил Карла писать отчет, а сам в компании с бутылкой наливки и тарелкой вяленого мяса занялся стратегическим планированием расследования. Асанте пыталась под благовидным предлогом просочится с мою комнату, но я отослал ее зубрить устав. Следом за ней пришла Орели. К этому моменту я уже порядком набрался, поэтому ей пришлось выслушать историю моей неудачной семейной жизни. Не помню, что происходило потом, но судя по тому, что утром я нашел ее на коврике рядом с кроватью, свою честь бистолюбством, я не запятнал.

* * *

Эрих Кох путал следы, как мог. Его банда вместе с «Попаданцами», как сами себя называли в команде Шарля, дважды проходила через порталы. Маг обещал, что благодаря добытым по большому блату артефактам, установить точку выхода будет практически невозможно. Но, несмотря на это, разбойники долго петляли, заметая следы. Сейчас, после утомительного пути, занявшего целый день, они расположились в полуразрушенной усадьбе.

Этот дом был заброшен почти двадцать лет назад после одного из давних прорывов Инферно. Окрестные деревни большей частью опустели, наследники же не спешили платить пошлину за вступления в права собственности. Недавно согласно новым законам земля перешла государству, то есть стала окончательно никому не нужна. Этим и пользовался атаман, устроив здесь свое гнездо.

В камине уютно потрескивал огонь. Шарль, Хеби, Линг и Василий устроились в дальнем углу комнаты. Остальные бандиты оставались от них на дистанции, стараясь держать оружие под рукой. Наступал самый тонкий и опасный момент в отношениях с чужаками — дележ добычи. Перед Эрихом стояла большая проблема.

— Значит так, Шарль, я вам отдаю десятую часть. — Он кивнул на два мешка с монетами.

— Это почему же нам так мало? — спросил долговязый рыжий веснушчатый тип, не отрываясь от своего странного бруска с картинками.

— Молчи, шестерка, я с боссом твоим говорю, — окрысился Эрих. В ответ Василий сплюнул на пол. Дерево от его слюны сначала задымилось, а потом загорелось противным зеленоватым пламенем. По рядам разбойников прошел шорох. Кинжалы и мечи покинули ножны. В разговор вступил Шарль.

— Эрих, у нас в команде «Попаданцы» демократия, каждый имеет право голоса. Если вы обращаетесь ко мне, то вы обращаетесь ко всем нам.

— Дерьмо… что?

— Демократия, власть народа.

— А… Типа, как у западных варваров, не знающих про имперскую четкую вертикаль власти, — кивнул с пониманием один из бандитов.

— Тихо все, — цыкнул атаман. — Я вам по справедливости предлагаю. Вы бы больше не смогли утащить, это раз. Во-вторых, без нас, вам пришлось бы уходить с боем. Еще неизвестно, чем все для вас могло кончиться.

— Но мы же за вас всю работу сделали, — влезала в разговор Хеби.

— Вы мне чуть всю операцию не испортили! У нас план был, как по-тихому всех вырубить. Фургона только к вечеру хватились бы, мы тогда не оставили бы половину денег на месте! Да и ты представляешь, сколько Адлер маны нажег, когда порталы с руки открывал, вместо того, чтобы ритуал проводить? А нам еще за наводку делиться надо будет.

— Да какая разница, сколько маны ушло… — отмахнулся

Шарль, — Смог, не надорвался и ладно.

— Не ладь горбатого к стенке! Это монет в сто нам обошлось. Мана она сама по себе из ниоткуда не берется!

— Как это не берется? — удивился Шарль. Вид Эриха был настолько убедителен, что волшебник засомневался в себе. Он подошел к окну, за которым начал накрапывать дождь. Несколько ледяных дисков собрались из воздуха над его ладонью, а затем срубили под корень березку, росшую во дворе. Шарль глубоко вдохнул и выдохнул, восстанавливая силы.

— Адлер, ты видел? — с выпученными от удивления глазами спросил у своего мага атаман.

— Я уже давно заметил, что у них амулетов-накопителей нет. — Маг, не оборачиваясь, стоял перед камином, грел руки перед пламенем и громко шмыгал сопливым носом.

— Ладно, не будем отвлекаться, не спорю, мы ошиблись. Но меньше чем на пятую часть мы не согласимся. По-моему, это справедливо, пятая часть вам, пятая часть нам. А остальное раздать бедным. — Сказал Шарль.

— Что?… Какого?… — Эрих просто очумел от сказанного.

— Мы видели, как тут живут крестьяне, угнетенные диктаторским режимом вашего кайзера, неужели у вас поднимется рука забрать себе все эти деньги, нажитые их потом и кровью? Не знаю, как вы, а мы направим свою долю на организацию революции.

— А, что, атаман, он дело говорит, холопов правда прикормить можно! Глядишь, не настучат на нас, — сказал один из бандитов.

— Так, так, так. Вы, что же мятеж задумали устроить? Это разговор хороший. Ежели так, то нам по пути! Но это все обговорить надо сначала с людьми.

— То есть вы с нами? — Радостно спросил Шарль Красси.

— Скорее это вы с нами, будете, если главный наш согласится. Такие бойцы как вы нам нужны. — Эрих был очень доволен. За таких воинов герцог простит ему накладки, произошедшие во время ограбления.

— Вот видишь, Хеби, а ты спорила со мной, стоит ли нам начинать с агитации среди деклассированных элементов и люмпен-пролетариата! — Сказал Шарль.

Хоббитка недовольно фыркнула. Эрих смысла фразы не уловил, но он не особо и вслушивался.

На следующее утро Эрих встал до рассвета. «Попаданцы» еще спали. Весь предыдущий день атаман старательно отгонял от себя мрачные мысли о визите к его светлости. Но сейчас его понемногу начинало трясти от страха и ожидания боли. Герцог не

любил, когда его приказы выполнялись нечетко. А как ни крути, с ограблением фургона налоговой полиции Эрих напортачил, пусть и не по своей воле.

В сопровождении Адлера он поскакал на восток в направлении загородной резиденции герцога Виттельбаха. За ними плелся небольшой неприметный возок с большей частью их добычи.

Герцогство Виттельбах вошло в состав кайзеррейха последним, среди бывших членов Таирского Союза. Собственно, именно благодаря усилиям герцогов этой династии, слишком слабой для того, чтобы объединить самой территории людей, но достаточно изворотливой, чтобы не дать это сделать Таиру, химерическй Союз просуществовал почти двести лет. Если бы не внешняя угроза некромантов и демонов, то, вероятно, шаткое дипломатическое равновесие сохранялось бы и дальше.

До сих пор герцогство пользовалось широкой автономией и даже имело право содержать небольшой военный отряд, не подчинявшийся напрямую кайзеру. Это не говоря про налоговые льготы, сохраняющееся крепостное право, которое было отменено на территории старого Таира, а в других провинциях ослаблено последними законами.

Император Гор понимал, что давняя дворянская вольница разорвет его державу на части, как это уже один раз произошло со Святой империей. Он бы с радостью начал небольшую победоносную войну, чтобы утилизировать в ней слишком рьяных сторонников старых порядков, но было не с кем. В результате имперская политика борьбы с дворянскими привилегиями буксовала. Буксовала, но медленно двигалась вперед.

Многие мелкие аристократы от безысходности и бедности шли в чиновники. Торговцы, обогатившиеся в колониях, скупали за бесценок их родовые земли. «До тех пор, пока я — кайзер, в Таире не будет никакой колониальной политики» сказал его величество Гор вскоре после окончания войны. Однако, независимо от его воли, в период 3984–3985 были созданы имперские колонии в Юго-Западе и Востоке. Колониализм еще больше сблизил кайзеррейх с его вечным партнером — Союзом Гномийских Кланов, который, как и Таир, испытывал нехватку сырья, но создал напряжение в отношениях с Эльфийским Королевством, почувствовавшим конкуренцию на мировой арене.

Но о какой эффективной колониальной политике можно было говорить всерьез, когда половина страны спустя тридцать лет после окончания войны лежала в запустении?…

Одной из самых удачных придумок кайзера стал корпус «дворянской добродетели» или ДД. Его величество в мудрости

своей понял, что старых дворян не переделаешь, и основную ставку сделал на воспитании нового поколения. Расчет оправдался. Стаи молодых щенков, воспитанных в духе обожания кайзера, с азартом рвали на части матерых волков-аристократов, не проявлявших должной лояльности имперским властям, на дуэлях и в залах суда. Высмеивали на балах и ассамблеях. Постепенно верность кайзеру, хотя бы на словах, входила в моду.

Во всяком случае, так обстояло дело в самом Таире и разорённых войной южных провинциях, где администрация формировалась с нуля, а старых дворян не осталось…

А вот в северных губерниях обстановка была разной. В герцогстве Виттельбах, несмотря на формальный вход в состав империи, за пятьдесят лет не изменилось почти ничего. По сути дела, это было государство в государстве. Если во время войны, Гор не хотел получить нож в спину в результате восстания в тылу и поэтому позволил автономии существовать, то после войны хитрый герцог Майнард не давал Гору даже малейшего повода завернуть потуже гайки. Единственным реальным политически приемлемым рычагом давления оставались поставки маны.

Эрих без приключений добрался до своей цели к концу дня. У ворот поместья его встретили двое здоровяков со стрелковыми посохами в черных плащах и двуголках, ставших модными в последние годы в столице. Эрих уже не первый раз видел эти изуродованные шрамами лица. Личные охранники Майнарда. У него засосало под ложечкой. С этим эскортом он проследовал по аллее, ведущей к роскошной усадьбе, достойной самого императора. Он достал из возка небольшой мешочек. В сопровождении телохранителей он вошел через черный ход и направился к широкой парадной лестнице, ведущей к личным покоям Майнарда. Адлеру как обычно повезло. Он остался сидеть на кухне, хлебая горячий травяной настой от простуды, а Эрих поднимался наверх, непроизвольно напрягая musculus cremaster. [3]

Герцог редко снисходил до общения со своим верным вассалом, исполнявшим для него разные грязные поручения. Только когда надо было обновить гипноблокаду, недававшую Эриху проговориться на допросе, буде он попадет в лапы Тайной Государственной Полиции или молодчиков из Дворянской добродетели. Еще раз в полгода Майнард позволял по кристаллу связи пообщаться Эриху с сыном, отбывавшим наказание на каторге. Но чаще всего атаман видел герцога, когда совершал какую-нибудь провинность. Герцог Виттельбах просто не мог отказать себе в удовольствии лично привести наказание в исполнение.

— Так, так, так. — Краснощекий низкорослый толстячок с короткими светло-русыми волосами и рыжей бородкой пристально посмотрел на Эриха. Одет герцог был просто и по-домашнему. В бежевый камзол, расшитый золотом, короткие бриджи, белые чулки и туфли с золотыми пряжками на которых искрились брильянты.

Голову Эриха внезапно сдавил невидимый раскаленный обруч. От боли на глазах выступили слезы. Он не удержался и опустился на колени. Герцог медленно обошёл вокруг атамана. Телохранители безучастно стояли по сторонам от двери.

— Мне кажется, я кому-то говорил, что операция должна быть чистой и тихой!

— Это не моя вина, ваша светлость! Там другая банда была! Четыре боевых мага, заезжие гастролеры. «Попаданцы», так они себя называют.

— И где они сейчас? Я надеюсь на том свете? И только не говори, что ты добычу упустил!

— Ни как нет, с моими вместе в логове сидят, а добычу привез, как и обещал.

— Ты никак совсем свихнулся? — побагровел герцог, — посторонних привел к себе… Жаль, ты еще мог мне пригодиться! — он достал кинжал из ножен и запрокинул голову Эриха. Заклинание парализации не оставляло разбойнику ни малейшей возможности для сопротивления.

— Майнгерр, прошу, выслушайте, иначе мы бы не смогли получить добычу. И они заявили мне, что хотят свергнуть кайзера, поэтому я рискнул.

— Да? Ну, расскажи мне свою сказку, — Майнард отпустил голову Эриха и уселся в кресло. Оковы магии ослабли. Через десять минут один из телохранителей ввел в кабинет герцога Адлера. Майнарда заинтересовали магические тонкости столкновения, которые Эрих знать не мог. В отличие от своего мага, который когда-то учился в семинарии, готовясь стать инквизитором, атаман владел волшебством только на бытовом уровне, как и большинство из простолюдинов.

Мешочек с доброй сотней амулетов-накопителей высшего класса, которые и были основной целью рейда, лег на стол перед герцогом. Они предназначались для личной гвардии герцога. Срыв этой поставки сильно ударил по боеспособности имперского гарнизона на южной границе герцогства. К тому же, казна Виттельбаха пополнилась квартальным доходом с целой провинции. Напоследок Майнард сказал:

— Что же, этих твоих гостей мы пристроим к делу. Используй их пока в темную, присмотрись. Если они действительно так

сильны, как ты говоришь, то я найду, чем их занять. И чуть не забыл. Мой столичный «друг» просил оказать ему услугу. Волею случая в ваших краях оказался барон Петер фон Краузе. Он слишком много знает про наши дела в столице и сейчас под следствием. Если он начнет рассказывать, то будет опасен для меня и моего друга. Петера надо убрать. И убрать тихо, чтобы его смерть не привлекла внимания к расследованию! Стрела там случайная на охоте или еще что-нибудь не очень подозрительное.

— Будет исполнено!

Разбойники спускались вниз, их ждал ужин и отдых. Герцог остался удовлетворен, а они живы и целы. Следующим вечером Эрих уже вернулся в свое логово.

— Где эти? — Спросил он у своего десятника, не увидев Шарля.

— Дык по деревням поехали, деньги раздавать, проповедовать. То есть, это, агитировать, как они сами говорят.

— Ой, дурачье… — схватится за голову Эрих. — Что же не остановили? Да и какие деньги холопам, они же, когда сытые сразу работать перестают и пить начинают! Старостам ладно еще…

— Дык, разве ж их остановишь? Ты атаман не переживай, Ерс и Йохан с ними поехали, по самым медвежьим углам проведут. Заодно работенку сделают. Тут верный человек сказал, герр Вильянуэва хорошие деньги за какого-то Петера Краузе предложил. У них как раз граната на радужную молнию зачаренная осталась… Хлоп ее в окошко и нет дворянчика!

— Шайзе! — выругался Эрих, — По коням! Надо остановить этих идиотов!

* * *

О, Создатель, какое же похмелье ждало меня на следующий день!

Как назло, рано утром к нам в ворота въехал курьер от гауптмана. Согласно его письму, ему срочно требовалась помощь Карла, для расследования недавнего ограбления фургона налоговой полиции. Его штатный маг-криминалист уже успел расписаться в своем бессилии, и лейтенант оставался единственной надежной Густафа. К тому же в этом деле были замешаны и мои давние знакомцы. Совпадала и манера колдовства и показания свидетелей. Да и не мешало вручить гауптману наши результаты. Не зря же Карл полночи корпел над отчетом?

Поэтому после несколько запоздалого завтрака я со своей свитой, пополнившейся Асанте, выехал на место преступления. И только не спрашивайте, зачем я потащил с собой Орели! Привычка… Я воспользовался коляской, так вовремя угнанной Асанте у своего отца. Бистаа заняла место на козлах, рядом с кучером.

Нестерпимо яркое солнце резало глаза. Отвратительно громко пели птицы. Моя голова отзывалась дикой болью от каждой кочки. А магия окончательно отказалась мне повиноваться.

Густаф встретил нас на перекрестке недалеко от моего поместья. Он с первого взгляда распознал знакомые симптомы моей болезни и молча протянул мне флягу с вином, разбавленным водой и пару травяных пилюль. Пока Карл колдовал, а Густаф читал отчет, я умудрился немного подремать. Разбудил меня его разговор с Асанте.

— То есть, юнкер, вы утверждаете, что видели бандитов незадолго до преступления? — спросил Густаф.

— Да, господин гауптман! — бодро ответила девушка.

— Это отлично, а то у нас нет ни одного толкового описания. Во время боя в поместье Краузе было темно, да и гусарам позавчера было немного не до того…

— Позвольте.

Я приоткрыл глаза, почувствовав дуновение магии, и уставился на четыре иллюзии, висящие над дорогой. Да, похожи!

— У меня, господин Шрейбе хорошая память на людей, — улыбнулась Асанте.

— Что ж, похоже, то, что я принял вас в ряды Тайной полиции не такая уж большая ошибка, юнкер Асанте. — Шрейбе довольно потирал руки.

Да-да, это не ошибка, это просто катастрофа, лениво подумал я, но гауптман был чрезвычайно доволен.

Один из унтеров схватился за карандаш и начал спешно делать наброски. Вскоре мы двинулись вглубь леса, по следам разбойников. Орели убежавшая куда-то полчаса назад, вернулась с кринкой молока. Только благодаря ей, у меня появились силы для дальнего пути.

Если честно, то происходившее на перекрестке показалось мне странным. Густаф хвалил мою прозорливость, не давшую ему написать тот поддельный отчет. Он считал, что та четверка с магами действовала со своими пособниками, прикрывшими их отход. Но перекинувшись парой слов с Карлом, я понял, что здесь что-то не так.

Бегство прикрывалось сложной, запутанной системой

заклинаний, и Карл быстро выбился из сил, пытаясь удержать след. Я уж молчу про подготовленный заранее ритуал массового телепорта! Да и позиции, где нападавшие ждали свою добычу, были выбраны почти идеально. И в тоже время нападение той четверки выглядело абсолютно спонтанным.

Им бы стоило перебить всю охрану и потихоньку увести фургон, но вместо этого они бросают половину добычи на месте, позволяют уцелевшим гусарам добраться до заставы… Хмм… странно все это. А Густаф между тем продолжал рассказывать.

— …Вы представляете Петер, сотня, целая сотня заряженных новеньких армейских амулетов для кадровых магов! Это я вам скажу не шутки! Скоро тут будет темным-темно от столичных шишек. Так, что Петер, боюсь, ваше развлечение скоро закончится, дела таких преступников волонтеры не ведут!

— Да, жаль, конечно, это обещало быть интересным развлечением, — ответил я. — А, кстати, Густаф, кто знал про амулеты? Такой важный груз, с такой маленькой охраной…

— Вы в корень смотрите, Петер. Я, например, не знал. Это какие-то тайные армейские дела. Думаю, может оберст Вернер в столице провинции, на местах кто-то, кто грузил, получатель в армии. Да и все. Ну и в самом Таирбурге, конечно.

— То есть была наводка, — задумчиво произнес я.

— Именно!

Все постепенно вставало на свои места. Операцию, похоже, действительно готовили заранее, и на деньги особо не прицеливались, поэтому и бросили их, когда они мешали бежать. Основной целью были амулеты. А это попахивало государственной изменой. Не думаю, что получатель или отправитель знали маршрут. Нет, крыса должна быть где-то на самом верху. Да и зачем вообще такая секретность? Войска готовят какую-то тайную операцию? Но против кого можно воевать в сердце империи? И как быть тогда с моей загадочной четверкой, вот в чем вопрос. Если только допустить, что диверсанты воспользовались их случайной помощью… Договориться заранее с местными у них времени просто не было, я знал их путь с самого появления в этом мире.

Демон меня подери, это совершено не то дело, в которое мне стоит лезть. Это не интересная загадка. Это, судя по всему, какая-то жуткая государственная тайна. И у меня есть все шансы быстро и скоропостижно скончаться, если я буду дальше совать в нее свой любопытный нос.

Эти мысли медленно ползли в моем разуме, пока я лежал в теньке под деревом. Карл опустошал уже третий аккумулятор в попытках сузить предполагаемую зону выхода из портала. По его

лицу тек пот, но пока результаты оставляли желать лучшего. Точность целеуказания в пять лиг не позволяла продолжить поиски.

Орели присела рядом и начала массировать мне виски, мурча что-то себе под нос.

— Хозяин, вы вчера много говорили про свою жену…

Черт, она была почти идеальна, пока не начала этот разговор.

— Да… Было дело, — мне было немного стыдно, но с другой стороны почему люди разговаривают на многие запретные темы со своими собаками и кошками, а я не могу поговорить со своей бистаа?

— Почему вы не прогнали ее? Она не любит вас, она не принесла вам детей.

— Деньги, Орели, положение в обществе, связи с торговой гильдией. Это гораздо важнее, чем какие-то чувства.

— Я не понимаю, хозяин…

— Вот поэтому-то вы, тиерменшен, и не смогли построить такую же великую империю! — нравоучительно сказал я, хотя ее слова засели занозой в моем сердце. Снова воцарилось молчание.

После еще получаса попыток Карл, наконец, сдался. Ему удалось сузить круг поисков до одной лиги, но я сомневался, что это даст какие-то результаты. Судя по всему, разбойники вышли из портала где-то в лесной чащобе на границе герцогства Виттельбах и моих владений. Сегодня было уже поздно продолжать поиски, и криминалькоммиссар принял решение вернуться в Брюгге для организации экспедиции, мы же отправились обратно в поместье.

Карл дико устал за этот день, и я был не удивлен этому, учитывая, сколько маны он сжег в своих заклинаниях. Он сначала пытался отвечать на многочисленные вопросы Асанте, по поводу того, что ему удалось узнать, но, в конце концов, я заткнул неугомонную девчонку. Лейтенант быстро перекусил ка кухне и завалился спать задолго до заката.

Я мирно провел вечер в чтении и размышлении, под каким бы благовидным предлогом мне избавиться от тех полномочий и обязанностей, что я выторговал у гауптмана Шрейбе. Ремонт шел своим чередом. Плотники стучали топорами и молотками. Асанте между тем металась по дому. Бедняжке было скучно. Видимо, в ее фантазиях мы должны были все время куда-то скакать, подвергаясь опасностям, и участвуя в кровопролитных схватках. Нет бы спасибо сказать, что нам не предстоит такого объема бумажной работы, как у Густафа. Он, наверное, только к полуночи выйдет из-за стола, после написания отчета и рапорта.

Наконец я захлопнул книгу и отправился к себе в спальню. Я

уже начал раздеваться, когда в дверь постучали.

— Войдите.

— Доброй ночи, Петер.

— Юнкер, сколько вам говорить, ко мне надо обращаться господин оберст. Я так понимаю, вы пришли отчитаться мне, что выучили устав? Давайте-ка, процитируйте мне приложение пятнадцать «служба офицеров генерального штаба», какие сведения должен иметь начальник штаба согласно пункту три?

— Петер, ну не будьте такой букой, — она приблизилась ко мне и обиженно надула губки, — я же вижу, что это всего лишь маска. Но сейчас мы не на людях. Лучше расскажите, что удалось выяснить Карлу, мне так интересно. Из его объяснений я ничего не поняла.

— Юнкер Вильянуэва Асанте, позвольте расставить точки над «и». Ваши ужимки работают на неудовлетворенных юношей вроде Карла и стариков в маразме, как покойный дон Норьего. Но для меня вы всего лишь капризная девчонка. Изобретательная капризная девчонка, вырвавшаяся из-под контроля отца. Вероятно, в детстве вас мало пороли!

Асанте скривила обиженную гримасу и отпрянула от меня. Она подошла к открытому окну.

— О, нет, Петер…

— Много пороли? — Я удивленно приподнял бровь.

— Мой папенька и старший брат прекрасно знали, как можно сделать больно, прибегая только к словам… — хм, мне показалось или в уголках ее глаз застыли слезы? Что же, в этом было своя логика, если бы в семье было все хорошо, разве бежала бы она из роскоши и уюта отчего дома? Но когда заканчивается четвертый десяток твоей жизни, женские слезы уже не оказывают на тебя того же волшебного влияния, что раньше.

— Но это не меняет того, что вы моя подчиненная. И другие отношения с вами, госпожа бывшая аферистка и мошенница, мне не интересны. Таких, как вы, я достаточно повидал на своем веку.

В оставшуюся приоткрытой дверь зашла Орели с подносом, на котором стояла кружка полная травяного отвара. Она, молча, поставила поднос на столик рядом с окном и вопросительно посмотрела на меня.

— Я что же для вас, хуже, чем это животное? — Асанте показала на Орели пальцем. — Я уже наслушалась про вас от Карла и жандармов!

Ответить я не успел. В открытое окно влетел небольшой предмет и упал на столик рядом с кружкой. Асанте схватила его. Это оказался брусок светлого воска с красными разводами размерами примерно с кусок мыла.

— Eihandgranate… — Начала читать Асанте надпись на староимперском. Но это было абсолютно лишним. Я прекрасно знал, что это за кусок воска, смешанного с кровью выверны. Наступательная граната образца 3939 года от возрождения. Роты пращников-панцергренадеров на поле боле боя вполне могли посоперничать с магиерваффе[4]. В свое время я списал, а потом продал несколько тысяч штук этого добра…

— Брось!!! — заорал я со всей дури, одновременно ища куда спрятаться.

— Что? — Асанте подняла на меня непонимающий взгляд.

Нас всех спасла Орели. Услышав мой вопль, она не думала и не рефлексировала. Бистаа со всей силы ударила по руке Асанте подносом и выбила проклятый предмет. Граната улетела обратно в окно.

— Ах ты тварь! — Не понявшая что произошло, девушка залепила в ответ Орели пощёчину и оцарапала ей щеку своими ногтями.

— Суу'кали! — прошипела разозленная бистаа. В ее глазах начало играть зеленое пламя.

Но прежде чем началась драка, за окном раздался гром и треск разрядов молнии. Любопытная Асанте попыталась выглянуть в окно, но я уже был рядом и сбил ее с ног назад. И вовремя. Арбалетный болт, предназначавшийся девушке, впился в противоположную окну стену.

— Verdammte Scheisse! — прошептал я старый экзорцизм изгоняющий зло, лежа в обнимку с Асанте на полу. Похоже, от меня начали избавляться гораздо раньше, чем я на это рассчитывал!

Стараясь не показываться в окне, я поднялся на ноги и подошел к Орели, зажимавшей глубокий порез на своей щеке. В кое-то веки «большое исцеление Коха» получилось у меня с первого раза, и рана сразу закрылась.

— А, сейчас медленно по стеночке выходим из комнаты. Орели, поднимаешь жандармов, Асанте, буди Карла.

Через пару минут мы во всеоружии выскочили из дома, но нападавших уже и след простыл. На то, чтобы оседлать лошадей у нас ушло минут пять.

Орели держала след не хуже гончей. В ночной погоне есть что-то дико романтичное. Мы неслись по дороге вдогонку моим обидчикам, в темноте и неизвестности. Если бы у меня было время подумать, я бы однозначно засел бы в подвале усадьбы, позвав крепостных из окрестных деревень для охраны. Но сейчас мной двигал сумасшедший и иррациональный кураж. Своим охотничьим посохом я торопил коня, ожидая встречи с

незадачливыми убийцами.

Для того что бы догнать их нам понадобилось немного времени. Всего лишь через четверть часа мы встретились на опушке леса. Они, видимо, не ожидали, что мы будем преследовать их так настойчиво.

Та самая четвёрка и еще два каких-то оборванца. Мы замерли друг перед другом на расстоянии в полсотни метров.

Карл начал покрывать себя защитными чарами. Саблю окружил тусклый синий ореол заклинания «истинного удара». Лейтенант был, не смотря на свою скромность, докой в магии прорицания. Асанте положила стрелу на тетиву своего лука. На кончике плясало серое «астральное пламя», позволявшее стреле проникать через любые материальные препятствия. Похоже, циркачи научили ее не только безобидным фокусам. Навешия штурмовых посохов жандармов искрили от концентрированной силы. Мой маломощный звуковой посох и убогие магические навыки были бесполезны в этой битве. И я пропустил друзей вперед и остался рядом с Орели. Трус? Да. Но пара брошенных вовремя моих защитных заклятий могли сыграть большую роль, чем убогие магические стрелы.

Я чувствовал, как сила стекается в руки чужаков. Изморозь покрыла траву вокруг главаря. В руках карлицы появился зародыш огненного бича. Челюсти оборотня постепенно вытягивались, а из кистей вытянулись полуметровые когти. В воздухе перед гномом зависли таинственные светящиеся знаки. Силы, вложенные в эту магию, были несопоставимы с нашими, я понял это сразу.

На поляне на минуту застыло хрупкое равновесие. Каждый ждал первого хода и ошибки противника.

А потом в глазах Орели появилось зеленое пламя и в ноздри мне пахнуло серой. Перепончатые призрачные крылья появились за ее спиной, ужас заскребся в моей груди. И ни грана волшебства не было в этом. Ни магии смертных, ни эльфов, ни немертвых. Просто моя бистаа на несколько секунд стала собой, моим демоном-хранителем.

Ни Асанте, ни Карл, ни жандармы не почувствовали, что происходит за их спинами. В отличие от Гостей. О, тем достался полный заряд трансцендентного страха и безумия, которое виделось во взгляде Орели. И волшебники, способные стереть нас в порошок развернули коней и побежали. Асанте и жандармы дернулись было вслед за ними. Только Карл остался на месте. Он уже знал, на что способны эти ублюдки.

— Стоять! — Гаркнул я, и Орели сразу стала той хрупкой миниатюрной ушастой девочкой, к которой я привык. —

Возвращаемся!

— А? Почему? — В глазах Асанте играл охотничий азарт.

— Потому, юнкер! Это приказ.

Назад я возвращался полный раздумий. Орели, это раз. Что за силы подчиняются ей? Это явно не магия в привычном для меня виде. Что-то более примитивное и природное, как и у Гостей или демонов… Надо будет поговорить с оберквизитором Отто Кацем, но постараться не выдать свои мотивы. Демоны — демонами, но талант Орели был полезен. Во-вторых, если после всех перипетий, пришельцы пришли за мной, значит они где-то рядом. И соответственно похитители армейских амулетов тоже!

Когда мы вернулись, я определил жандармов в дозор, а сам вместе с Карлом, Орели и Асанте устроился в своей комнате. Я положил руку на голову бистаа, сидевшей у моих ног.

— Отвечая на ваш вопрос, Асанте, да, вы для меня хуже, чем Орели. Такой преданности в людях не бывает. Только в животных осталось столько чистоты. И в тиерменшен, видимо. Кстати, юнкер, вы ничего не хотите сказать Орели? — спросил я Асанте, прихлебывая давным-давно остывший отвар из кружки. Ее передернуло как от удара кнутом.

— О чем вы, Петер?

— Извинения, Асанте.

— Извини, — сказала она, смотря в потолок.

— Не от души, юнкер, постарайтесь, чтобы я поверил.

— Прости меня, бистаа, — глубоко вздохнув, сказала Асанте.

— Ее зовут Орели, юнкер. Рекомендую запомнить. И она сегодня спасла вам жизнь. — Возможно дважды, добавил я про себя.

— Готтердаммерунг, Орели, мне действительно жаль, что я ударила тебя!

— Спасибо, Асанте, — произнесла бистаа.

— А, теперь всем спать. Завтра мы едем в Брюгге. Густафу будет интересно услышать новости.

Интермедия

Я-Кверти набрал полную пригоршню холодной воды и плеснул себе в лицо, а потом посмотрелся в зеркало. Шел шестой час саммита, посвященного вступлению в должность президента Рене Коти. Я никак не мог дождаться, когда же начнётся неформальная часть. Как же мне надоели эти церемонии… Но выбора не было. Ни Жанна Арк-ан-Сьель, ни Рене, ни Коги, ни Вейки — никто из тех, с чьей помощью я стал богом, не был властен над собой в полной мере.

Как и я, они зависели от мнения и веры людей, своих обязанностей, протоколов. Поэтому у нас не было ни малейшей возможности просто взять и посидеть где-нибудь в кафе на побережье. Оставался только вариант с пафосным мероприятием, освещаемым на весь мир. И конечно на официальную часть этой встречи приходилось приглашать добрый десяток посторонних лиц, из империи Нидерле, Республики, Орочьего Раджистана, Хоббитона, гномийских владений и даже с Марса. Нельзя было никого обидеть и оставить за бортом, ибо это могло иметь Огромные Внешнеполитические ПоследствияТ.

Я пригладил влажной ладонью растрепавшиеся волосы. Потом сосредоточился и проиграл перед своим внутренним взором сцену преображения Орели. Красиво. Страшно. Непонятно. То что надо, чтобы приковать внимание зрителей к экранам. Ну и опять же удобно, не надо за Петером все время следить, чтобы он не умер.

Ладно, оборвал я свои мысли. Хватит бояться! Чему быть, того не миновать. Перед смертью не надышишься. За дверью уборной меня ждало еще около часа пафосных речей посвященных экономической интеграции, межпланетному сотрудничеству и урегулированию конфликтов. Это не пугало меня. Меня пугало другое. На саммит пришел гоблинский бодхисатва Татхагата, более известный, как Супта — Спящий.

Если он вылез из состояния нирваны и притащил сюда свою тощую зеленую задницу, обернутую полуистлевшим дхоти, то явно не для того, чтобы слушать политиков. О, нет! Даже если бы Терра и Мир начали обмениваться ядерными ударами, он не покинул бы свою уютную пещерку. Такова карма, сказал бы он…

Первый раз мы встретились через пару дней после того, как я обрел заново человеческое тело. Собственно, Татхагата пришел, чтобы развоплотить меня. Человеческая плоть, с его точки зрения мешала правильному восприятию. Она по определению обуреваема страстями и желаниями, что, в случае обладания

божественной мощью, мягко говоря, нежелательно. Его собственное тощее зеленое тело, увенчанное плешивой ушатой головой, видимо считалось верхом совершенства.

Знаете, пребывание в виде нематериальной субстанции, наверное, неплохо расширяет сознание. Проблема была только в том, что в моем случае всемогуществом и всеведением не пахло… Чтобы обрести силу мне нужна была хоть какая-то человеческая вера, а получить ее, не имея материального воплощения было затруднительно.

Тень мертвого бога, проводник душ Акер, тогда помог мне. А потом исчез почти на десять лет. Испугался. Нет, потом они с Суптой поладили. Татхагата больше не пытался отправить его в небытие, а Акер вычистил почти весь Мир от призраков и одиноких теней. Но если на тень гоблину было плевать по большому счету, то со мной он в кошки-мышки играть не собирался.

Я успел предложить ему сделку. Он оставляет меня в покое, а я живу как обычный смертный, не прибегая к божественным способностям, пока не очищу свою разум и все такое. Татхагата согласился. И напоследок он мягко напомнил мне, чем окончились мои предыдущие попытки остаться человеком. Словно я мог забыть тот несвершившийся конец света! После этих слов я три дня я сидел как кикимора в болоте, прежде чем решился показаться на люди. Я вышел из уборной и тут же столкнулся с ожидавшим меня коридоре гоблином.

— Ты готов к переходу?

— С чего бы это? — спросил я.

— Ты дал мне слово. Что ты будешь отрабатывать свою карму как смертный. И ты нарушил его.

— Когда это? Когда создал Мир-2?

— Нет, Кверти, эта игрушка меня не интересует. Я говорю про твои деяния под этими небесами!

Я непонимающе уставился на Супту. Гоблин вздохнул.

— Кверти, мы с тобой договорились, что ты не будешь прибегать к божественной силе, чтобы изменять Мир. «Если кто-либо хочет овладеть Миром и манипулирует им, того постигнет неудача. Ибо Мир — это священный сосуд, которым нельзя манипулировать. Если же кто хочет манипулировать им…

— … уничтожит его. Если кто хочет присвоить его, потеряет его», - закончил я цитату. — Принцип У-Вей, я помню. Но я и не прибегал к манипуляции. Я просто жил.

— Бог, ты лжешь мне. Ты коварен, гораздо коварнее своих предшественников. У меня ушло больше полувека, чтобы понять твою хитрость. Ты думаешь, я не вижу, что твои иконы-

телевизоры висят в каждом доме Терры, а теперь уже и Мира? Что почти у каждого землянина в кармане лежит твой образ-коммуникатор? Это так ты держишь слово не организовывать культ? Да, такая власть над душами людей, как у тебя, и не снилась старому пантеону! Они могли уничтожать страны. Это не касалось меня, потому что души умерших находили новые воплощения. Но твоя сила гораздо тоньше. Это слухи и новости. Анекдоты и юмор. Реалити-шоу и аналитические передачи. Так вот, играть с разумом и душой смертных я тебе больше не позволю! — гоблин больше не выглядел смиренным отшельником. Он злился, отягощая свою карму. Что же, мой план, кажется, раскололи.

— Татхагата. Это не божественные силы. Это масс-медиа. То, что делаю я, может сделать любой смертный. И знаешь, что, — я присел на колено, чтобы заглянуть гоблину в глаза, — Представь, если это буду не я, а кто-то посторонний? Краеугольный камень мироздания, который превратил меня в бога, все еще здесь и продолжает изменять реальность в соответствии с верой людей. Хотя даже без него, можно создать абсолютно иное человечество без всякой магии. Если я захочу, то не пройдет и пяти лет как в моду войдет каннибализм. Окно возможностей Овертона[5] — этому терранскому термину больше пятисот лет, но теория смещения границ приемлемого обществом работает как часы. Люди не изменились.

Так что лучше уж я буду заниматься цензурой и ограничением информационных потоков, чем кто-то другой. Ты недоволен тем, что у меня слишком сильное влияние на умы? Хочешь, я выделю тебе эфирное время, и ты сможешь наставлять на путь истинный столько, сколько тебе угодно.

— Это отговорки! Смотри, бог! Будь осторожен. Я смотрю за тобой. — Супта исчез.

Тоже мне «старший брат» нашелся. Но я понял, что успокоил его. Он, конечно, в чем-то прав в своих претензиях. Да я бы и сам бы с удовольствием путешествовал себе по обоим мирам, без каких-то серьезных целей. Собственно я этим и собирался заняться. Увы, не получилось.

Полвека назад астероид обещал уничтожить Землю, а запасы антиматерии были очень некстати израсходованы на открытие межмирового портала. Планету надо было спасать. И тогда от отчаяния мы с президентом Горбовским решили провернуть аферу с моей телерелигией. Мое вмешательство спасло Землю.

«Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: «перейди отсюда туда», и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас». Как выяснилось для того что бы сместить

ненамного орбиту астероида, нужно больше чем горчичное зерно… Но мы справились. На Луне появился гигантский ударный кратер, космического мусора на земной орбите сильно прибавилось. Вывод был сделан. И я продолжил руководство пропагандой. Предотвращал войны, стихийные бедствия и развлекал…

Краеугольный камень мироздания, с помощью которого я сотворил Мир-2. Тот самый артефакт древней клаконской расы, что менял реальность согласно вере людей, продолжал работать, и не использовать его возможности было просто преступно.

Я достал платок и вытер холодный пот со лба, потом поднялся с колен и отряхнул брюки. Самое страшное миновало.

Глава 3 В которой Шарль проповедует, фельдкурат Отто Кац дает урок теологии, а Хеби спит и видит сны

Густаф встретил меня в своем кабинете. На кресле в углу сидел грузный старик с окладистой бородой в красно-белой сутане инквизитора Замамы — ипостаси Мардука отвечавшей за рукопашную схватку.

— О, Петер, я смотрю, вы никак не расстанетесь со своей игрушкой! — гауптман кивнул на Орели и многозначительно подмигнул мне.

— Ну, что же вы Густаф! Благодаря вашим стараниям игрушки у меня теперь две. Вчера мы провели с дамами увлекательнейшую ночь, и я приехал к вам похвастаться! Карл, присутствовавший при наших развлечениях, написал вам рапорт во всех подробностях, — я не менее пошло улыбнулся ему в ответ, Густав поперхнулся и покраснел толи от ярости, толи от смущения.

— Сын мой, вы не хотите покаяться? — Спросил меня инквизитор. Он подался вперед, положил подбородок на сцепленные пальцы рук. Его взгляд начал наполнятся магией. Я понял, что шутку пора заканчивать.

— Прошу прощения, святой отец! — я поклонился инквизитору. — Мой юмор не очень уместен, простите меня.

— Меня зовут Отто Кац, я оберквизитор уезда Брюгге и по совместительству фельдкурат[6] местного гарнизона.

— Петер фон Краузе, — я церемонно поклонился, — Отец Отто, я давно хотел встретиться с вами, очень рад, что это мне удалось. Я думаю, Густаф уже рассказал вам мою историю?

— Да, Петер, я прочитал отчеты и уже изучил те образцы магии, что вы принесли с места пришествия.

— Тогда сейчас вы услышите продолжение.

Я вкратце изложил случившееся этой ночью. Гауптман с хищной улыбкой потирал руки.

— Петер, мне право жаль, что вы не мой сотрудник! Ваша информация очень сильно помогла расследованию. Карл, Асанте за мной на инструктаж. Я выделю вам артефакты из арсенала, и подберите себе людей в помощь. Герру Петеру потребуется защита лучше, чем сейчас.

— Благодарю за заботу, господин криминалькоммиссар! —

ответил я.

Гауптман удалился вместе с лейтенантом и Асанте. В кабинете остались только я, Орели, и отец-инквизитор. Идеально. Я как раз хотел поговорить с ним наедине.

Инквизиция, четвертая ветвь власти в рейхе, была одной из самых мощных структур обеспечивающей безопасность. Все инквизиторы были опытными магами, во многом способным дать сто очков вперед боевым волшебникам магиерваффе и психомантам тайной государственной полиции. Их методы расследования заставляли завистливо вздыхать офицеров охранки. Инквизиторам были даже разрешены пытки. Но занимались они только делами демонопоклонников, колдунами-некромантами, да ведьмами — адептками малефики и магии Тени. И ничем другим.

Был и еще один важный нюанс, почему инквизиция мало вмешивалась в дела государства, и почему служба в ней мало кого привлекала. Великий инквизитор подчинялся напрямую императору. Вдвоем они промывали мозги всем священникам, обеспечивая их неподкупность и потрясающую устойчивость соблазнам. А заодно стирая часть души. Конечно, их не превращали в бесчеловечные механизмы справедливости, как имперских судей-аудиторов, но многих желающих даже такая перспектива пугала.

Чтобы стать инквизитором приходилось калечить и тело — только строгими постами и регулярными тренировками и весьма болезненными ритуалами можно было получить устойчивость к демонической магии.

Последние годы дел у церковников, прибавилось. Его величество Гор провозгласил политику «культуркампф». Один народ, одна страна, одна вера. И инквизиции пришлось заняться несвойственной ей функцией — пропагандой. До восшествия кайзера Гора пятого на престол на территории Таира было с полсотни разных культов.

Исходя из каких соображений были выбраны Мардук и Иштар я не знаю. Возможно потому, что его величеству Гору понравились их имена? Готов допустить, что это было так.

Остальные боги были провозглашены всего на всего их ипостасями. Нинурта — Мардук земледелия; Замама — Мардук рукопашной схватки; Энлиль — Мардук власти и совета; Син — Мардук, светило ночи; Шамаш — Мардук справедливости; Адад — Мардук дождей. И множество других… Тоже случилось и с Иштар, теперь она стала богиней всего женского.

Я в богов не верю, ну кроме Создателя Энлиля — его существование это доказанный магический факт. Остальные же за

семьдесят лет войны с нежитью, демонами и темными эльфами никак не проявили себя. Да и магические силы инквизиторов берутся из тех же самых зарядных станций, что и кухарок.

Но, как известно, ложь, повторенная тысячу раз, становится правдой. Чернь с радостью заглотила новшество единой религии. Еще бы, благодаря ей церковные подати упали почти на треть.

— Отче, у меня есть несколько вопросов, вы позволите? — спросил я, усаживаясь в кресле. Орели встала за спинкой.

— Конечно, Петер. Приятно видеть, что вы хорошо заботитесь о дочери Мэрэна.

— Ого, господин криминалькоммиссар рассказал вам даже такие подробности?

— Нет, Петер, мы уже давно знакомы. Неужели вы думаете, что хоть одно отродье преисподней может ходить по земле вверенного мне уезда без моего ведома?

— Эээ… так это вы во время эпидемии были в той деревне?

— Да, сын мой.

— Говоря начистоту, эта история меня удивила!

— Наше дело не только поступать согласно законам, но и предугадывать волю богов и кайзера, — смиренно ответил Отто. — Вы же видите, что его величество недавно разрешил тиерменшен проживать в нашем рейхе, а я уже тогда был уверен в его доброй воле. А заодно этот эпизод божественного прозрения спас от смерти многих крестьян. Даже порождения демонов могут быть инструментами добра, благодаря свободе воли! Возможно, когда-нибудь благосклонный взгляд императора коснется орков и темных эльфов… Что ты хотел узнать от меня?

Я видел, что Отто Кац врет и не краснеет. Но с другой стороны, как человек я прекрасно понимал его. Ха, церковник, поступающий по совести, это действительно чудо из чудес. Между тем оберквизитор продолжил.

— Отец Отто, для начала я хотел поговорить с вами про тот феномен в лесу.

— Да, Петер, я понимаю ваш интерес, но сын мой, прежде, чем мы начнем беседу, я должен исполнить формальности. Поклоняешься ли ты демонам? — задал вопрос Отто, и я почувствовал легкий укол магии.

— Нет, отче.

— Веришь ли ты в Мардука и Иштар?

— Нет, отче. У меня как-никак есть высшее магическое образование, — улыбнулся я.

— Я рад за тебя, сын мой. Значит, ты сможешь принять мои ответы без предубеждения. Точно я смогу ответить тебе позже, когда вместе с губернским епископом посетим то место лично. Но

скорее всего мы имеем дело с чудом божьим.

— Мардук?

— Нет, его же не существует.

— Что?! — Нет, я знал это теоретически и был готов получить в ответ кучу религиозных бредней, но услышать такое из уст инквизитора…

— Сын мой, в нашем мире был только один бог. Создатель Энлиль, повелитель Бури, хозяин крылатого льва Нам-уд-галь. Воплощение абсолютного зла и ночи. И это он оставил тот след в лесу. — В моей голове все смешалось. Да как же так! Инквизиция проповедует одно, а верит в абсолютно другое? — Вы в замешательстве, Петер? Вы умны и то, что я расскажу вам не секрет и не тайна. Это правда, в которую никто кроме нас, служителей церкви не верит. Хотя слышали или читали многие. Петер, забудьте святое писание, хотя я уже понял, что вы его не очень-то и помнили.

Я кивнул в ответ, и Отто продолжил.

— Давным-давно Энлиль создал наш мир. Мы не знаем, как ему удалось сотворить небо и землю, как он зажигал звезды и поместил луну на небо. Одно несомненно, в момент сотворения он был преисполнен злобы. — Я с широко открытыми от удивления глазами внимал святому отцу. В этот момент в другой вселенной один неудачливый демиург, услышав эту фразу, чуть не подавился оливкой во время фуршета. — Я вижу удивление и недоверие на вашем лице, Петер, но тому, что я говорю, есть бесспорные магические доказательства. Остаточные магические волны после акта творения не угасли до сих пор, и их спектр совпадает с тем, что вы принесли с места появления ваших Гостей. Или Вестников, как я назвал бы их.

— Меня удивляет не то, что вы говорите о приходе посланцев Энлиля, но то, что вы так уверены в его злобе и то, что мы поклоняемся не ему, а выдуманному Мардуку!

— Петер, ну посудите сами, если бы он был преисполнен добра, то разве бы создал он этот мир, полный болезней и бедствий? Разве создал бы он человека таким несовершенным? Кто как не Создатель Энлиль заронил в наши души постоянное стремление к злу? Разве если бы он желал нам счастья, то дал бы нам свободу воли, ведущую нас к ошибкам и совесть, заставляющую нас переживать за последствия своих дел?

Демоны многократно счастливей нас, мой мальчик. Их души гармоничны, наполнены гневом, ненавистью и вожделением. Они чисты в своих стремлениях. И только в душах смертных тьма бьется со светом, доставляя нам муки выбора.

Ты помнишь, сын мой, почему наша эпоха называется эрой

возрождения? Приход Ню-раа четыре тысячи лет назад тоже случился по Его воле. Нин-ни[7] Инанна и верные ей лугали[8] Урума, Киша и Гирсу изгнали разрушительницу тогда, не гнушаясь помощью преисподней.

— Отто, вы пугаете меня. Если вы говорите, что Ню-раа была посланницей Энлиля, то что же нам делать с этой четверкой Вестников?

— Это будет решать Синод.

— Спасибо, отец, вы ответили на мой вопрос, но не могу сказать, что успокоили. Теперь я понимаю, почему вы используете веру в Мардука и Иштар, лучше верить в ложь, чем поклоняться такому богу, как Создатель. В самом деле, даже владыка адского легиона Бетрезен мне после ваших слов милее, чем Энлиль!

— Но-но, Петер, это уже на грани ереси! Но именно поэтому инквизиция и использует наш культ. Так гораздо удобней растить достойных дворян и трудолюбивых холопов, — ухмыльнулся Отто. — Сын мой, ты говорил, что у тебя два вопроса.

— Отче, другой касался Орели, она уже второй раз обращает в бегство моих врагов, вызывая какой-то фантом. Вот подробное описание, — я протянул ему конверт, — Но, я так понял, вы уже проверяли ее на демоническое присутствие.

— Некоторым бистаа их кровь позволяет использовать слабые заклятья инстинктивно. Не бойтесь этого, Петер. Я подумаю на досуге над вашим сообщением. А сейчас мне надо подготовиться к отъезду. Последние новости я предпочту передать епископу лично. Иначе, боюсь, он проигнорирует мое письмо.

* * *

Ингрид подошла ко мне с сочувственным выражением на лице.

— Кверти, что с тобой? Голова болит?

Я распрямился и убрал руки от лица. Погружение в реальность Мир-2 требовало концентрации. Я не мог заставить оторваться себя от разговора с инквизитором.

— Нет, Ин, все хорошо, просто уборщица моя, Нюра опять накосячила. Я же столько раз просил ее не прикасаться ни к чему на моем столе… То-то она в последнее время мне на глаза боялась попадаться.

— Что-то важное испортила?

— Чуть не уничтожила мир, как сейчас выяснилось.

Ингрид рассмеялась моей, как она думала, шутке…

* * *

Густаф вернулся через полчаса. После недолгого разговора мы с ним попрощались. Он отправился проводить оперативно-розыскные мероприятия на том месте, где мы ночью прекратили преследование. Гауптман обещал поделиться потом со мной результатами, а пока озадачил меня свежайшей информацией, что за мою голову кто-то назначил награду. Он недвусмысленно намекнул, что заниматься еще и этим расследованием ему не с руки. Я не обиделся, с этой угрозой я, пожалуй, справлюсь и сам.

Если честно, в каком-то смысле мне польстило, что мою жизнь оценили в тысячу золотых. Информатор подслушал эту новость в какой-то мелкой придорожной корчме во время разговора двух пьяниц, и первоисточника не знал.

Орели, понуро опустив уши, стояла рядом.

— Вы не доверяете мне, хозяин? — осмелилась спросить она, смотря себе под ноги.

— Орели, я не доверяю почти никому. Если тебе это польстит, то могу сказать, что на тебя я готов положиться, — я провел рукой по ее волосам. Животные любят ласку, и отвечают на нее преданностью. Главное не избаловать. Бистаа сощурилась от удовольствия.

В углу двора стоял мрачный молчаливый тип с лицом еще юным, но уже покрытым шрамами. Он был одет в старую армейскую форму со следами споротых нашивок, видавшую виды кирасу и пикельхельм. Парень смачно сплюнул, глядя на нас. Действительно, со стороны можно было подумать, что я испытываю к Орели какие-то чувства. За его спиной болтался здоровенный двуручник, а на поясе висел короткий прямой меч с корзинчатой гардой для ближнего боя.

Моего нового телохранителя звали Вильям де Фризз, сказал мне Густаф. Как Асанте и Карл, он был из ДД. Фамилия мне казалась смутно знакомой. Надо будет расспросить его подробней, когда мы вернемся в поместье, решил я.

Стуча копытами по булыжникам мостовой, небольшой отряд жандармов выехал из двора управления. Мда, у криминалькоммиссара явно не хватало людей на поиски, после той бойни в моем поместье. А подкрепление из столицы провинции, Фридрихсбурга, раньше, чем через неделю не прибудет. Скрипя сердцем, Густаф смог выделить только этого одного мечника, чтобы усилить мою охрану. Впрочем, гауптман уверял, что парень отличный боевой маг.

Из дверей арсенала показался Карл и Асанте. Я с удовлетворением увидел подмышкой лейтенанта пяток

стрелковых посохов и пригоршню защитных талисманов в руках Асанте. Пожилой интендант семенил за ними со свертком зачарованной брони.

Возвращаться в поместье не хотелось. Что мне было там делать? Ждать, когда придет следующий охотник за моей шкурой или вернутся посланники Энлиля? Не факт, что в следующий раз способностей Орели хватит, чтобы их отпугнуть, к тому же у меня возникла одна идея.

— Асанте, скажите, вы умеете менять лицо и втираться в доверие?

— Петер, вы сейчас пытаетесь меня обидеть? Конечно же, нет! Если я меняюсь, то меняюсь вся, — хихикнула Асанте, через секунду передо мной стояла старуха в рванье. Я восхитился качеству наведенного морока. Хотя поддерживать такую иллюзию долго никакой маны не хватит…

— Вижу, отлично. Тогда слушайте приказ, юнкер. Мы пока расположимся в Брюгге. Ваша цель найти заказчика моего убийства.

* * *

— … На каждом шагу в самом демократическом дворянском государстве встречают угнетенные массы вопиющее противоречие между формальным равенством, которое аристократия и капиталисты провозглашают, и тысячами фактических ограничений и ухищрений, делающих пролетариев рабами. Именно это противоречие раскрывает глаза нам на гнилость, лживость, лицемерие капитализма и монархии! — Шарль забрался на телегу и вещал перед толпой собравшихся крестьян одной из пограничных с герцогством Виттельбах деревень.

Холопы делали вид, что слушают. На юродивых посмотреть всегда интересно. Обычно они милостыню просят, а этот еще и сам деньги раздавал.

Линг молчаливо полировал свой керамический меч. Гномы прекрасно знали, что равенства не существует. Карма у всех разная. Да и разве сможет кто-нибудь из подгорного племени сравниться в своей мудрости с вечным владыкой лунного престола Юэ Ту? Но у людей свои причуды…

Хеби дремала в тени под деревом. После встречи ночью с этой чудовищной ушастой девчонкой она так и не смогла заснуть до рассвета. А ведь она предупреждала, друзей о том, что лучше не лезть к этому Петеру Краузе. Но Шарля, до этого всегда утверждавшего, что террор не есть метод революции, заедало их

поражение в той драке. И он охотно поддался уговорам Ерса и Йохана, напасть на усадьбу барона еще раз. Мико пыталась отговорить его. И даже проводила исторические параллели с народовольцами, действовавшими во время отмены крепостного права в Евразийском союзе, который тогда назвался Российской Империей, но тщетно. Василий же с равнодушным видом играл на своем коммуникаторе в очередную игру.

— О чем он говорит-то? — переспросила глухая бабка у кузнеца.

— Да кто же, его полоумного знает! — Кузнец пожал плечами, — Но бойко говорит, заслушаешься! Прям хочется молот и серп в руки взять и ыххх… — слов кузнецу не хватило, и он жестом показал, как бьет воображаемым молотом по голове врага.

Василий с глухим стоном спрятал коммуникатор в карман. Пятидесятая попытка убить босса в одиночку провалилась. А интернета, чтобы получить помощь других игроков, так и не появилось. Он залез на телегу к Шарлю и встал рядом.

— … Для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует; это обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата.

А в чём состоит эта классовая борьба? Это — кайзера свергнуть, дворян свергнуть, уничтожить класс капиталистов, — продолжал распинаться Шарль. Среди крестьян поднялся недовольный шепот.

— Ты его величество не трогай! А то на вилы поднимем! — Вмешался староста.

— Короче, — гаркнул друид, — вам бароны эти нужны? Сидят себе в столице и жируют за ваш счет.

— Нееет! — прогудела толпа.

— Торгашей, что ваш урожай задешево выкупают, а потом втридорога продают, вешать будем? — полувопросительно сказал Василий.

— Дааа! — оживились крестьяне.

— А, ростовщиков?

— Дааа!! — еще стройней прокричали холопы.

— Кайзера?

Крестьяне притихли. Староста, как самый умный выступил вперед.

— Кайзер, он же за нас кровь свою проливал, не знает он просто, как народ страдает!

— Добро. Так, стало быть, сейчас нахлебников порежем, а потом на столицу двинемся, расскажем Гору вашему, как вас притесняют! Через пару недель вернемся, деньжат еще подкинем,

кто хочет — с нами пойдет.

— Вот это дело! — прокричал кузнец, и остальные селяне к нему присоединились.

Василий похлопал ошеломленного Шарля по плечу и шепнул на ухо.

— С быдлом на его языке говорить надо.

Эрих с Адлером, до этого следившие за происходящим из-за кустов, наконец, решились показаться. Маг был спокоен и безразличен, а вот атамана происходящее поразило. Похоже, эта компания, не смотря на некоторую неадекватность, достигла значительных успехов.

— Привет, — крикнул бандит и помахал рукой, — Разговор есть.

Шарль ответил на приветствие, слез с телеги и направился к Эриху. Староста, узнавший грозу окрестных дорог и лесов, низко поклонился. Ерс и Йохан болезненно скривились. Они знали, что за самовольство им попадет.

— Не хотите в горницу пройти? — предложил староста, и Эрих благодарно кивнул.

Атаман внимательно выслушал сначала гордый рассказ Шарля, сколько деревень готовы на восстание, а затем с растущим недовольством краткий отчет Йохана о неудачном покушении.

Ситуация с точки зрения Эриха была хуже некуда. Мало того, что Краузе теперь будет настороже, так он еще наверняка опознал «Попаданцев» и сейчас уже спешит в Брюгге, к этому мерзкому типу — Густафу Шрейбе. Характерная манера волшебства, наверняка позволила установить связь между нападением на усадьбу Краузе и ограблением фургона налоговой полиции. А если учесть, что с этими проповедями наследил Шарль по полной, то скоро на хвосте его банды будут висеть все жандармы и тайная полиция уезда, а то и губернии.

— Значит так. Сейчас по коням, быстро в логово, там пару часов на сборы и выступаем на север. К завтра к полуночи должны пересечь границу герцогства. Тогда мы уйдем от преследования.

— И что изменится после пересечения границы? — спросил Василий.

— Ю-рис-дик-ция. — По слогам выговорил мудрёное слово Эрих. — Здесь жандармы подчиняться императорскому губернатору, а там — герцогу. Поверь, оборотень, это для нас большая разница!

— Ни как у вас крыша там, среди властей есть? — ухмыльнулась Хеби.

Эрих в ответ на ее вопрос болезненно скривился, он не ожидал такой догадливости. Но ответил:

— Да, мелкая, есть.

Остаток дня и ночь они провели в пути. Никто не был рад вынужденному переселению, но выбора не было. Бандиты путали следы, как могли. Один раз даже воспользовались заклинанием массовой телепортации с поляны, давным-давно подготовленной на случай подобного бегства.

Остановились они поздним вечером следующего дня на заброшенном хуторе в середине леса. Все кроме Эриха и Адлера повалились спать без сил. Но атаману предстоял важный разговор Майнардом Виттельбахом, которого он боялся до глубины души.

В компании со своим магом он отошел подальше в лес, где его не могли подслушать, и разбил одноразовый кристалл связи.

— Что тебе, тварь? — в воздухе перед Эрихом появилось изображение заспанной физиономии герцога. Атаман судорожно сглотнул слюну и начал рассказывать про случившиеся за последние три дня события. Но только он успел упомянуть про неудачное покушение на Краузе, как Майнард зашипел рассерженной змеей.

— Завтра к закату, чтобы был в моей летней резиденции. Эти двух дебилов с собой возьми. И попаданцев. Я сам с ними пообщаюсь. Сколько раз я должен говорить, что все действия вы должны согласовывать со мной!

Связь прервалась. Адлер успокаивающе похлопал Эрих по плечу.

— Не парься ты, раз тебя сейчас прямо не прибил проклятьем, значит, нужен ты ему. Оторвется на Ерсе и Йохане, может этих придурошных пришибет со злости…

— Да вот не факт, что у него получится с ними справиться… — Задумчиво произнес Эрих.

На следующий день Атаману с попаданцами пришлось целый день трястись по проселкам, добираясь до поместья герцога.

Шарля с компанией устроили в гостиной. Ерса и Йохана пригласил на кухню один из телохранителей герцога. Бандиты с шутками пошли вслед за ним, думая, что им надо помочь принести угощение. Атаман в мыслях уже похоронил их.

К счастью для Эриха, герцог и не собирался лезть в драку с Шарлем. Майнард встретил атамана в неожиданно благостном расположении духа. В руке его светлость держал бокал с вином, второй стоял на столике перед Эрихом. За спиной герцога чуть в стороне стоял оберст Карл Либкнехт — один из высших офицеров личной гвардии Майнарда.

— Эрих, я тщательно изучил доносы своих шпионов сегодня и

хочу сказать, что твои маги — это просто находка. Тот бред про власть крестьян, равноправие, и прочую ерунду… Поверь, в перспективе учение Шарля могло бы нанести больше вреда этому ублюдку Гору чем все темные колдуны и демонопоклонники вместе взятые.

Если бы у меня было больше времени, то я уверен, они бы уничтожили империю и без моего вмешательства. Но времени у меня как раз и нет. Проклятые офицеры ДД докопались до моего секрета. Уйти им не удалось, но за ними придут другие. Да и переброска магов, маны и артефактов к моим южным границам неспроста кайзером затеяна, — Майнард прихлебнул из бокала. В висках атамана стучала кровь. Откровенность герцога пугала его. Старый прагматик Эрих чувствовал, что сейчас герцог заставит его залезть в очередную задницу. И интуиция не обманула его. — Значит так, Эрих, займешься организацией «народного» мятежа. Ты мужичье в Фридрихсланде знаешь. К кому как подойти тоже. Мне нужно, чтобы через месяц максимум полыхнуло так, чтобы туда войска со всей империи собрались! Деньги раздавай, но умеренно. Старостам. Подпаивай смердов. А потом как определишься с сотниками пойдете на Фридрихсбург.

— Ваша светлость, но какими силами? Крестьяне много не навоюют! Да даже если я пару тысяч смогу собрать, деньги-то есть, то мы в арсеналы прорваться не можем. Там же маги армейские!

— А тебе, Эрих, этим заниматься не придется. Твое дело несколько погромов усадьб, можно окраины Брюгге пожечь, этих своих води по деревням, пусть проповедуют. Веселись, как можешь. Главное, чтобы шума было много. Реальными боевыми действиями займется под это дело моя гвардия.

— Не бойся, один губернскую столицу штурмовать не будешь. С теми гостинцами, что ты привез мне в прошлый раз, — усмехнулся Карл, — ты мне со своим отрепьем только для прикрытия нужен будешь. Чтобы таирцы не сразу на нас подумали.

Эрих залпом допил бокал. От сердца немного отлегло. Начинается большая игра, но, по крайней мере, Майнард не собирается посылать его на убой.

— Будет исполнено, ваша светлость.

— Зови Шарля, хочу посмотреть на него.

К этому разговору Шарль готовился долго. Эрих говорил о Майнарде Виттельбахе как о рачительном хозяине и добром повелителе, однако никаких иллюзий маг не испытывал. Герцог был порождением прогнившей до корня монархической системы Таирского рейха, а это значило, что он годился только для

временного союза. Не более.

В кабинет они вошли все вместе, вчетвером. Телохранители Майнарда было дернулись на встречу, но герцог жестом их остановил.

— Здравствуйте, мсье Виттельбах, — произнес рослый, стриженный наголо плечистый парень, одетый в костюм расцветкой, напоминающей маскировочные плащи эльфийской лесной стражи. Поверх была надета обтянутая такой же тканью куцая кираса и безрукавка с множеством карманов, притороченных сумочек, и кошелей. Рядом стоял также обряженный тощий рыжеволосый юнец. Гном в легком доспехе непривычной формы из какого-то матового, похожего на кость, материала встал в углу.

Не спрашивая разрешения, маленькая хоббитка в белом халате и красной юбке уселась в кресло у окна и плесканула себе бренди двадцатилетней выдержки из стоявшей рядом бутыли. Майнард скрипнул зубами, но ничего не сказал.

Оружия у них видно не было. Это было непривычно. Но вспышку ярости от наглости визитеров подавило чувство того, что магией от пришельцев разило сильнее, чем от столичного военного манахранилища.

— Здравствуйте, гости, — протянутую руку он пожимать не стал. — Эрих рассказал мне, что вы хотите свергнуть деспота, воцарившегося на Таирском троне.

— Да. И установить народную власть! — за спиной Шарля рыжий оборотень горестно вздохнул.

— Я готов помочь вам. Людьми, оружием и данными разведки.

— Но какой вам в этом интерес вам? Я не верю в такую благотворительность со стороны представителя класса эксплуататоров. — Ответил рыжий.

Несколько простеньких заклинаний гипноза и убеждения просто растворились в окружающем мощном магическом фоне. Похоже, эти фанатики не столь уж глупы, отметил Майнард. Герцог ответил почти честно.

— Я давно хотел начать борьбу за независимость своей страны, и сейчас с вашей помощью я смогу добиться успеха, — слова герцога звучали как лесть, но ей не являлись. Он, один из сильнейших магов рейха, уступавший лишь кайзеру Гору, да может еще нескольким из высших чинов магиерваффе, уже начал отдавать отчет, что в открытой схватке с командой Шарля он проиграл бы.

Между тем герцог почти закончил заклинание чтения мыслей. Вдруг он заметил, как гном многозначительно качает

головой, пристально глядя ему в глаза. Перед гномом разгорались загадочные, незнакомые герцогу руны 反射 (Fǎnshè — отражение). Герцог сразу отменил заклинание. Искушать судьбу не хотелось.

— Что же, наше движение должно идти во временном союзе с буржуазией и аристократией угнетенных и отсталых стран, но не сливаться с ней и, безусловно, охранять самостоятельность пролетарского движения даже в самой зачаточной его форме.

— Он хочет сказать, что помощь мы, безусловно, примем, но действовать будем самостоятельно. — Перевел на человеческий язык оборотень Василий. Майнард еще раз скрипнул зубами от наглости этого заявления.

— Делайте все, что хотите, но моя поддержка должна остаться тайной как можно дольше!

— Да мы же не совсем тупые, Майнард. — фыркнула из кресла Хеби. — Не бойся. Не запалим. Ты нам главное карты дай. Где арсеналы, где гарнизоны. А дальше мы разберемся. Что из себя ваши боевые маги представляют, мы уже поняли.

— Будет, все у вас будет… — прошипел герцог с трудом подавлявший ярость. Эрих видел наливающиеся кровью глаза своего повелителя и поспешил вмешаться.

— Ну, мы пойдем, ваше сиятельство! Соберем все необходимое, поедим. Мне с господином оберстом Либкнехтом надо будет подробности обговорить…

— Идите! — почти рявкнул герцог. — Все!

Хеби подхватила початую бутыль с бренди и вместе с товарищами, атаманом и телохранителями вышла. Как только дверь в кабинет захлопнулась, Майнард Виттельбах схватил со стола редкие механические часы, работавшие без малейшей доли волшебства, и с размаху кинул их в стену.

— Быдло! Ублюдки! — прорычал он.

Сжимая и разжимая кулаки, он сел обратно в кресло. Ощущение собственной слабости бесило его. Он еще мог стерпеть свое бессилие перед лицом кайзера. Тот, по крайней мере, всегда вел себя достойно. Но как эта голь перекатная смеет сидеть в его присутствии, пить его вино! Да еще нагло говорить без его разрешения! Твари! Ладно. На вечер у него есть развлечение… Уж он постарается, чтобы жертвоприношение Ерса и Йохана принесло удовольствие не только Владыке адского легиона, но и ему самому.

Пару минут Майнард предавался кровавым фантазиям и почти успокоился. На самом деле все шло даже лучше, чем он планировал.

Герцог давно хотел начать открытую борьбу за

независимость. Но ему мешало множество причин. Контроль разведки и малочисленность собственной гвардии герцога были далеко не самыми важными. Эльфийское королевство было уже давно обеспокоено набирающей размах колониальной кампанией Таира и его эмиссары весьма недвусмысленно обещали Майнарду помощь. В том же были заинтересованы некоторые приграничные кланы гномов.

Оставался самый главный вопрос — мана. Она была кровью войны. Да и всей цивилизации. Разве без заклинания охлаждения можно выковать хороший клинок? В самом деле, не опускать же сталь в холодную воду для закалки! Даже крестьяне знали простейшие заговоры для огородов, что бы отпугнуть вредителей.

Без маны мятеж был обречен. А кайзер крепко держал герцогство за горло путем контроля поставок. Эльфы не горели желанием делиться. Да и провезти необходимые количества волшебной силы на территорию кайзеррейха нелегально было просто невозможно. Соседние гномийские кланы помочь не могли тоже. У гномов своих источников почти не было. Да и подгорное племя издавна больше полагалось на технологии и паровые машины, чем на волшебство.

Все изменилось несколько лет назад, когда рабочие в одной из шахт наткнулись на уникальное месторождение сланцевой маны. Они очень быстро погибли. Кто сразу от воздействия дикой магии, другие от рук гвардейцев герцога, дабы их болтливые языки не растрепали об этом открытии. А верные Майнарду волшебники принялись за разработку месторождения. Именно в тот день для герцога мятеж превратился из теоритической возможности во вполне реалистический сценарий.

А затем в центре месторождения обнаружили древний город, легендарный Ниппур, столицу павшего под натиском дроу и орков царства Ки-ури. В центре города стоял портал в Преисподнюю, тот самый, через который богоравная черная колдунья Инанна привела в мир будущего владыку адского легиона Бетрезена.

«Инанна иним-ген-на на-и-пад»- «Я, Инанна, верное решение приняла» было начертано на вершине арки из обсидиана древней клинописью. Имя великой волшебницы, победительницы разрушительницы Ню-Раа. «Бетрезен лугаль-ки-кибаль дингир-са ки-э у-ими-зиг». «Бетрезен, владыка всех стран подземных, богоравный, на землю ступи!» гласили знаки ниже. «ур-саг-уг-га имеш-а-акеш» — с трудом читалась последняя частично сколотая строка. «По причине того, что все мои герои мертвы…».

И вот тогда Майнард понял, что у него есть все для победы.

Деньги гномов. Их банкиры уже рассчитывали, кому и под

какие проценты они будут выдавать кредиты на военные нужды и восстановление страны. До каких высот им поднять цены на оружие и артефакты. Им было все равно кто победит. В накладе они бы не остались.

Поддержка эльфов, у которых, как известно во всем мире, отсутствует совесть в политике. Длинноухие ханжи были знатоками искусства прятать свои преступления за фасадом приличия. Так они поступали веками, и это настолько стало частью их натуры, что они сами больше не замечали этой черты. Они действовали с таким благонравным выражением и такой абсолютной серьёзностью, что убеждали даже самих себя, что они служат примером политической невинности. Они не признались себе в своём лицемерии. Они не только вели себя как образец чистоты и непорочности — они себе верили. Это было и смешно, и опасно.

У него было волшебство. Не очень много, но достаточно, чтобы продержаться до помощи эльфов и союзных кланов гномов. А теперь у него была дверь, за которой его ждала самая мощная армия из всех, какие он мог бы получить. Вопрос ключа за пять лет исследований был решен.

Единственным препятствием оставались силы рейхсвера, магиерваффе и сам великий маг — кайзер Гор. Но неделю назад его величество во главе с экспедиционным корпусом отбыл наводить порядок в одном из проснувшихся некрополей нежити в южных пустынях. Тут не обошлось без помощи темных эльфов, с которыми их светлые сородичи, хотя и находились в состоянии войны, однако поддерживали достаточно тесные связи. Инквизиция не справлялась с ситуацией, и пришлось вмешаться регулярной армии.

И Майнард начал действовать.

Банда Эриха была одной из многих подобных групп, которые герцог готовился использовать для диверсий и разведки перед началом военных действий. Он надеялся, отвлечь часть оставшихся на территории Таира войск на подавление бандитов, затем сковать их вторжением демонов, а самому двинуться на беззащитную столицу. Но крестьянский мятеж, да еще с такими волшебниками во главе окончательно развязывал ему руки. О южных границах беспокоиться больше не приходилось. Оставалась даже надежда обойтись без помощи преисподней. Герцог не был искушен в черной магии, и сомневался, сможет ли он удержать в узде порождений ада, несмотря на всю мощь доставшегося ему артефакта.

Майнард достал из ящика стола флягу с бренди отхлебнул, затем позвонил в колокольчик. Через полминуты вошел его

секретарь.

— У нас сейчас никаких праздников в державе не планируется?

— Нет, ваша светлость. Только через неделю день рождения вашей племянницы Катрины.

— Прекрасно. Набросай-ка, ты мне, Вильгельм, проект приказа об амнистии в честь этого знаменательного события. И заодно подготовь шифрованное письмо главе жандармерии герцогства. Пусть он под это дело возьмет несколько сотен отменных головорезов с каторги, доставит на границу с Фридрихсландом и выпустит там… — Майнард ухмыльнулся своей задумке. В самом деле. Эрих, несмотря на всю свою тупость прав. Крестьяне много не навоюют. От своих полей их далеко не утащишь.

Секретарь с поклоном удалился. Герцог отхлебнул еще бренди и закусил долькой лимона. Ему казалось, что он упустил какую-то важную деталь в рассказе Эриха. Какая-то мысль промелькнула у него, когда он пытался прощупать ментальной магией Шарля.

Майнард поднялся, подошел к одной из стенных панелей и активировал магический замок. Он спустился по винтовой лестнице в подземелья, в маленькой комнате одел широкий кожаный фартук и перчатки. А затем по запутанным коридорам добрался до помещения, где был установлен портал в преисподнюю. В арке проскакивали редкие красные искры. Она была окружена тремя гескаграммами.

На каменных алтарях в центре огромной залы его уже ждали распятые Ерс и Йохан. В просвете портала из красных огоньков сформировалась полупрозрачная морда рогатого рептилоида.

— Я уже заждался тебя, смертный! Когда же ты откроешь моим воинам дверь? Я жажду насладится разрушением! — Бандиты в ужасе замычали, когда увидели демона.

— Скоро, Владыка, скоро. Пока насладись этим даром. — Майнард достал из ножен покрытый патиной бронзовый кинжал и приступил к делу.

* * *

Шарлю опять плохо спалось ночью. Ему снилась та хвостатая девчонка. На этот раз, правда, она не пыталась его убить. Вместо этого уперев свои кулачки в бока, она ругала трехметрового демона с мордой ящерицы, покрытого красной чешуей. Тот понуро слушал, безвольно свесив крылья и поджав хвост.

Линг вместо сна посвятил ночь пятичасовой медитации, а перед рассветом достал из рюкзака стило, планшет и начал выводить руны на сенсорном экране. Муза наконец-то посетила его. Он начал очередную поэму.

Василий, когда почувствовал приближающийся кошмар, инстинктивно снизил концентрацию адреналина в мозге, увеличил продукцию глицина и гамма-аминомасляной кислоты и провалился в фазу глубокого медленного сна. Видения, предрекавшие его смерть, прошли стороной.

А вот Хеби досталось по полной программе.

Она стояла на вершине зиккурата в центре Ниппура. Одинокая луна Мир-2 ярко светила с безоблачного неба. Холодные звезды безучастно глядели на нее и на кровавую битву, разворачивающуюся перед Хеби. Южная половина города пылала. Из северных кварталов доносились звуки боя — треск боевых заклинаний, крики раненых и рев орочьих воинов. Облака пыли поднимались там, где облаченные в устрашающие доспехи величественные штурмовые огры сносили ударами своих дубин целые дома.

Некроманты-близнецы, Энанду и Энкиду, сумели объединиться с остатками адского легиона и сейчас повели свою нежить и демонов в контратаку против провавшихся в столицу Ки-ури[9]. Но темные эльфы и орки, ведомые разрушительницей, уже чувствовали близкий вкус победы.

Четыре темные эльфийки, ведьмы Ню-Раа, верхом на священных метлах пролетели над городом, с гулом рассекая воздух. Заметив врагов, они начали пикировать, выпуская один за другим огни Нурса и Нара. Полоса взрывов пересекла север города. Стайка полупрозрачных призрачных нетопырей взлетела им навстречу. Только одна из волшебниц сумела увернуться. Привидения облепили остальных трех подруг и начали рвать на части живьем.

— Смотри, госпожа Инанна, а Гильгамеш Многоповидавший еще жив, — произнес грубый, хриплый мужской голос за спиной Хеби

— В моем разрушенном, затопленном городе, в моем разрушенном Ниппуре, покрытом водой, — пропела мелодично женщина слова древней баллады. Хеби отвлеклась от созерцания штурма и обернулась. Песня продолжалась. — Стар и млад в неистовство впали, в Ниппуре стар и млад в неистовство впали…

На террасе перед полуразрушенным храмом на вершине пирамиды стояли двое. Крупный мужчина, с кожей, казавшейся красной в свете пожаров, густой бородой и козлиными рогами. Одет он был в короткую юбку и высокую шапку в виде усечённого

конуса. В руке у него было копье с широким листовидным наконечником из бронзы. За его спиной мерцала и переливалась алыми искрами обсидиановая арка. Рядом стояла смуглая стройная женщина в длинном простом платье. Ее полузакрытые черные глаза, вдруг широко раскрылись.

— Она уже близко, Бетрезен.

Хеби скорее почувствовала вибрацию воздуха, чем услышала звук. На террасу опустилась Ню-Раа. Каменные плиты трескались от ее шагов, когда она направилась к Иннане и Бетрезену. Старое морщинистое лицо Разрушительницы выражало презрение и злобу. В левой руке она держала свою метлу, а в правой потрескивала магическими разрядами тряпица Саг-дуг. Ее расшитый золотом халат был покрыт подпалинами.

— Ну что, нечисть, добралась я до вас. Наконец-то я в этом поганом мирке порядок наведу!

Огонь сорвался с ладоней демона. Черные щупальца вылезли из трещин пола и потянулись к ногами ведьмы. Но взмах метлы рассеял пламя, а затем и разорвал нити тьмы, тянувшиеся к Ню-Раа. Разрушительница кинула в Бетрезена и Иннану тряпицей. В полете ткань разрасталась и разворачивалась, превращаясь в подобие сети. Защитные чары вспыхнули в воздухе, но не смогли остановить полет артефакта, созданного самим Энлилем, повелителем бури. Ткань оплела демона и черную колдунью. Плоть Бетрезена начала с дымом и вонью таять. Инанна изогнулась в конвульсиях от боли.

— Сейчас! — закричала она. Пространство в арке портала искривилось, метнулось навстречу ведьме. Она попыталась отмахнуться метлой, но удар в грудь опрокинул ее и протащил к краю террасы. От колоссального разряда магии высвободившегося при срабатывании ловушки город вздрогнул.

— Ах вы, твари! — Ню-Раа поднялась и попыталась взять в руки метлу. Ее пальцы прошли сквозь дерево. — Что?! Ну, так получите! — Она сделала какой-то жест, как будто стирала мусор со стола.

Фигура ведьмы становилась все прозрачнее и прозрачнее, растворяясь в воздухе. Волшебство демона и колдуньи выбросило Разрушительницу за пределы мира. После этого сеть сама спала с демона. Бережно он освободил потерявшую сознание Иннану. Внизу, в подземельях под зиккуратом, ее ждал молодой, прекрасно набальзамированный девичий труп, но дикая магия разорвала нити, связывавшие душу Иннаны с запасным телом. Черная колдунья умирала сейчас по-настоящему. Без малейшего шанса воскреснуть нежитью-личом.

Город медленно погружался под землю. Почва, как вода,

волнами накатывалась на высокие стены, сметая здания, перемалывая немертвых защитников в прах и смешивая его с песком и камнями. Колдуны дроу и шаманы орков пытались защититься, но буйство дикой магии, разорвавшей ткань мира, что бы изгнать Разрушительницу, не давало составить даже простейшие заклинания.

Инанна открыла глаза, когда величественный зиккурат уже наполовину вошел в землю. Бетрезен держал ее на руках.

— Госпожа страха, я ухожу. Контракт выполнен. — За его спиной мерцал открытый портал в преисподнюю.

— Подтверждаю, — прохрипела Инанна.

— Я могу предложить тебе еще один договор.

— Я не отдам тебе свою душу.

— Нет, Инанна, эта война, проведенная с тобой, была лучшим, что я пережил за свое долгое существование. Столько крови я еще никогда не проливал! — захохотал демон. — Мне не нужна безвольная кукла. Ты станешь моей госпожой, я подарю вечность тебе, если ты отдашь свое сердце и воссядешь на престол преисподней рядом со мной.

— Мне нужно было бы сказать, что я подумаю и что это все так неожиданно… но времени нет… Сделка заключена.

— Сделка заключена, — эхом подтвердил Бетрезен.

Он с размаху вонзил свои пальцы в грудь Инанны и вырвал ее сердце, а затем впился в еще живой, бьющийся комок плоти своими звериными зубами. В кровавой дыре загорелся маленький изумрудный огонек. Глаза Инанны раскрылись и полыхнули так знакомым Хеби зеленым пламенем. Демон внес колдунью на руках в светящийся портал, и Хеби осталась одна. Волна жидкой земли накрыла ее до колен. Она попыталась выбраться, но не успела она освободить ногу из тут же затвердевшей почвы, как следующая волна накрыла ее с головой. Задыхаясь в темноте, она проснулась с криком. Ей жутко хотелось курить.

Хеби не заметила, как отряд таирсфолька, северных варваров-наемников, бежал из города за несколько минут до прихода разрушительницы. Если бы она вспомнила, что сон — это всего лишь сон, то она могла бы бесплотным духом пройти сквозь почву и увидеть основание Таиркого государства.

Молодой вождь, облачённый в шкуры, приказал остановиться на вершине холма. С улыбкой старый сгорбленный шаман смотрел, как Ниппур погружается под землю. Жестом он приказал рабу подать ему вино. Шаман бережно как младенца прижимал к своей груди украденный им пергамент содержавший секрет создания амулетов, накапливающих ману.

— Вождь! На нашу величайшую победу посмотри!

— Старик ты бредишь. Мы еле унесли ноги из этой битвы. Да и платить нам некому. Даже пограбить не получится. Все сокровища ушли под землю. Нет нам славы в этом походе.

— Ты еще молод. Черные колдуны и орки, темные эльфы и демоны — они уничтожили друг друга. Урум, Киш, Гирсу в руинах лежат. Теперь эта земля и есть наша награда. Мы эти благодатные места должны занять. Послать гонцов в долины вели. Мы себе Ки-ури до того подчиним, как весть о падении Ниппура до гномов, светлых эльфов и столицы Ки-эн-ги, Кадингирра, дойдет.

* * *

Герцога утром они не увидели и после завтрака отправились в обратный путь. Когда замок окончательно исчез из вида, Адлер прошептал несколько заклинаний. Убедившись в отсутствии наблюдающих чар, он решился заговорить.

— Эрих. Я бы тебе рекомендовал бросить все и бежать, — бросил он в полголоса, когда поравнялся с атаманом.

— Ты же знаешь, я не могу…

— Тогда мы разделим судьбу Ерса.

— Возможно. Но мы все когда-нибудь умрем.

— Все не так просто… Ты хорошо спал этой ночью? — Спросил маг.

— Нет. Кошмары снились, — ответил Эрих.

— Готов поставить свою долю на то, что герцог принес наших в жертву. Сегодня ночью он призывал демона и не из последних. Поверь. Я в семинарии не только по кабакам шлялся.

В ответ Эрих грязно выругался — только этого ему не хватало. Оказывается, герцог кроме того, что полоумный садист, еще и сектант.

А потом атаман оглянулся на немного отставших и яростно спорящих Хеби, Василия и Шарля. «Робеспьер», «Махно», «Че Гевара» слышалось от них. Видимо у попаданцев начался очередной религиозный спор. «Анархокоммунистка!» — выпалил в сердцах Шарль непонятное ругательство и обиженно отвернулся.

Сейчас во взгляде Эрих не было обычного презрения и иронии. Эта четверка смогла нахамить герцогу в его собственном замке и уйти живой. Что же, стоит держаться к Шарлю поближе. К сожалению, шантаж и магическая метка не давали Эриху возможности сбежать от Майнарда.

* * *

Я со своей свитой расположился в одной из лучших гостиниц города. Хотя гостиница — это громко сказано. Гостиница подразумевает определенный уровень роскоши и, черт возьми, комфорта. Деревенский постоялый двор. Вот как правильно назвать то место, где мы нашли себе приют. По крайней мере, наличие сертифицированного охранного талисмана Рейда на входе гарантировало отсутствие клопов и вшей.

Для удобства я выкупил весь третий этаж гостиницы. Сам я занял двухкомнатные апартаменты. Жандармские маги и мрачный де Фризз расположились в комнате по соседству. Даже для Орели нашлась каморка на чердаке. А что касается Асанте и Карла, то на них у меня были особые планы, которые я решил огласить после обеда.

Надо отметить, что еда, поданная прямо в мой номер, несколько реабилитировала это заведение в моих глазах. Холодная буженина в обсыпке из трав, нашпигованная чесноком, была превосходна. И даже темное густое пиво оказалось к месту, не смотря на все плебейство этого напитка.

— Так вот, Асанте, — начал я разговор, когда тарелки опустели, а Орели принесла нам с кухни соленые орешки, — Я хочу, чтобы вы нашли заказчика моего убийства. Вот вам пять золотых на карманные расходы. Поселитесь где-нибудь отдельно от нас. Возьмите себе в помощь Карла и вперед на поиски.

— Я должен буду ей подчиняться? — удивленно спросил Карл.

— Он будет только мешать! — почти одновременно сказала Асанте.

Затем мои подчиненные с недовольством уставились друг на друга. Де Фризз ухмыльнулся.

— Да, мой милый юнкер, лейтенант Морсер скорее всего будет вам мешать. Когда дело будет касаться питья спиртного, шулерства, мошенничества и беспорядочных половых связей. Во всяком случае, я на это рассчитываю.

Орели не сдержалась и захихикала. Асанте залилась румянцем. Карл выпятил грудь. Он видимо уже представлял себя в качестве пророка, наставляющего на путь истинный. Я поспешил умерить его пыл.

— Вы, Карл, рано начинаете гордиться! Я действительно хочу, чтобы на этом задании вы подчинялись фрекен Асанте, даже если это будет означать нарушить закон и несколько поступиться честью. Уверяю, она сможет вас научить тому, чему вы бы не научились за четыре года в академии. Юнкер, вы же покажете

Карлу, как делаются дела на дне общества?

— О, да! — начала улыбаться Асанте. Ее переполняла радость от того, что я «отпустил поводок». Орели опять захихикала.

— Это хорошо. Господину лейтенанту не хватает немного опыта, зато иллюзий с избытком. — Карл попытался возразить, но я покачал указательным пальцем, показывая, что возражения не принимаются. Я кинул им небольшой кусок заговорённого кварца — Вот вам кристалл связи. Идите, приступайте к выполнению задания.

— Так точно! — Хором ответили они и удалились. Я остался в номере с де Фриззом и Орели.

— Какое вы задание приготовили для меня, господин оберст? — спросил он.

— Пока Асанте не будет рядом, вы будете исполнять обязанности моего денщика, штабс-фельдфебель Фризз.

— Будет исполнено, ваше превосходительство, — Вильгельм был явно недоволен. Его, воина, заставляли исполнять роль слуги.

— Орели, я видел в начале улицы винную лавку. Купи там «Крови Тиамат» или «Слезу Инанны». Только смотри, чтоб не меньше десяти лет выдержки, — я кинул ей монетку.

Мне хотелось узнать о де Фриззе побольше и не только сухого жизнеописания. Его фамилия казалась мне смутно знакомой. А разговоры про жизнь, как известно лучше вести за чаркой вина или бокалом бренди.

Бистаа замерла в ответ на мой приказ. Она явно нервничала. Тиерменш, наконец, заметила свой плащ, завернулась в него, спряталась поглубже в капюшон и вылетела за дверь. Я поставил на нее метку мага и, молча, допил пиво из кружки.

— Отвечая на ваш невысказанный вопрос, Вильгельм — нет, я не извращенец. Эта бистаа спасла мне уже дважды жизнь. Она заслужила хорошее отношение к себе.

— Я…

— Вы это подумали. Не отрицайте. У вас на лице это было написано, — улыбнулся я.

— А, хоть бы и так! — Вильгельм дерзко посмотрел на меня.

— Где служили, Фризз?

— Батальон «Корсары».

— Не слышал о таком.

— Никто не слышал. А мы были… Я три года прослужил там.

— Флот? Каперы?

— Не угадали герр оберст. Спецназ магиерваффе. Мы занимались уничтожением остатков баз темных. Разминированием. С нежитью и демонами расправлялись

инквизиторы, а на нашу долю выпадали шаманы бистаа, орки, тролли, дроу, автономные боевые големы. После последнего задания нас осталось девятеро. Столичные шишки резали до последнего финансирование, и мы оставались без необходимых артефактов. И в результате мои товарищи потеряли жизни в пещерах под некрополем Сиппар. Мы полмесяца провели под землей, прежде чем вышли… Нас расформировали после этого.

— Вы же дворянин, нет?

— Да, баронет.

— Так зачем же вас понесло в жандармерию? Неужели на гражданке не жилось?

Вильям только пожал плечами. Хотя ответ и не требовался. После такого или ломаются, или просто теряют разум. Спокойно жить после того как побывал в пещерах темных эльфов невозможно. Только ярость боя могла вытравить из души тот ужас. Я бы, конечно, на его месте подался в колонии, но каждому свое. Я выпил еще кружку пива.

— Герр оберст, осмелюсь заметить, вашей тиерменш что-то долго нет, — произнес после затянувшегося молчания де Фризз.

— И в самом деле. — Я прошептал заклинание обнаружения. Метка была недалеко, всего в паре сотен метров и не двигалась. Я с неохотой поднялся из кресла. — А пойдемте-ка, посмотрим, не случилось ли чего…

Вильгельм поколебавшись оставил двуручник прислоненным к стене. Проходя по коридору, он заглянул в комнату к жандармам и жестом подозвал их. В этот момент я ощутил, как моя кожа покрывается мурашками, а по спине течет холодный пот. Это ощущение страха, которое вызывала Орели в случае опасности, было мне уже хорошо знакомо.

— Быстро! — рявкнул я на медленно собиравшихся волшебников. Похоже, с моей бистаа действительно приключилось что-то нехорошее.

Мы выбежали из гостиницы с оружием наперевес. На кончиках пальцев левой руки у меня дрожал зародыш магической стрелы, в правой я держал свой охотничий посох. Заброшенный склад находился на расстоянии всего одного квартала. Улица была почти пустая.

Прямо на нас из приоткрытых ворот выбежал с воплем какой-то громила.

— Взять… — я не успел договорить «его», как жандарм ударом своего штурмового посоха по ногам опрокинул беглеца на землю, а второй уселся верхом, наложив на руки самозавязывающуюся веревку.

— Сколько вас там? — Спросил я. Лицо мужчины было

бледным. Губы тряслись. Зрачки были расширены.

— Ч-четверо.

— Артефакты есть? Черный вход?

Он молча мотнул головой, и я выстрелил в него звуковым копьем из посоха в упор. Оглушенного мы оставили лежать прямо на улице, перед собирающимися зеваками. Терять время мне не хотелось. Надо было атаковать сейчас, пока на складе царит замешательство.

— Вильгельм, Бруно, Варин вперед! — Приказал я.

Жандармы заняли позиции по сторонам от входа, а де Фризз, прошептав заклинание магического барьера, просочился между створок. Я услышал его крик «Тайная полиция, всем стоять» и характерный стук от стрелы, вонзившейся в дерево. Выждав пару секунд, в ворота вломились жандармы. Ухнули взрывы огненных шаров, выпущенных из посохов. Окна вылетели осколками на улицу. С крыши посыпалась черепица. Я поморщился. Нет, ну надо же рассчитывать силу! Они же не крепость штурмуют. Да и платить за израсходованную ману придется мне из своего кармана. Любопытные горожане тут же начали разбегаться.

Я подождал еще полминуты и вошел внутрь. Вдоль стен валялись пустые бочки, ящики и какое-то тряпье. Два трупа с оторванными конечностями просто впечатало в стену. От запаха обгорелой плоти меня начало мутить. Я достал платок и приложил его к носу. У ворот в луже крови лежал от плеча до пояса разрубленное тело. В руке мертвец все еще держал арбалет. Я присвистнул от удивления. Де Фризз был силен.

— Присмотри за тем, кого мы на улице оставили, — приказал я Бруно, а сам двинулся к присевшему у еще одного тела Вильгельму. — Это вы его палашом своим так? — Спросил я.

— «Сила медведя» и «калечащий удар Киркгофа», - ответил Вильгельм. Я брезгливо поджал губы. Никогда не понимал эту любовь боевых офицеров к заклинаниям ближнего боя…

— С этим что? — я пнул тело, озираясь в поисках Орели. После применения посохов стены фонили магией, и я никак не мог точно найти свою метку.

— Насколько я понимаю, у него просто отказало сердце. Понять бы почему… — де Фризз поднялся с колена и вытер руку, которой искал пульс, о штаны.

— От страха, — сказал я, наконец, определив, где же находится Орели. Я поспешил к обвалившимся стеллажам. Вильгельм последовал за мной.

Я увидел сначала пятна крови, а затем и саму тиерменш. Орели сидела, прислонившись к стене засыпанная всяким мусором, сметенным взрывами с полок. Слабеющими руками она

зажимала рану на своей шее, из которой торчал арбалетный болт. Темная кровь текла из разорванной яремной вены.

— Шайзе!.. — прошипел я. Большое исцеление Вебера никак не хотело получаться. Хотя даже если бы получилось… Это заклятье годилось только для лечения неглубоких порезов и ожогов, но никак не для таких ран. Я прокричал — лекаря, скорее!

— Позвольте, господин оберст, — де Фризз бесцеремонно оттолкнул меня. — Придержите пока тут и тут, — он положил мои руки выше и ниже раны.

Я хотел его одернуть, но быстро понял, что штабс-фельдфебель знает, что делает. «Прозрение Иксрея» он произнес быстрее, чем я подобрал подходящие бранные слова. Не успел призрачный свет рассеяться, как он уже закончил колдовать «диагностическое прикосновение Узиэль». Бледная Орели не произнесла ни звука. Только вцепилась своими слабеющими пальцами в мою руку.

— Сейчас будет больно, — предупредил де Фризз и быстрым движением достал болт из раны, одновременно колдуя обеззараживающие чары. Орели скрипнула зубами. — Тебе очень повезло, бистаа, — продолжил он, доставая из-за кирасы коробочку с нитками, иглами и какими-то хитрыми зажимами. — Болт задел только вену и уперся в позвоночник, ни артерия, ни глотка, ни трахея не задета. Так что сейчас я тебя быстренько подлатаю, а в номере уже доведу дело до конца.

Я с облегчением вздохнул. Из досок мы соорудили импровизированные носилки, и с помощью пары подвернувшихся под руку горожан дотащили Орели и пленного до гостиницы.

Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Пока Вильгельм упражнялся в медицинских искусствах, я допрашивал пленного.

— Зачем на мою бистаа напал, смерд? Говори. Иначе хуже будет!

— Дык, это, говорят, вы ваша светлость, ее того… сношаете… мы думали — украдем ее и вас выманим за город… говорят заказчик хотел на выполнение лично посмотреть. Или даже поучаствовать…

Я с размаху ударил его в лицо. Тварь.

— Значит, тоже повелся на награду за мою голову?

В ответ пленник кивнул.

— Вас пятеро было? — кивок в ответ. Магия, доступная мне, подсказывала, что он не лжет. — Откуда заказ взяли?

— Так, это, все знают…

— Не лги мне! — я достал из ножен кинжал, — Кто

посредник?

Глаза пленника не отрываясь смотрели на сталь клинка. Он громко сглотнул.

— Г-господин Гельмут. Его все знают здесь в Брюгге и в губернском Фридрихсбурге. Даже этот шкуродер Шрейбе с ним обедать по субботам изволит. Без герра Гельмута ни одно дело серьезное не проходит. Кроме банды Эриха. Этот беспредельщик вообще никого не слушает.

Я присвистнул. Однако неплохо устроился герр гауптман. С местными ворами на короткой ноге держится. Ну что же, честь ему и почет! Как говорится, если хочешь развалить организацию — возглавь ее.

Война со всем организованным криминалитетом провинции в мои планы не входила. Да и шансов на то, что Густафу удастся расколоть этого Гельмута по возвращении из поисков, было мало. Местный авторитет ничего не расскажет добровольно. Не по понятиям это. А давить на него ради спасения моей шкуры Густаф тоже вряд ли будет. Такие отношения с местным боссом слишком многого стоят. Но полученная информация сильно экономила время Асанте. Теперь я знал чьего внимания ей надо добиться, чтобы выйти на заказчика.

— Зачем же вы тогда бистаа убить пытались? — спросил напоследок я.

— Так, мы, когда она мимо проходила, подозвали ее, оглушили и на склад затащили, думали, что все, удача. А она, когда очнулась, по нам как магией засадила… Я даже не помню, где прятался и как бежал. Ян, наверное, случайно выстрелил…

— Бруно, отведи этого ублюдка в тюрьму, или куда вы там их сажаете на предварительное заключение… — распорядился я.

— Будет сделано! Что судье сказать?

— Покушение на убийство дворянина. Скажи — бумаги утром будут.

Я прошел в свою комнату. Орели спокойно спала на моей кровати. Де Фриз заканчивал накладывать шов на кожу. Я мог только восхититься филигранностью его работы.

— Кажется, теперь я вспомнил, где я слышал вашу фамилию.

— Что, вспомнили историю моего дяди, Поля де Фризза, который во время войны написал донос на своего отца, обвинив его в демонопоклонничестве? — Вильгельм не оборачиваясь спросил у меня. Ножницы обрезали нить. Комната опять заполнилась незнакомой мне высшей медицинской магией. — Она проспит еще час, господин оберст. Не будите ее. Она потеряла много крови.

— Не угадали, Вильгельм. Я вспомнил имя вашего отца,

покойного Гуго де Фризза. Основоположника немагической медицины кайзеррейха. И историю про одного маленького мальчика, который в восемь лет успешно пришил кошке отрезанную косой лапу. Помнится, я даже купил себе в библиотеку его книгу «Иллюстрированная топографическая анатомия распилов, проведенных в трех направлениях через замороженное человеческое тело». Хобби у меня такое, Вильгельм, слухи и книги коллекционировать, — я подмигнул де Фриззу. — У меня только один вопрос, — я присел в кресло и налил себе «Крови Тиамат». Орели успела-таки выполнить мой приказ, до того как ее схватили. — Почему вы тратите свое время, бегая по глухой провинции с этим двуручником, вместо того, чтобы спасать жизни в столице? Очень, должен заметить, высокооплачиваемые жизни!

— Потому, что отец заставлял меня отказаться от магии, ради его, как я тогда думал, глупых выдумок — «науки»! Как будто мы гномы какие-нибудь!

— Нет, причина, почему вы бежали из дома меня не очень интересует. Подростки достаточно банальны. Почему сейчас вы не стали работать военным врачом?

— А я им и был. И тогда в Сиппаре… — Вильгельм, наконец, закончил наложение повязки и повернулся ко мне. Я протянул ему еще один бокал с бренди. Было видно, что рассказывать ему больно. — Тогда в Сиппаре я был бессилен. У нас кончилось волшебство. А я не умел. Не мог я никого спасти. — Вильгельм смотрел в окно, избегая моего взгляда. — Я идиот, господин оберст. А мой отец уже не сможет научить меня. И тогда я дал себе обет, не заниматься лекарским делом.

— Мда… Похоже вы действительно идиот! Учитесь сами, Вильгельм. Какие ваши годы…

— Вы понимаете, что на моей совести несколько десятков загубленных жизней? Только по причине моей невежественности!

— Я понимаю, что на вашей совести будет гораздо больше, если вы не возьметесь за ум! — я с раздражением поставил бокал на подлокотник. — Сегодня вы действовали очень успешно, и, кстати, нарушили свой обет!

— Ну… это так. Ветеринария.

— Ну-ну, — я не был так уверен в его последнем заявлении.

Вильгельм поспешил удалиться. Разговор был ему явно неприятен. Молодой дурачок. Умелый, сильный, гораздо более опасный в бою, чем я, но дурачок. Я вздохнул и погладил спящую Орели по голове. Было очень непривычно чувствовать себя виноватым. Тем более не перед дворянином. Тем более даже не перед человеком. Я думал, что такой атавизм как совесть давно

отмер в моей душе на четвертом десятке жизни. Видимо зря надеялся. Не стоило мне отправлять ее одну во враждебный к ней город, тем более, когда на меня идет охота.

Орели открыла глаза. Наверное, усыпляющие чары действовали на тиерменшен немного по-иному.

— Петер, вы пришли за мной… — Она прижала мою руку к своей щеке.

— Как будто у меня бы выбор! — фыркнул я, боясь признаться себе, что я испытываю от ее прикосновения.

— Спасибо! — В ее глазах горело зеленое пламя, но сейчас я испытывал совсем не страх.

Глава 4 В которой Асанте работает под прикрытием, Густаф возвращается с пустыми руками, а криминальдиректор Йоффе оказывается очень разочарован

Первым делом Асанте зашла в свою комнату и переоделась в свой любимый замшевый костюм для верховой езды. Разгуливать в форме по городу было сейчас совсем некстати. Она была уверена, что про ее вступление в ДД никто не знал, а значит на изменяющих внешность иллюзиях можно сэкономить. Хотя легкий грим все же не помешает, решила она.

Через полчаса на нее из зеркала смотрело злое и несколько потасканное женское лицо. Асанте вздохнула — физиономия симпатии не вызывала. Скорее наоборот. Но, учитывая предстоящую работу, образ миленькой молоденькой принцессы только бы все затруднил.

Она покидала в сумку набор для нанесения грима, смену одежды, упаковала свой лук. На поясе висел охотничий нож. За голенищем притаилась шестизарядная волшебная палочка Кольтиэля с оглушающим заклинанием.

В ее голове бурлили мысли. К чести Асанте, серьезными преступлениями она никогда не занималась. Воровство, мошенничество, шулерство. Она всегда была заезжим гастролером. Но сейчас перед ней стояла нетипичная для нее задача. Надо было выйти на контакт с местными бандитами и втереться к ним в доверие. А это не лохов на деньги разводить…

Обычно разговорами с местными боссами занимался ее учитель. Он же и отстегивал процент с заработанного. Асанте он никогда на эти встречи не брал. Вполне справедливо боялся за свою ученицу. Симпатичную девицу могли бы у него отобрать силой, приглянись она кому. Однако многие тайные вещи он ей рассказывал.

В дверь постучали.

— Войдите! — гаркнула она хриплым низким голосом. В проеме показался Карл Морсер. В форме, броне, с офицерской саблей и кортиком на поясе. «Видимо те полчаса, которые я посвятила сборам, он полировал кирасу» мелькнула в голове Асанте мысль. Она с трудом сдержалась, чтобы не сделать отгоняющий глупость жест шу-саг[10], которому ее научил в цирке

шаман бистаа.

— Вы кто? Где госпожа Вильянуэва? — спросил лейтенант.

— Это я… — со вздохом сказала Асанте уже своим собственным голосом, — у вас гражданская одежда есть?

— Прошу прощения, не узнал. Да, юнкер, есть. В казарме.

— Тогда идем, Карл. — Она взяла его за руку и потащила вниз по лестнице. — И, во-первых, слово юнкер забудь. Зови меня Аса. Пускай так, хоть не перепутаешь при людях. Во-вторых, — она прервалась на выходе из гостиницы, накидывая на него иллюзию. Еще не хватало, что бы кто-нибудь запомнил, что она гуляла с полицейским. Спешившие куда-то Петер и де Фризз чуть не сбили их с ног, — с сегодняшнего дня вы очень молчаливый мордоворот под моим началом. Я тебя уверяю, Карл — прервала она его, когда он открыл рот что бы возразить, — чем меньше ты будешь лезть в разговоры, тем меньше у нас будет проблем!

Они быстро добрались до казарм жандармерии. После нескольких попыток Асанте таки подобрала устроившее ее сочетание одежды и занялась гримом. Карл, конечно, тоже был в Брюгге недавно, но было лучше подстраховаться. Жаль офицерскую выправку не замаскируешь, вздохнула она. После чего отправились на окраину, где располагались кварталы бедноты. Там Асанте еще в свой первый приезд присмотрела для себя недорогой постоялый двор, на случай бегства от отца.

К закату они как раз успели снять комнату, к смущению Карла одну на двоих. Хозяин честно предупредил ее, что на этих улицах могут по ночам «пошаливать», но это как раз и привлекло Асанте.

Карл сел на свою койку. Теперь он был мужчиной лет тридцати с отекшим от пьянства лицом.

— И что мы теперь будем делать, Аса?

— Дождемся темноты и ограбим кого-нибудь. А потом пойдем пропивать добычу.

Карл поперхнулся.

— Асанте, вы шутите, я надеюсь?

— Тссс! — девушка вместо ответа достала из кармана завибрировавший кристалл связи. Замечательная игрушка. Если бы только она не требовала такие количества магической энергии… Комплекс чар «Голем 4.2», ставший популярным с последнее время среди изготовителей артефактов связи, мог съесть заряд среднестатистического амулета-накопителя за пару звонков. Другой проблемой была легкость перехвата разговоров опытным магом.

Они внимательно выслушали рассказ оберста Краузе, затем спустились в общий зал на ужин. В ожидании заказа Асанте

вздохнула. Сильно воняло чесноком и кислой капустой.

— Орели жалко.

— Да, Аса. Но я не могу поверить, что герр Гельмут Шмидт, купец и меценат занимается темными делами. Это какая-то ошибка! Они же в таких хороших отношениях с гауптманом!

Как и Петера, Асанте связь между Шрейбе и Шмидтом не смущала. Она пожала плечами и начала есть похлебку. Карл помедлил и последовал ее примеру. Затем они заказали по пиву. За окном вечер сменился сумерками, а затем наступила ночь. Мелкие приказчики, курьеры, торговцы и прочий сброд, волею случая оказавшийся, в Брюгге, постепенно расходился по своим комнатам. Наконец Асанте нарушила молчание.

— Ну что, Карл. Пойдем приключаться! — Они встали и вышли в прохладную весеннюю ночь из жаркого и душного кабака.

— Аса, ты серьезно хочешь кого-нибудь ограбить?

— А это уж как получится… Шучу — шучу! — поспешила она успокоить начавшего краснеть от недовольства Карла. — Пока что, Карл, ты просто выгуляешь свою пьяную женушку. Но меч держи наготове, — шепнула она ему в ухо, нарочито неловко спотыкаясь. — За талию обними меня! — Дальше она двигалась, прижимаясь к Карлу, почти вися на нем.

Они успели пройти всего несколько минут, как зашли на пустырь, разместившийся между районом бедняков и складами. Там случилось ожидаемое. Две фигуры появились перед ними на тропинке, еще пару человек с дубинками Асанте заметила сзади.

— Справишься? Одного я возьму на себя, — шепнула она на ухо подобравшемуся Карлу. — Только без убийства и членовредительства!

Карл кивнул, подвешивая на кончиках пальцев ударно-волновое заклинание Узиэль.

— Это кто у нас тут гуляет без спроса. Тут за проход платить надо, — прогнусавил один из типов, вставших перед ними. — С тебя баба, так и быть натурой возьмем, а ты, мужик, раздевайся и все нам оставляй.

— Да вы охренели! Как вы со мной смеете так разговаривать! — заплетающимся языком начала Асанте. Карл достал длинный кинжал, на который он сменил свою саблю.

— Ишь ты, боец выискался! — бандит ухмыльнулся, вытаскивая из ножен полноценный меч. — Навались! — скомандовал он своим товарищам.

Карл не оглядываясь ринулся вперед, ушел от размашистого удара дубиной и приложил стоявшего перед ним бандита рукоятью в челюсть, а потом в висок. Думавшие, что они остались

незамеченными два разбойника попытались сзади наброситься на Асанте и Карла и тут же отлетели на пару метров назад от звукового удара. Девушка, не мудрствуя лукаво, выпустила пару оглушающих зарядов из волшебной палочки в мечника, заговорившего с ними, а затем сбила его с ног уселась верхом взяв руку на болевой захват.

— Ах, ты сука, да я тебя, тварь!.. Да ты не знаешь, с кем ты связалась!.. Да тебя завтра… — брань потоком лилась из его рта. Асанте слегка надавила. И главарь взвыл от боли.

— Это ты не знаешь, с кем связался, шванцлутчер, я тебя сейчас на ремни порежу, — прошипела она. Карл с интересом смотрел за происходящим.

— Больно же! Отпусти, сука! — Асанте надавила вместо этого еще сильнее. — АААА!!!

— Сука говоришь, швухтэль?

— Извини, прости, тетенька. Отпусти меня, Аманумерена![11]

— Так-то лучше! — Асанте ослабила хватку и позволила ему встать. В кустах стонали неудачливые грабители. Он отряхнулся.

— Ошибочка вышла, госпожа, — смиренно произнес главарь. — Я ж не знал, что вы не лохи, что люди серьезные.

— Первый день здесь, — коротко кинула Асанте, сконцентрировавшись на заклинании божественного миролюбия.

— Так, это, может, прибытие отпразднуем? — главарь немного «плыл». Его речь стала замедленной, а движения чрезмерно плавными.

— Давай, приводи своих в порядок и пошли. Так уж и быть. Я первая проставлюсь. — Главарь просветлел. В последнее время он был на мели, и обещание халявной выпивки даже без магии могло сотворить чудо. Предусмотрительно пропустив новых знакомых вперед, они зашагали по тропинке обратно.

Конечно, ни о какой «гильдии воров» в рейхе речи не шло. Такие вещи можно встретить только на страницах дешевых сказочных романов. Но, как известно, подобное притягивает подобное. То же самое происходит с людьми. В любом городе можно было найти пару таверн с клинописными знаками «нам-таб нитах-калаг-га» — товарищество достойных мужей — выцарапанных где-нибудь на видном месте. Туда не стоило заглядывать с деньгами, без крепких ребят за спиной и оружия на поясе. А еще лучше без компании кого-нибудь из местных, готовых за тебя поручится.

Трактир, куда они пришли, располагался всего в паре шагов от их места жительства. Внутри, несмотря на облезшую дверь и облупившуюся вывеску было довольно чисто и уютно. Когда они вошли на Асанте и Карла уставились оценивающие взгляды.

— Свои! — Сказал громко Ганс — так звали главаря — и прошел к бару. — Пива!

— В кредит не налью. — Буркнул жирный седой бородач, стоявший за стойкой. Асанте достала серебряную монету. При виде денег толстяк начал наполнять кружки. Они уселись за один из столиков углу.

— Держись рядом, и будь начеку, — шепнула она Карлу.

— Какими судьбами у нас в Брюгге? — спросил Ганс.

— Деньги ищем легкие — ухмыльнулась Асанте. — Долг отдать надо.

— Тогда зря приехали. У нас тут богачей нет. Грабить нечего. Если только заброшенную усадьбу какую в предгорьях очистить от хлама или карманы пощипать… Тухло тут. Долг то большой?

— Тысяча.

Грабители переглянулись.

— Ни черта себе. Как же ты так? — хмыкнул Горст, прижимавший к виску, на котором надувалась шишка, кружку с холодным пивом. А потом зашептал какой-то мелкий целебный заговор.

— В кости проиграла.

Ганс потер подбородок. У него появилось две идеи. Первая, усадить Асу за игорный стол и все-таки подзаработать сегодня деньжат. А второй был гораздо более многообещающим.

— Есть тут одно дело, которое никто из местных не потянет. Убрать надо одного приезжего. Как раз тысячу обещают. Я тебя с человеком сведу, а ты мне за это десятую часть.

— Двадцатую и по рукам. — Резко ответила Асанте. Ганс скривил недовольную морду, но спустя пару кружек пива согласился.

— А почему никто из местных не берется?

— Так, сегодня пытались. Этот Краузе полный отморозок, почище банды Эриха. Двоих огнем сжег, одного, говорят, голыми руками пополам порвал. А до этого на него этот Эрих нападал, тот самый, что фургон налоговиков недавно обнес. Слышала небось? — Асанте кивнула, — Прикинь, они десяток гусар с артефактами замочили, а с ним не справились! — Улыбка Асанте стала еще шире, — А до этого вообще гастролёры пол усадьбы ему сожгли, взвод жандармов порешили, а он сидит на веранде вино пьет, смотрит. Пока к нему не подошли и рубить не стали… Потом, говорят, до самой границы герцогства верхом на метле гнал. Аки ведьма дроу. — Тут уж и Карл хмыкнул. — Что, не верите? Все знают, по дороге из столицы демон напал на него, так он ему руку откусил!

— Сказки все.

— Ну, смотри, я предупредил! Сгинешь — кто потом плакать будет?

— Он будет — Асанте кивнула на Карла, не произнесшего за вечер ни одного слова.

— Даа… мужик то у тебя неразговорчивый. Немой что ли?

— Нет, Ганс, у меня баба есть, чтоб трындеть. Сам знаешь, мужик сказал — мужик сделал, вот я и молчу. — Разбойники взорвались пьяным хохотом от шутки, а Асанте неверящими глазами смотрела на подмигнувшего ей Карла.

Они пили дальше, потом добрались до игорного стола. Защита от мухлежа здесь оказалась посущественней, чем в игорном доме, но все равно ей удалось стать за вечер на половину золотого богаче. Как она возвращалась домой, Асанте не очень помнила.

Утром она проснулась с больной головой. Подтянутый Карл, одетый только в штаны, протянул ей кувшин с холодной водой.

— Ты знаешь Аса, я вчера нарушил приказ оберста Краузе. Я несколько увлекся. Так что мне не удалось помешать тебе пить спиртное, мухлевать в кости и карты.

— А как же беспорядочные половые связи?…

— Ты была не в состоянии, Асанте.

— Вероятно, только это и спасло… — Несколько разочарованно протянула Асанте, поглядывая на мускулистый торс лейтенанта.

— Возможно. А может и не только. Ты знаешь, мне сегодня снился Энлиль. — Карл сказал это абсолютно спокойно, но Асанте вся похолодела. Богам было несвойственно сниться просто так. Тем более Повелителю бури, Хозяину ночного неба…

— Что он сказал тебе?

— Он явился мне в образе нашего оберста Краузе. Одет он был в какой-то непонятный камзол. У его ног лежал крылатый лев Нам-уд-галь[12]. Поэтому я и понял кто передо мной. Он извинился и дальше начал нести какую-то околесицу. Дескать «возрастной рейтинг его шоу четырнадцать плюс» и что он «не намерен из-за нас менять эфирную сетку». И что у него на нас «совсем другие планы».

Асанте немного успокоилась и даже начала улыбаться.

— Это ерунда, Карл! Я сразу заметила, что они в пиво что-то добавили. Опоить нас хотели. Обычное дело. — Она покопалась и достала из кармана оберег защиты от яда, который она украла из арсенала жандармерии. — Видишь? Почти весь заряд ушел. От этой дряни тебе бы и Орели в роли госпожи Инанны примерещиться могла.

Карл пожал плечами.

— Наверное, ты права, Асанте. Но я обязательно поговорю с отцом Отто, когда он вернется. Сегодня вечером Ганс поведет нас к Гельмуту или одному из его людей. Что ты собираешься делать?

— Подтвердить контракт, договорится о присутствии заказчика при выполнении. Это лучший вариант из всех возможных. Если, конечно, Ганс не забыл про нас…

Карл удовлетворенно кивнул. Асанте снова растянулась на постели.

— Карл, извини меня, я думала ты, правда, будешь мешать, доставая меня законами чести и попытками сразу всех арестовать.

— Какие еще законы чести? Эти преступники не дворянского рода. Я очень внимательно слушал разговоры и запоминал лица. А арестовать их… — Он кивнул на тетрадь, лежащую на столе. Асанте протянула руку и пролистала несколько страниц с набросками лиц, именами и краткими пометками. — Этим я займусь позже.

Почти весь день Асанте провалялась на кровати. Было уже далеко за полдень, когда она заставила себя подняться, обновить свой и Карла грим и все-таки спуститься поесть. Внизу они оказались очень вовремя. Здоровенный охранник держал Ганса как котенка за шкирку над землей, намереваясь выкинуть за дверь.

— Эй, постой! Он к нам пришел! — Крикнула Асанте.

— Чё? Эта шваль к вам? Да вы хоть знаете, что это за прохвост? — охранник разжал кулак. Ганс упал на колени.

— Знаю. Тем и ценен, — ответила Асанте и направилась к потирающему передавленную воротником шею грабителю-неудачнику.

— Дальше общей залы не пущу. Не просите даже.

— Нам и не надо, — ответила девушка.

Идти вслед за Гансом им пришлось долго, почти час. Они пересекли весь город под брюзжание разбойника о некоторых вышибалах, которым он лично еще ничего не успел сделать, но обязательно еще устроит веселую жизнь. Ганс, Асанте и Карл остановились у ворот очередного безымянного склада на окраине, располагавшегося почти у самых стен заброшенного полуобвалившегося армейского форта.

Разбойник постучал, и створка открылась, пропуская их в полутемное помещение. Пылинки играли в лучах солнца, проникавших через грязные оконца. Проходя через проем Асанте поморщилась от укола волшебства. Где-то рядом находился довольно мощный идентификатор магии. Внутри справа и слева от входа стояла пара амбалов, а прямо перед ними сидел за столом какой-то мелкий тип в сером пыльном камзоле, своим

видом напоминавший мышь. Перо у его руке скрипела по бумаге гроссбуха. Заробевший Ганс проблеял:

— Господин Ратте, я привел!

— Привел — уходи. Плата оговорена, — произнес герр Мышь, как его про себя окрестила Асанте. Он захлопнул гроссбух и вперился в хрустальный шар идентификатора магии. Ганс мигом улетучился. — Имя?

— Аса.

— Я не тебя, баба, спрашиваю.

— А… то есть ты с шестеркой моей гутарить будешь, ну давай!

Ратте приподнял бровь и, наконец, удостоил взглядом пришедших.

— Вот как. Интересно. Зачем пришли?

— Ганс сказал, что работа есть.

— Есть, но не для всех. Работа деликатная. Жертва уже перепугана. Кончить ее надо в присутствии заказчика. Но при этом по возможности тихо.

— А мы и не все!

— Не слышал я про тебя Аса. Расскажи про себя.

— Я лучше покажу, что умею. Трепаться не люблю. Позволишь? — Мышь кивнул. Она скинула с плеча лук и натянула тетиву. На кончике стрелы заиграло полупрозрачное серое астральное пламя.

— Достаточно!

— Правда? — Раздался уже за спиной у нанимателя голос Асанте. Иллюзия ее фигуры рядом с Карлом растаяла.

— Вполне профессионально. Он так же хорош? — Мышь кивнул на лейтенанта.

— Если не надо складывать сонеты — то да.

— Амулет отклонения стрел, оберег от яда, лук зачарованный на точность. Две стрелы с разрыв-кристаллом в наконечнике, шестизарядная волшебная палочка Кольтиэля… — начал перечислять Ратте наконец прояснившуюся в хрустальном шаре картину. Асанте могла только облегченно вздохнуть, что не стала полагаться на магию для и изменения внешности. — Неплохо. Хотелось бы верить, что у вас еще есть мозги, а не как у тех идиотов, которых Краузе вчера фойерболлами размазал по стене. — Мышь откинулся назад и с полминуты смотрел в потолок. — Ладно, сроки поджимают. Шрейбе уже скоро вернется. Слушайте вводную…

* * *

Створка ворот за Асанте и Карлом закрылась.

— Мне проследить за ними, шеф? — спросил один из амбалов.

— Конечно, да, идиот! Тебе их кончать еще, когда они работу сделают! — раздраженно буркнул Ратте. — Только очень аккуратно. Баба непроста. В артефактах как елка новогодняя. Да и у мужика ее не просто так амулет на полтысячи маны, как бы он из себя дебила не строил…

* * *

Весна вступала в свои права. Прошла всего неделя, как я приехал из столицы, но лес изменился кардинально. Трава покрыла землю. Набухшие почки распустились изумрудно зеленой листвой. Да и распутица под копытами лошадей приобрела какую-то схожесть с дорогой.

Моя пьеса разыгрывалась как по нотам. Асанте арендовала небольшой домик в лесу в получасе езды от Брюгге. Вечером Орели пошла прогуляться и была благополучно «похищена неизвестным». Я, изображая ярость, выпустил пару демоншреков из посоха в небо и прилюдно поклялся отомстить. После чего отправился в гостиницу, где съел вкуснейший стейк в компании Вильгельма.

Письмо с требованием выкупа пришло уже утром. И это означало — заказавший меня на редкость оперативен и уже готов поучаствовать в расправе. Что радовало. Не хотелось откладывать дело в долгий ящик. А вот второе послание, доставленное курьером дома Валадис авиапочтой, меня привело в замешательство. Оно было от моей жены.

«Возлюбленный мой муж, мне очень одиноко…» — начинался текст. Как обычно, Юкки не упустила возможности поиздеваться, не выходя за рамки приличий. В прочем само содержание было гораздо более важно. Мой тесть диктовал ей текст, пользуясь теми иносказаниями, которыми мы обычно пользовались в деловой переписке. Новости меня не радовали. За мое дело взялся не кто-нибудь, а имперский судья, сам легендарный рейхсинспектор По.

«Я вобью в ваш хобот меченый гвоздь. Я внезапный и пугающий гость» — любил напевать он себе под нос. И вот уже два десятка лет как эта фраза никого не заставляла улыбаться.

Участие рейхинспектора ставило крест на всяких попытках спустить мое дело на тормозах.

Понервничав около часа, я выпил вина. Мы с де Фриззом

посвятили остаток дня перезарядке артефактов. Вильгельм вызвал из увольнения еще троих жандармов. Так что в моем распоряжении оказался достаточно внушительный отряд. Вооруженные штурмовыми посохами, пистолями, защитными амулетами и зачарованными палашами мы вполне могли бы справиться с гномийской паровой бронемашиной, при условии, конечно, что кадровый рунный жрец не соизволит вмешиваться. Что уж говорить про охрану какого-то местного авторитета….

Я выехал в компании двух жандармов в полдень. Де Фризз с оставшимися стражами правопорядка уже должен был занять позицию недалеко от места покушения, где обосновались Асанте и Карл. «Атаковать» меня должны были, немного не доезжая до арендованного здания.

Поучаствовать в задержании мне не удалось. Когда мы добрались до места, все уже закончилось. На земле лежали два связанных бугая, видимо охранники, и тот самый гнусный тип, который был готов выложить тысячу золотых за мою голову. На его лице была напялена маска, что делало его похожим на злодея из второсортных романов.

Женщина, отдаленно напоминавшая Асанте, расположилась на передке его двуколки, весело махая ногами. В ней же, строча что-то карандашом, сидел постаревший лет на десять Карл. Очевидно, писал очередной отчет. Орели кормила лошадь сморщившимся после долгого хранения яблоком. Де Фризз протирал тряпицей свой короткий меч. Подъехав ближе, я увидел, что за двуколкой лежит труп с отсечённой головой.

— Он сопротивлялся при аресте, — ответил на мой невысказанный вопрос Вильгельм. Я, конечно, понимал истоки его кровожадности, но с этим надо было что-то делать….

— Почему до сих пор в маске? — я кивнул на человека в темном плаще.

— А я решила вас подождать, Петер! — сказала Асанте и спрыгнула с козел. Она подошла к связанному и полуоглушенному заклятьем дворянину. Повинуясь ее кивку, двое жандармов подняли его на ноги и достали изо рта кляп, а затем сорвали маску.

Нет, я не могу сказать, что застыл как громом поражённый. Это было даже логично, больше в окрестностях я еще никому не успел насолить… Я, в общем-то, и не удивился вовсе. В отличие от Асанте.

— День добрый, господин Вильянуэва, — сказал я.

— Отец! Как ты мог! — перебила меня Асанте.

Дело приобретало какой-то мелодраматический оборот. Я в задумчивости потер подбородок и отдал приказ:

— Грузите! Поедем в дом допрашивать. Не на дороге же этим заниматься.

Жандармы с пленниками остались во дворе, а мы расположились в просторной гостиной небольшого простого сельского дома с доном Вильянуэва.

— Рассказывайте, благородный дон, как вы дошли до жизни такой. Покушение на убийство действительного сотрудника тайной полиции, офицера имперской армии, и просто очень хорошего человека. — Де Фризз хмыкнул. Карл скрипнул карандашом, записывая протокол. Асанте мрачно смотрела на отца.

— Вы, ублюдок, бистолюб, хотели опорочить мою дочь! — выплюнул Хименес.

— Вы очень сильно заблуждаетесь. Я вот до сих пор не знаю, как от нее избавится… Да и вообще, будьте последовательны! Если я такой извращенец, то зачем мне ваша дочка?

— Для своих оргий! Вы хотели окончательно извратить ее детский разум!

В ответ я мог только вздохнуть.

— Какой же вы дурак, Хименес. Лучше бы подумали о том, какую карьеру может сделать ваша дочь, в кое-то веки направившая свои силы на что-то полезное! Я не боюсь сказать, из нее получится замечательный сотрудник! И о том, какие блестящие молодые офицеры с ней рядом! Кстати, Асанте, Карл уже сделал вам предложение? — Грифель карандаша в руке лейтенанта Морсера с хрустом сломался.

— Нет, господин оберст. Ему Энлиль в вашем образе запретил. — ответила за Карла Асанте.

— С Энлилем договоримся! — безапелляционно заявил я.

— Вы украли мою дочь. Вы оскорбили меня, своего гостя. Вы проклятый извращенец!

— Да далась вам эта бистаа! — Я уже начал злится. Наклонившись через стол, я схватил его за воротник. — Из-за вас, ублюдка, меня чуть не убили, но это ладно. Но ваша любимая доченька выжила, как и я, лишь чудом. Тиерменш спасибо скажите! — я не сдержался и отвесил ему хорошую пощёчину. Из ссадины, оставленной моим перстнем, потекла кровь. Выпустив пар, я немного успокоился и спросил — Юнкер, что мне делать с ним? Смотрите. Ему светит смертная казнь. Но я готов отпустить его. Если вы поручитесь, а он даст клятву.

— Я не знаю… — Асанте еще не пришла в себя. Она смотрела на отца. И на какое-то краткое мгновение там проскользнула такая ненависть… мне казалось, что она сейчас сама прикончит его. — Отпустите его, пожалуйста, Петер. Я ручаюсь за него.

— Клятва! — я повернулся к Хименесу. Я видел, что он борется с собой. Как его неверящий фанатичный разум семейного тирана трещит под напором фактов.

— Всеми богами клянусь… — начал он.

— Нет, по всей форме, пожалуйста, — вмешался Карл и Вильгельм кивнул. Его свидетели. Если надо они найдут его, клятвопреступника, и в посмертии.

— Лу-Хименес дингир-эне-ра лу-иним-ра нам-эрем-ме у-му-ба[13]… - запинаясь Хименес начал выдавливать из себя слова древнего языка некромантов Ки-эн-ги. Языка первой человеческой цивилизации, правившей от океана и до океана. Наверное, только я видел Орели натянутую как струна, застывшую в углу изваянием, повторяющую слова клятвы на эме-саль, женском языке Ки-ури. Мягкая волна магии обняла нас. Не той современной, пышущей жаром фойерболлов и молний, а древней, незаметно менявшей судьбы.

— Орели, принеси вина! — попросил я, когда все закончилось. — Вы знаете, дон, вы мне даже польстили. Назначить награду в тысячу золотых за мою голову было очень щедро!

— О чем вы говорите? — понурившийся Вильянуэва сидел и смотрел на свои руки. — Я договорился на двести. Да и то посредник говорил, что половину заберет себе в качестве комиссии.

— Так… — А вот это было уже интересно! Или Ратте изначально не собирался ничего платить исполнителям, или Вильянуэва был не один, кто жаждал моей смерти. — Хименес, вы свободны, не покидайте пока поместье, вдруг у Густафа будут вопросы. И подумайте хорошо, вы чуть не совершили большую ошибку… — поникший дон Вильянуэва вышел из гостиной. — Асанте, Карл, вы знаете, как связаться с этим вашим Ратте?

— Да, конечно, господин оберст. — ответил Карл.

— Прекрасно! Мы сейчас немного отдохнем и отправимся к нему в гости.

— Хозяин, вы не голодны? — Орели незаметно для меня появилась с подносом, на котором стояли тарелки с рагу, исходившим дивным запахом. Все-таки бистаа знали толк в кулинарии.

— Нет, спасибо! — Отказался я.

— Зря вы отказываетесь, Петер! — сказала Асанте. — Очень вкусно! Орели нас вчера угощала.

— Спасибо, Аса, — ответила засмущавшаяся бистаа. — Я очень старалась. Самых жирных и сочных крыс отловила. — Асанте с трудом подавила рвотный позыв и вскочила из-за стола.

— Вот видишь, Асанте, я же говорил, что это не кролик! — с довольным видом успел сказать Карл ей в спину.

— Ну, если никто не хочет, то я, пожалуй, себе двойную порцию положу - де Фризз между тем лихо орудовал вилкой. — Прям ностальгия по первому году службы, когда мы на месяц в заброшенной гномийской крепости в горах застряли. Дроу выслеживали. К нам тогда тоже тиерменш прибился. Готовил замечательно все что летает, бегает и ползает. И без малейшей капли волшебства.

Обратный путь занял у нас почти втрое больше времени. Мне не хотелось ехать обратно через город. Господина Ратте, я думаю, не порадовала бы новость о моем благополучном возвращении. Так что к складу, где он обосновался, мы вышли уже далеко за полдень. Я хотел было отправить Орели в гостиницу, но потом подумал, что с нами ей будет безопасней, чем тащиться в одиночестве через весь Брюгге.

Асанте и Карл постучались и вошли внутрь. Де Фризз занял позицию у заднего входа, а я с тройкой жандармов выждал пару минут, а затем, почувствовав активацию кристалла связи Асанте, залпом из посоха вынес ворота. Черт возьми, я тоже начал входить во вкус!

Первыми внутрь вбежали жандармы. Господин Ратте невозмутимо сидел за своим столом с пером в руке. Вокруг него медленно гасло сияние волшебного щита. Двое громил лежали оглушенные по сторонам от входа.

— Вы в курсе, что нарушаете границы частной собственности? — спросил он, а затем увидел меня и скривил недовольную гримасу… — Вот как…

— Оберст Петер Краузе! Вы арестованы! Кто заказчик моего убийства? — прямо с порога рявкнул я.

— Вы о чем? Я буду жаловаться гауптману Шрейбе. Я ни в чем не виноват. У меня тут деловая встреча!

— Юнкер Вильянуэва, лейтенант Морсер, вы узнаете этого человека? — Они послушно кивнули. Ратте на секунду обхватил голову руками и прошептал под нос какое-то проклятье. А затем уже затравлено посмотрел на меня снова.

— Я ничего не скажу.

— Карл допросите его.

— Ратте, честные и правдивые ответы зачтутся вам на суде. Скажите, пожалуйста, кто кроме дона Вильянуэва предлагал вам деньги за убийство господина оберста? — я почувствовал разворачивающуюся цепь заклятий, направленных на то что бы развязать язык допрашиваемого. Нет, Карлу еще учится и учится…

— Я ничего не скажу, — повторил злодей уже значительно спокойнее. Он, наверное, думал, что сейчас мы пойдем в магистрат, предоставим ему адвоката. Нашел дураков. Я хотел решить свои проблемы, прежде чем слухи разойдутся по городу и мне придется искать заказчика по всей провинции.

— Вильгельм! Он ваш.

Штабс-фельдфебель нехорошо ухмыльнулся и достал свой палаш из ножен. Жестом приказал жандармам держать пленного. Де Фризз размахнулся и плоской стороной клинка ударил по кисти Ратте лежавшей на столе. Он взвыл от боли.

— Господин оберст, вы в курсе, что согласно уголовно-процессуальному кодексу рейха показания, добытые под пыткой, считаются ничтожными, кроме дел инквизиции? — вмешался Карл. Асанте отвернулась. Что бы ни говорил ее отец, а девочка была совсем не испорченной в душе. А вот Орели спокойно смотрела на происходящее.

— Мы сейчас не для протокола работаем. — Усмехнулся я. Раздался еще один глухой стук удара и вскрик — А для души…

— Кто? — прорычал Вильгельм.

— Я не знаю… — почти плакал Ратте. Вот что значит армейская школа, с удовлетворением отметил я, не то, что мямли из охранки! Всего-то минута прошла, а уже заговорил.

— А кто знает?

— Хозяин… Гельмут Шмидт…

— Где он сейчас? — Спросил я.

— За городом, в поместье…

— Он врет, господин оберст, — прокомментировал эту реплику Карл, так и не развеявший до конца свои чары.

— Ах, врет! — Вильгельм повернул клинок тупой стороной и опять врезал по руке. Отчетливо хрустнули кости. Асанте поморщилась.

— Врууу! — Взвыл Ратте. — Здесь он в городе. В резиденции своей!

— Везите его в управление или как там это у вас называется, — приказал я двум жандармам. — Остальные за мной!

Дом герра Шмидта располагался рядом, и мы направились прямо к нему. Карлу, как самому благонадежному я доверил нести внушительный мешочек с гонораром за покушение.

— Господин оберст! Вы и к нему так же зайти хотите, как на склад? — набравшись храбрости, поинтересовался один из жандармов.

— Как пойдет.

— Гауптман недоволен будет, ваше высокоблагородие.

— Да пошел он!

Мы остановились перед дубовыми воротами в почти трехметровой кирпичной стене окружавшей дом Шмидта. Де Фризз с помощью Карла начал покрывать себя защитными чарами. Я же постучал в калитку в воротах. Открылось небольшое оконце. На меня уставились налитые кровью глаза. Пахнуло перегаром и чесноком.

— Кто там?

— Государственная тайная полиция! Откройте именем кайзера, — ответил я.

— Ничего не знаю. Шрейбе не предупреждал, — оконце захлопнулось.

— Открой смерд! — я заколотил по воротам. Черт! Какая наглость!

— Господин оберст. На втором этаже северного крыла пытаются открыть портал! — обеспокоенно произнес Карл, — я попытаюсь помешать, но боюсь…

— Вильгельм, откройте мне дверь! — рявкнул я.

Де Фризз скинул с плеча ножны и обнажил свой двуручник. По стали пробежали искры какого-то боевого заклятья, а затем, повинуясь жесту Карла, цвейхандер мягко засветился голубым светом «истинного удара». Вильгельм размахнулся и рубанул. Дубовые доски толщиной в половину ладони развалились как гнилье. Чары перед ним расцвели радугой, когда в них врезалась огненная стрела, затем два арбалетных болта зависли в воздухе в полуметре перед лицом штабс-фельдфебеля и медленно начали превращаться в пыль под действием «щита энтропии». Во дворе раздался громкий свист. Вильгельм с ревом вломился внутрь, у него оставалось маны поддерживать чары на полминуты, не больше. Присев на колено один их жандармов выпустил рой магических стрел из жезла по галерее, опоясывавшей второй этаж дома. Я с удивлением опознал в его руках ZS — 5[14], только недавно вставший на вооружение лейбгвардии.

Два раза прошелестела рядом со мной стрела Асанте. Раздались взрывы и крики раненых.

— Сопротивление бесполезно! — Крикнул я и вошел во двор. Орели держалась за моей спиной.

Впрочем, телохранители Гельмута это уже поняли и впятером стояли, подняв руки, перед тяжело дышавшим Вильгельмом. Они наконец-то разглядели нашу форму и предпочли сложить оружие. Прислуга испуганно выглядывала в окна.

Я вырвал из рук жандарма штурмовой посох с последним оставшимся зарядом и прицелился в стену рядом с окном, на которое показал лейтенант. Толстая кирпичная стена выдержала

удар магии, только штукатурка осыпалась.

— Посмотрим, как он теперь в портал войдет, — прошипел я.

— Я бы не додумался! Использовать остаточный фон для того что бы заблокировать применение тонкой магии перемещения! — лейтенант восхищенно посмотрел на меня.

— Учитесь пока, я жив! — хмыкнул я.

Под молчаливые и встревоженные взгляды прислуги мы вошли в дом, поднялись на второй этаж. Я пинком открыл в двустворчатые двери кабинета Гельмута Шмидта.

— Вы кто такие! Вы как посмели! Я честный купец! Я буду жаловаться гильдии и лично гауптману Шрейбе! — заорал при виде меня пожилой грузный мужчина в кожаном кресле. Одет он был в простой коричневый камзол. Но золотая цепь купца первой гильдии на шее подсказала мне, что это тот, кого мы ищем.

— Я оберст Краузе. Хочу задать вам несколько вопросов. Кто меня заказал вам?

В глазах Гельмута промелькнул страх, но рассказывать он не хотел.

— Я ничего не знаю!

— А господин Ратте говорит обратное.

— Я не знаю никакого Ратте! — видимо, Шмидт решил отрицать все до последнего.

— Зато он знает вас, — я зло засмеялся, — и, наверное, может мне рассказать про другие ваши делишки… — Я шагнул вперед и ударился о невидимую преграду.

— Вы не приблизитесь ко мне! Это новейшая гномийская разработка, генератор Бабла! Она непроницаема для магии и обычного оружия!

— Я всего лишь хочу услышать ответ на вопрос. Кто меня заказал. Обещаю, я после этого уйду. И даже миньона вашего выпущу.

— Фикт гизе, Краузе! Я вам устрою веселую жизнь! Вы мне и в суде ответите и без суда поплатитесь. У меня своих людей везде хватает! — Гельмут злился. Его видимо давно не ставили на место. Разбогатевший смерд остается смердом. Вместо того что бы оценить великодушность моего предложения и достойно проиграть, он решил показать свою силу.

— И что вы мне сделаете из своей невидимой клетки? — усмехнулся я.

Вместо ответа тот достал из ящика стола камень возвращения и начал его перезаряжать от своего амулета-накопителя.

— Герр оберст, я уверен, что запрещающее заклинание Ворпа не сработает через эту защиту. — Карл безуспешно пытался колдовать.

— Шайзе! — выругался я. Ищи его потом… И тут я почувствовал жесткую шершавую ладонь Орели прикоснувшуюся в моей кисти. Бистаа видела, что я злюсь, и пыталась меня успокоить. Я обернулся к ней. — Орели, этот человек пытался напасть на меня. Именно из-за него тебя чуть не убили!

— Но вы же спасли меня, хозяин. И я уверена, что вы снова поймаете его! Вы великий вождь! — она улыбаясь смотрела мне в глаза. Ну, еще бы, увидела как мы мелкую шушеру крошим. Мне бы ее уверенность в будущем. Я сжал зубы. Ну и как мне ее разозлить? Помогла Асанте. Она видимо вспомнила те разговоры, что мы вели про непонятные силы бистаа по дороге в Брюгге.

— Орели, на складе этого человека, я видела выделанные шкуры тиерменш. Я слышала, как Ратте хвалился, что его хозяин, — Асанте показала пальцем на Гельмута, — лично любит охотиться на двуногую дичь в предгорьях. Коллекция чучел…

Юнкер договорить не успела. Мое сердце остановилось, а потом заколотилось как бешенное, когда Орели шагнула вперед и ударила своими кулачками в невидимую стену. Ее зловещая тень днем была почти не видна. Асанте трясло. Карл и Вильгельм озирались, не понимая причину своих эмоций. А вот герр Шмидт получил полную дозу. Он очень резво попытался забраться на шкаф, но упал, выронил камень возвращения, который прикатился к моим ногам.

Мы присели и подождали минут пять, пока купец не очнулся. Асанте успокаивала Орели, объясняя, что она все придумала.

— Это не законно! — прохрипел наконец он, переворачиваясь на спину. Его лицо посинело. В груди что-то нехорошо клокотало.

— Что незаконно? — я приподнял бровь, — мы вас пальцем не коснулись. И магии ни капли не применили.

— Использовать против меня бистаа. Вы сектант! Я буду жаловаться в инквизицию… — хрипы и бульканье в его груди становились громче.

— Снимите защиту, если жить хотите. У вас сердце отказывает, — сказал де Фризз и купец послушался.

* * *

По возвращении Густаф был вне себя. Я пришел к нему сразу, как только узнал, что он со своим отрядом в городе.

— Петер! Что за войну вы мне тут устроили! Да с тех пор как вы приехали одни сплошные трупы! О чем вы думали, используя тяжелое вооружение в городе! Вы хоть представляете, как мне теперь изворачиваться, чтобы списать расходы на ману и

избежать комиссии из Фридрихсбурга?

— Ой, да ладно! — я молча достал двести золотых и кинул ему на стол. — Это из награды за мою голову.

Густаф вздохнул, быстро пересчитал золото. Там было с запасом. Монеты могут произвести потрясающий успокоительный эффект.

— И все же…

— И все же, я очень быстро и эффективно выцепил заказчика. Это никто иной, как папаня нашего юнкера Асанте.

— И что вы с ним сделали?! Только не говорите, что…

— Отпустил домой, заставил «тройственную клятву Айзека» принести. Да он вроде и так раскаялся.

— Хвала Иштар! Я уж боялся, что вы самосуд устроите. — Густаф, наконец, успокоился и сел за свой стол.

— Я же не совсем идиот, Густаф. Только вендетты мне не хватало, — ответил я. — С Гельмутом Шмитом правда не очень хорошо получилось…

— ЧТО!?… Да я пятнадцать лет положил на то что бы с ним и его «товариществом достойных» отношения наладить, а вы за два дня моего отсутствия!.. — Густаф задыхался от гнева.

— Спокойно гауптман! — Рявкнул я. Еще он меня будет попрекать, что я его коррупционные схемы поломал. Потерпит! — Все живы. Обвинения я не предъявлял. А что до разгрома в доме и вреда здоровью… Уважать больше будет. Просто был второй заказчик, и мне надо было знать кто.

— Вы невыносимы оберст.

— Спасибо, я стараюсь.

— И кто же второй?

— Не знаю. Кто-то в Таирбурге. Есть как минимум еще один посредник. И поэтому мне нужен ваш междугородний кристалл связи. Мне надо связаться со столицей.

Густаф вздохнул, но отказывать не стал. Он распахнул шкаф, стоявший в углу, и вытащил хрустальный шар на треноге и большой стационарный накопитель. Я подошел и начал активировать чары.

Лицо криминальсдиректора Йоффе при виде меня вытянулось.

— Вы что себе позволяете? Вы с ума сошли? По открытому каналу! — прошипел он.

— На меня идет охота, — прервал я его, — заказчик моего убийства в столице. Словно мало мне проблем с тем, что имперский судья ведет мое дело!

— И вы решили позвонить мне?

— Да. Или вы хотите, чтобы я нарушил условия пресечения?

Если вы дозволите, то, когда приеду, я сам смогу провести расследование!

— Если доедете!

Изображение в шаре пошло рябью и звук пропал.

— Я не понял… К чему была последняя фраза?

Густаф усмехнулся.

— Вы мне в чем-то симпатичны Петер. Вы производите впечатление умного человека, но сейчас дурак-дураком. Вы с генералом Йоффе много дел общих имели? Я как человек интересуюсь сейчас. Не для протокола.

— Немало.

— И неужели у вас в голове не стыкуется тот факт, что фанатично преданный кайзеру и рейху имперский судья По ведёт ваше расследование и факт покушений на вас… Неоднократных, заметьте. Я готов поставить десяток золотых, что тот демон на дороге в зачищенной зоне тоже не просто так появился!

— Готтердамерунг! Что же делать?! — я был в панике. Густаф был, черт возьми, прав. Кругом прав.

— Слово и дело государевы… — произнес стандартную формулу предваряющую донос Густаф.

— Точно. Густаф вы гений, — я ринулся к шару, лихорадочно пытаясь вспомнить, какими чарами можно связаться со службой имперских судей. Через пару попыток в шаре начали вырисовываться слонообразные формы рейхсинспектора По. Потрясающее везенье, мне не придется никого искать. — Ним-лугал-ла у ниг-ду-лугал-ла… — начал я торжественно официальное обращение. Но шар вспыхнул и погас. Я удивился. Маны хватало еще минут на пять разговора. Повторные попытки выйти на связь ничего не давали. У Густафа тоже ничего не вышло.

— Кто-то ставит помехи, — догадался я. И тут раздался вой артефакта, предупреждавшего о применении чар пятого уровня. Густаф недоуменно уставился на фигурку пигмея на столе. Он, наверное, и забыл, что это такое, в отличие от меня. — Эвакуируйте здание! — крикнул я, выбегая из кабинета.

Благо был субботний вечер и, кроме нас с Карлом, никого в управлении не было. Прибывшие с Густафом из рейда жандармы уже отправились в казарму неподалеку. Мы выбежали из помещения во двор, а потом по моему настоянию вышли на улицу. Примерно минуту ничего не происходило. Густаф уже начал посмеиваться над моей паникой, когда с неба ударил фиолетовый поток пламени.

— Мои деньги! — взвыл он, глядя как оплывает и тает крыло здания магистрата, где располагалась жандармерия. —

Документы!

Я еле удержал его. Через несколько секунд огонь погас, оставив только дымящиеся потрескивающие руины. Карл как завороженный смотрел на буйство магии. Где-то там, в подвале, остался Ратте и неудачливый похититель Орели…

— Что это было? — Густаф потерянно смотрел на разрушенное управление.

— Подтверждение правильности ваших слов, гауптман. Огонь святого Харма. — ответил я. Теперь я знал, кто и почему хочет моей смерти. И после недели неизвестности, определенность успокаивала. — Армейская новинка. Ослабленный вариант «огненной купели», зато бьет не по площади, а прицельно, по сильным источникам волшебства. Местам ритуальной магии, мощным артефактам и системам связи, как выяснилось сегодня…

Из казарм высыпали жандармы. Гауптман начал раздавать приказания. А потом с перекошенным лицом подошел ко мне.

— Вашу мать, Петер, держитесь от меня подальше! И от моего города! Я двадцать лет в Брюгге. За это время тут было десять убийств. А после того как вы прибыли сюда… Резня, перестрелки, посланцы богов, крестьянский бунт, а теперь и магия стратегического назначения! Убирайтесь! Мне почти пятьдесят Петер! Я хочу спокойной старости, Тиамат вас подери!

Я вздохнул.

— Пойдемте пить, Густаф. Пойдемте пить. Мы тут с вами уже повязаны, не избавитесь вы от меня… Карл, приглядите за раскопками, и пошлите за капитаном гарнизона. Ему не помешает знать, что тут происходит… — Приказал я лейтенанту. Тот коротко кивнул, а мы с криминалькоммиссаром направились в гостиницу. От предложения залить горе алкоголем гауптман отказываться и не подумал, хотя шипел, плевался и ворчал всю дорогу.

Я же пропускал его брюзжание мимо ушей. Меня терзал один из извечных вопросов таирского народа — «Что делать?». Благо со вторым вопросом «Кто виноват?» я уже определился.

Я с Густафом расположился в моем номере. Початая бутыль «Крови Тиамат» пришлась как нельзя кстати. Орели принесла нам мелкопорезанного тушеного мяса в соусе.

— Я сама сделала! — похвалилась она.

— Надеюсь это не крысятина? — спросил я, подозрительно ковыряя вилкой содержимое тарелки.

— Нет. — Вздохнула она, — Я хотела запечь для вас ежика в глине, но Асанте отсоветовала… Да и на кухне на меня как-то косо гостиничный повар смотрел. Пришлось сделать обычную баранину.

Густаф между тем опорожнил уже второй стакан бренди. Он немного расслабился и стал более доступен для продуктивной беседы.

— Густаф. Я знаю, что из-за меня у вас возникли проблемы, но видит Мардук, я не хотел этого. Скажите, в Брюгге есть еще кристаллы связи способные связаться со столицей?

— Нет, — мрачно буркнул он, — мой был единственным.

— Плохо. Значит, мне надо собираться и ехать в Таирбург. Сидеть здесь дальше смерти подобно. Мое присутствие в вашем городе действительно становится общественно опасным. Похоже Йоффе готов на все, лишь бы я не дал показания.

— Я бы на вашем месте в столицу не спешил, — невнятно говорил Густаф. Он за обе щеки уплетал мясо. — Я уверен, что по дороге вас будут ждать. Прикончить вас в пути гораздо легче, чем в городе или даже в вашем поместье. Лучше направляйтесь во Фридрихсбург. Там вы станцию связи найдете, чтобы перед рейхсинспектором исповедоваться. Безопасность вам там обеспечить смогут. Да и это не такой очевидный ход, как поездка в столицу… — он начал собирать краюхой хлеба подливку.

— Я надеюсь, вы позволите оставить в своем распоряжении пока Асанте и Карла?

— Оставляйте! Еще с детьми этими мне возиться сейчас не хватает.

— Как успехи в расследовании? — спросил я после некоторого молчания.

— Отвратительно. Все отвратительно…

* * *

Прекрасное настроение гауптмана закончилось очень быстро. Следы бандитов привели его отряд, состоявший из жандармов и десятка улан в деревню. Однако селяне, вместо того, чтобы кланяться в ноги, одному из самых главных людей в уезде, не проявили ни капли почтительности. Скорее наоборот смотрели волком на жандармов. Густаф мгновенно почуял враждебность, обращенную на себя, безо всяких чар и направился к старосте.

Тот тоже не был рад визиту. Он юлил, недоговаривал, но гауптману удалось вытрясти из него правду. Бандиты были здесь еще утром. И говорили о мятеже. Причем в открытую! Небывалая наглость. Староста клялся и божился, что их никто не слушал и сразу выгнали, но Густаф прекрасно видел, что это не так. Скрипя зубами, он забрался в седло и приказал ехать дальше. Деревней он займется позже. У смердов же голова пустая, в одно ухо

влетело, в другое вылетело. На следующий день они всю крамолу позабывают.

Однако к вечеру, подъезжая к заброшенной усадьбе, где, судя по всему, располагалось логово бандитов, гауптман уже начал осознавать всю серьезность происходящего. Посланцы Энлиля отметились своими выступлениями по всему северу уезда. Их учение падало на благодатную почву. Бесило, что если бы они проповедовали поклонение демонам или веру в скорое возвращение Разрушительницы Ню-Раа, то можно было бы спихнуть дело на инквизицию в лице отца Отто. Но нет, ересь была самого, что ни есть, политического толка, а значит, попадала под его, Густафа, ответственность.

Когда они добрались до предполагаемого гнезда бандитов и бунтовщиков, волшебный огонь поглотивший усадьбу уже угасал, оставив после себя только обугленные камни. А вместе с ним исчезло все то, что могло помочь выследить бандитов при помощи магии — ногти, волосы, старая одежда…. Густаф ругнулся в полный голос. Магический фон, который останется на пепелище не даст в полной мере применить криминалистическую магию.

Но оставались старые добрые следы. Они то и привели отряд Шрейбе к поляне, с которой банда ушла порталом. На этот раз переход был не столь хорошо прикрыт помехами, как вовремя ограбления фургона и гауптману, вместе с магом-криминалистом удалось открыть его повторно, для того чтобы продолжить преследование.

Отряд двигался без перерыва всю ночь и к утру оказался на границе провинции Фридрихсланд. Шрейбе удалось проехать всего пару лиг вглубь территории герцогства, когда они напоролись на отряд из почти полусотни гвардейцев Виттельбаха.

* * *

— Ублюдки! — выругался уже довольно пьяный Густаф. — Выставили нас как детей из погреба! Да, как только могла Йоффе прийти в голову идея, об особом статусе великого герцогства! Теперь я должен писать официальный запрос оберсту Нери, что бы он продолжал за меня расследование на земле Виттельбаха! Неделя пройдет, прежде чем вся эта бюрократия сработает.

Я сочувственно покивал. Мне тоже не нравилось, что Эрих с гостями смог сбежать. С другой стороны, что-то подсказывало мне, что Шрейбе сильно повезло. Если бы он догнал «гостей», то вряд ли бы вернулся.

— А знаете, что? Я поеду с вами послезавтра во Фридрихсбург! Я уж устрою им в губернском управлении! И подкрепление выбью, и пускай знают, что за гадина у них в столице сидит! Письму они не поверят, а вот когда я лично приеду! — хорохорился гауптман. Он уже прикончил бутылку, и я предложил ему остаться в соседнем номере.

Остаток ночи я потратил на то что бы написать показания для рейхсинспектора. Выбирая между тюрьмой и могилой, я выбирал тюрьму.

* * *

Той же ночью состоялся еще один интересный разговор.

— Майнард, вы с ума сошли?! — Авраам Йоффе, пухлый абсолютно лысый человечек с подвижным лицом в сером камзоле Тайной полиции, с трудом сдерживал себя от нецензурной брани. От утраты концентрации изображение в кристалле начинало расплываться. — Мои подчиненные уловили волны от применения заклинания пятого уровня! Я не для того вам поставил огни святого Харма! Думаете, мне легко было вывезти заряженные артефакты со столичного арсенала? Если бы не лазейки, на которые указал мне этот проклятый Краузе…

— Йоффе, успокойся, — по лицу Майнарда пробегали неконтролируемые гримасы, глаза лихорадочно бегали. Очередной разговор с Бетрезеном несколько пошатнул его разум.

— Что значит успокойся?! Я смогу притормозить расследование на неделю, не больше, а потом вся империя будет знать, откуда и что запустили по Брюгге. Мои силы ограничены! Я же просил просто заглушить канал.

— Йоффе, ты знаешь, с кем связался твой Краузе сразу после звонка тебе? Со службой имперского аудита. Рейхсинспектор По.

Йоффе судорожно вздохнул.

— Не бойся, он ничего не успел сказать. Мои маги разорвали канал, а потом накрыли заклятьем. Ты же хочешь стать генерал-губернатором Таира? Тогда работай. Ты сказал, что сможешь задержать расследование на неделю? Этого достаточно! Я начал Игру. Поверь через неделю ДД, армии и инквизиции будет не до того, кто нанес удар по Брюгге!

— Вы могли бы предупредить, милорд!

— Форсмажор. Появился хороший шанс. Да и Владыке Легиона удалось приоткрыть дверь раньше, чем я рассчитывал.

* * *

Утром опухший гауптман с трудом выполз из своей комнаты и начал приводить в порядок дела перед отъездом, а я решил наведаться в свое поместье. Надо было забрать свои вещи, вряд ли я когда-нибудь вернусь сюда. Да и таскать Орели дальше с собой не имело никакого смысла. Из-за меня ей уже выпало достаточно испытаний.

Карл и Асанте сопровождали меня вместе с бистаа. Проезжая мимо владений дома Валадис я приказал кучеру свернуть с дороги к усадьбе. Огромное здание зверинца, где держали пегасов, сторожевых василисков и других тварей, тянулось почти на сотню метров.

Когда карета остановилась перед воротами, навстречу нам вышел молодой парень с лицом, обезображенным варварской татуировкой. Эта метка означала, что, несмотря на грязную одежду, больше напоминающую тряпье бродяги, запах навоза и пух запутавшийся в волосах, передо мной стоит родственник самого Данко.

— Добро пожаловать. Меня зовут Конрад Валадис — произнес парень, подтверждая мои догадки. — Будете покупать или продавать, баро?

— Петер фон Краузе. Буду просить об услуге. К сожалению, в Брюгге нет представительства вашей курьерской службы. А мне надо передать этот пакет в столицу. — В руке я держал пергаментный конверт, запечатанный сургучом.

— Мы не занимаемся этим. Простите, баро.

— Пять золотых.

— Я не могу покинуть своих лошадок. Пятьдесят.

— Дело государственно важности. Этот пакет предназначен для имперского судьи По.

— Ох. Это, конечно, все меняет. Двадцать и я лично вручу его в руки.

Я вздохнул, немного еще поторговался для вида, и мы ударили по рукам. После чего Конрад свистнул. С неба упал тот самый тяжеловоз дорнье, на которого я любовался, когда только приехал на свою родину. Конрад вспрыгнул на спину пегаса.

— Я думаю, дней за пять доберусь, — сказал он мне на прощанье и исчез в хлопанье крыльев.

— А это нормально, что он без седла улетел? — Асанте зябко повела плечами, представив себя на высоте.

— Не переживайте, юнкер. Эльфийским друидам, как бы они не кичились своими достижениями, есть чему поучится у этого клана варваров, — ответил я, глядя на стремительно удаляющуюся точку в небе.

Дверца кареты хлопнула, и вновь заскрипели колеса. Карл

после бессонной ночи на руинах управления дремал, прислонившись к стене. Асанте с любопытством смотрела в окно. Я запустил руку в мешочек, отобранный у Ратте.

— Держи, — я протянул полсотни золотых своей бистаа. — вашему племени пригодятся. Сегодня ты отправишься домой Орели.

— Хозяин, — он смотрела на меня расширившимися глазами, — Я что-то сделала не так?

— Если ты и дальше будешь следовать за мной, то можешь умереть, скорее всего, Йоффе не успокоится. Если доживу до суда и дам показания, то меня посадят в тюрьму. Вероятно, с конфискацией. Государственная измена статья серьезная. Семейное поместье, правда, могут оставить. В лучшем случае я вернусь через несколько лет.

Асанте и Карл тоже затихли и удивленно смотрели на меня.

— Что не ждали? Думали, с героем рейха работали, а я ведь предатель… — меня несло. Смысла таиться уже не было. Мой приговор, подписанный мной самим, уже летел за пазухой молодого Валадиса к адресату. Чтобы разрушить все мои планы на жизнь. Еще один конверт отправился обычной почтой, но на него я не надеялся. На почте у криминальдиректора Йоффе наверняка есть свои люди. — Хотите, я вам расскажу пару историй? Ну, например, откуда в руках злоумышленников взялась магия, разрушившая вчера управление…

Карл, Орели и Асанте внимательно слушали меня. Карл с откровенным удивлением. Его иллюзии относительно меня с треском ломались. Асанте внимательно. Наверное, она бы с удовольствием законспектировала мой рассказ как образцовую историю о том, как можно использовать служебное положение для личного обогащения. Хотя не совсем идеальную. В итоге украденное мной оружие обратили против меня самого. Молодец, девочка. Далеко пойдет. А Орели… Она не понимала тонкостей аферы. Она чувствовала, что мне плохо.

Ее нежные прикосновения к моей ладони и лёгкие уколы магии на грани восприятия, как ни странно, успокоили меня. Или это исповедь сделала свое дело? Наконец я замолчал.

— Господин оберст! Но ведь вы так доблестно сражались против преступников за правое дело! Я уверен, ваше честное признание искупит вашу вину! — после долгой паузы сказал Карл.

— Мои показания уменьшат мой срок, Карл. Но раскаяние? Вы так ничего и не поняли — я просто боюсь за свою шкуру.

— Мне кажется, господин оберст, что вы сейчас врете, причем даже самому себе. И я немного не поняла, а зачем вы заполняли

те две накладные по-разному? — спросила после длительного размышления Асанте. — А вообще это даже интересней чем играть в карты, Петер!

Я мог только улыбнуться. Тиамат меня побери, мне становилось жаль, что она не моя дочь. Орели шмыгнула носом.

— Хозяин, не оставляйте меня!

Я вздохнул. Хотелось ответить ей что-то обнадеживающее, но тут карета резко затормозила, и я чуть вылетел с сидения. Разозлённый я распахнул дверцу и увидел на дороге Нестора, на которого мы чуть и не наехали. Бедняга был в разорванной одежде. На руках были характерные ссадины от веревок. Под глазом расцветал фингал.

— Барин, барин! Остановитесь! Порешат вас, барин! Меня-то чуть не порешили! — Нестор с трудом стоял на ногах, держась за козлы. — Колабырацинистом обзывали. Гидрой контрреволюции какой-то. Насилу сбежал. — Ноги его подкосились, и староста упал на землю.

— А, ну-ка, по порядку давай, — зло прищурившись, сказал я. Тоска моя куда-то испарилась, и ее место начала занимать злость…

Интермедия

У входа в многоэтажное здание кафедрального телецентра в Новом Сиднее начались митинги. Одна группа протестовала против пропаганды расовой и социальной дискриминации. Их пикеты появились почти сразу после начала показа «Мир-2». Сейчас они клеили на стену большой портрет Шарля. Он, сам того не зная, уже стал популярен среди радикально настроенной молодежи. Ничего, вернется — оценит!

Так же быстро отреагировал и канцлер империи Нидерле. Его открытое благодарственное письмо появилось на правительственном сайте примерно через неделю показа. В нем отмечалось, что шоу прививает молодежи правильные идеалы общественных отношений в условиях абсолютной монархии, и оно рекомендовалось к просмотру в учебных учреждениях. Так что мне моей божественной задницей удалось опять вляпаться в большую политику.

Сегодня напротив либерально настроенной общественности стояли пацифисты с транспарантами «Скажем «нет» гражданской войне в Таире», «Мы против божественного произвола!».

Я с любопытством наблюдал за растущими группами протестующих. Послушный моей воле ветер доносил до меня разговоры. Судя по всему, назревала потасовка. Уравнители были очень даже не против революции и начали задирать пацифистов. Полиция вмешиваться не спешила. Я слышал, как они делают ставки кто победит в драке.

— Господь, я пришел с тобой поговорить, а не стоять у окна! — Мой сын, Артур Торвальдсон, первый космонавт Мира, магистр магии воздуха и огня, стоял рядом со мной. Высокий, стройный брюнет в мантии белого ордена совсем не напоминал ни Ингрид, ни меня.

— У тебя язык отсохнет назвать меня отцом?

— Как пожелаешь, Отче.

Я в ответ только вздохнул. Выкрутился засранец, и просьбу исполнил, и себе не изменил.

— И о чем же ты хотел поговорить?

— О том, что твой последний проект абсолютно аморален! Нельзя создавать вселенную, полную живых мыслящих существ и на потеху публике обрушивать на их головы катастрофы и войны!

— Я? На их головы? Да я и пальцем не пошевелил, что бы что-то изменить в Мире-2 после сотворения. Все, что происходит там — происходит согласно свободной воле людей.

— Ты направил туда Разрушительницу и Попаданцев!

— Ничего подобного. Они сами туда попали. Опять же — свобода воли! Я очень либеральное божество, как ты мог заметить.

— Я не понимаю, как ты можешь смотреть на все то зло, что творится в сотворенном тобой мире. — Артур поджал губы.

— Примерно так же как я спокойно смотрю, что происходит в этом! — я протянул руку и большой голоэкран, занимавший почти всю стену, засветился, повинуясь жесту. Стараясь не очень сильно чертыхаться, я переключился с порно-канала на новости. Мда. Некрасиво получилось.

— … в рамках предотвращения эскалации конфликта между Хоббитоном и Орочьим Раджистаном и в связи с неэффективностью политических методов штурмовая авиация Федерации Терры и Лунного Престола нанесла удары по местам подготовки заклинаний массового поражения и артиллерийским позициям сторон согласно мандату Совета безопасности обеих вселенных. Жертв среди мирного населения нет. В течение месяца предусматривается создание пятидесятикилометровой демилитаризованной зоны на границе государств… — я жестом переключил на другой канал — … Боевики «фронта возрождения США» действующие на территории северной Америки совершили нападения на военных экологов Федерации Терры, в очередной раз помешав развертыванию эльфийских «садов порождений» на континенте. Премьер-министр отметил, что сопротивление экстремистов откладывает завершение проекта восстановления экосистемы после мировой войны на неопределенные сроки.

— Почему-то я не видел, что бы эти войны собирали пикеты… — вздохнул я. — А ведь они здесь, рядом! Надо заняться, кстати, их освещением, а то я в последнее время слишком много наблюдаю за Петером.

— Ты не создавал их. Но Мир-2, Таирский кайзеррейх — ты несешь за них ответственность.

— Таир основан и управляется взрослыми и умными людьми, — перебил я, — Чьи понятия добра и зла несколько отличаются от моих и твоих. Я предпочту предоставить их своей судьбе.

— Ты поступил с Таиром как со мной и матерью! — разозлился Артур.

— Ой, вот не надо проецировать на чужую цивилизацию свои личные комплексы. Иди лучше погуляй, подумай. А мне работать надо.

Зря конечно так, как с маленьким. Но, наверное, ему стоило меньше времени проводить в лаборатории и библиотеках. Восемьдесят лет все-таки, должен же уже хоть что-то в жизни

понимать…

Глава 5 В которой Петер попадает в плен, дону Вильянуэва приходится следовать клятве, а кайзер Гор допускает позорные грамматические ошибки

… и ее место начала занимать злость. А под влиянием эмоций людям свойственно совершать опрометчивые поступки.

Тогда мне надо было развернуться и ехать обратно в Брюгге. Этого требовал холодный расчет. Но разве я мог оставить усадьбу в руках взбунтовавшихся холопов? Как я мог со спокойным сердцем бросить родовое гнездо на разграбление? Мало того, что там, в тайнике лежала приличная сумма золота, но еще и фамильные волшебные вещицы, которые я привез с собой. Так, что, несмотря на предупреждения, я продолжил путь.

Избитого и с трудом передвигавшегося Нестора мне, хвала богам, хватило ума оставить в придорожном трактире с несколькими серебряными монетами в кармане. Это, в конечном счете, спасло его жизнь.

К моему поместью мы подъезжали наготове. Асанте натянула свой лук. Карл заранее подготовил какое-то заклятье, да и я достал из багажа штурмовой посох, который «забыл» сдать гауптману Шрейбе.

Поместье показалось мне пустым. Однако стоило нам покинуть карету, как из-за угла конюшни вышли человек двадцать крестьян, вооруженных копьями и примитивными самострелами.

— Сдавайтесь, эксплуататоры! — крикнул их главарь, выступив вперед. — Вас ждет скорый и справедливый суд.

— Прочь с моей земли, быдло, — прошипел я, бледнея от ярости. В ответ раздались гневные крики холопов. Шум за спиной заставил меня обернуться. Показались еще десятка три мужиков с охотничьими луками, копьями и топорами. Расклад получался совсем не такой, как я рассчитывал. Нестор говорил, что нападавших было человек пятнадцать.

Карл старался как можно незаметней наколдовать нам хоть какую-то защиту от стрел. За Асанте я не волновался. С ее способностью к магии иллюзий она наверняка уцелеет. А вот Орели, если что придется плохо.

Нападать холопы боялись. Они бранью и криками

разогревали себя, боясь вступить в схватку.

«В принципе после пары выстрелов это отрепье побежит» — подумал я и совсем уж было хотел активировать посох, но тут заметил еще одну группу из четырех человек, стоявшую на веранде. Ничем не примечательные парни в простой рабочей одежде, только подозрительно чистой и новой, держали в руках армейские стрелковые жезлы.

То, что это не холопы было ясно и по выправке, и по спокойствию, резко контрастировавшему с галдежом, поднятым крепостными, и по армейским сапогам, которые они не стали менять на мужицкую обувь. А уж, когда один из них, заметив мой пристальный взгляд, без ритуала кинул себе под ноги «малый круг рассеивания Эллрана», я понял окончательно — расклад сил совсем не в нашу сторону. Никто без прохождения серьезного обучения так просто магией третьей ступени не раскидывается.

— Мы сдаемся, — крикнул я и демонстративно кинул посох на землю. За ним последовала и моя сабля.

Карл последовал моему примеру, не сомневаясь. Орели прижималась ко мне. Нужна была ярость. Но бистаа слишком хорошо знала этих людей из соседних деревень, чтобы испытать гнев. Наоборот. Их поведение привело Орели в замешательство. Она боялась. И видимо собственный страх был не тем, что могло вызвать ее фантом.

Асанте замерла, держа лук в руках. Я уже хотел приказать ей, когда хлопок от звукового копья, нашедшего цель, заставил меня обернуться. Оглушенная девушка лежала на земле в десяти метрах от меня. Иллюзия рядом медленно таяла. Один из парней на веранде показал другому большой палец. Я мысленно поблагодарил Мардука и Иштар. Могли ведь и огненной стрелой накрыть беглянку…

Здоровенный кузнец с молотом в руках, бывший очевидно главарем смердов подошел к нам в сопровождении четверки кряжистых мужиков. Он положил руку на голову вздрогнувшей Орели.

— Иди домой, Оречка, больше этот изверг тебя и пальцем не коснется.

— Иозеф! Вы что делаете! Не надо! Они хорошие! — Орели начала протестовать, когда с наших шей сорвали амулеты накопители.

— Плохие они, Оречка. Кровопийцы. Голову тебе запудрили, — сказал кузнец.

— Точно, точно! Этот, как его, синдром Стока и Гольма. Мне знахарка рассказывала, — влез один из его подручных.

— Да вы у меня как сыр в масле катались! Я даже до смерти

не запорол никого! — Возмутился я.

Вместо ответа кузнец двинул мне в грудь молотом. Я слегка повернулся, пропуская удар по касательной, одновременно щепотью ударил в подмышку, а затем, когда кузнеца с парализованной рукой понесло вперед, добавил ударом ребра ладони по шее. И тут же нанес удар ногой по боковой поверхности колена одного из его подручных. Что-то хрустнуло, и тот взвыл.

— Беги бистаа! Приведи Густа… — только и успел произнести я, когда меня приложили чем-то тяжелым по затылку, и я потерял сознание.

* * *

Пробуждение было крайне неприятным. Было холодно. Меня окружала непроглядная темнота. Затылок болел адски. На этом фоне боль в ребрах и отбитой спине казалась не столь страшной. Я протянул руку пытаясь найти опору, чтобы сесть и наткнулся во что-то мягкое.

— Очень польщена, Петер, что я интересна вам как женщина, даже в этот тяжелый для вас момент, — приторно сказала Асанте, убирая мою руку со своей груди. — Но все же, здесь не место и не время…

Со стоном мне удалось сесть. Тут же появилось головокружение.

— Отставить сарказм, юнкер Вильянуэва. Где мы?

— В подвале усадьбы, господин оберст. — ответил за нее Карл. — Как вы чувствуете себя?

— Догадайтесь, Карл! — я попытался встать, и тут же взвыл от боли в ноге. — Меня сильно били? Долго я без сознания валялся?

— Несколько часов, — произнес Карл. — По моим расчетам сейчас должна быть ночь. Было слишком много желающих вас убить, и они подрались между собой. Поэтому до вас дело толком не дошло. Скажите, господин оберст, где вы научились так драться? Если бы не подлый удар со спины, то вы бы могли их победить!

— Тесть научил. Он из клана Ивадзари, купец из-за океана. Пытался приобщить меня к традициям своей страны. Поговаривают, что в нем течет кровь дроу… — мои зубы уже стучали от холода, пробиравшего до костей. — Вам не холодно?

— Поразительно! Эти приемы надо обязательно ввести в курс офицерской подготовки! Спасибо за заботу, господин оберст. У

нас есть одеяло!

Я зарычал и перекатился в их направлении. Побить я их не мог. Руки слушались меня несильно лучше ног… Но укусить я еще был способен.

Мы кое-как расположились на досках в углу, прижавшись друг к другу, чтобы сохранить тепло.

— И что с нами собираются сделать эти инсургенты? — спросил я. — Не хотелось бы быть повешенным на рассвете…

— Они собирались отдать вас за выкуп. Ну и нас за компанию. Я удивлен, что такая прагматичная идея пришла им в голову, — ответил Карл.

— Скажи спасибо той четверке на веранде, — фыркнула Асанте, плотнее прижимаясь ко мне. Вот же несносная девчонка!

— Вот, Карл, я же говорил, что вам есть чему поучиться у нее. Да те четверо явно не из холопов. Что и следовало ожидать. Смерды без зачинщиков на такую наглость не способны. Тем более во время посевной.

— Петер! Вы хотите сказать, что это заговор?

— Да, кто-то решил использовать в своих целях хаос, который устраивают посланцы Энлиля. У рейха много врагов…

Мы замолчали. У всех было, о чем подумать. Наощупь я нашел кувшин и отпил воды. Что же, теперь у меня был шанс почувствовать во всех подробностях то, что ждет меня после возвращения в столицу, если оно конечно теперь состоится.

Судя по спокойному дыханию, Карл и Асанте уже спали. Я же еще долго ворочался, пытаясь устроиться удобнее. Так, чтобы отбитые кости не так болели.

* * *

Орели бежала. Сначала она припустила как лиса перед стаей гончих, но уже через десяток минут сбилась на шаг. Немного отдохнув, она взяла более спокойный темп. Ботинки, которые ей дал хозяин лежали в заплечной сумке. Ее ступни не привыкли к глупой, мешавшей бегу и вечно трущей человеческой обуви.

Там же звякали оставшиеся золотые, конфискованные у Ратте. Сбоку был приторочен охотничий посох хозяина. Она понятия не имела, как им пользоваться. Да у нее и амулета накопителя никогда не было. Но крепкая палка под рукой на пустой дороге — это всегда хорошо.

Плащ мешал. Но она знала, что с ней могут сделать люди в городе, если узнают, что она презренная тиерменш. Поэтому же она старалась обходить деревни стороной, накрывая голову

капюшоном. Когда высыпали первые звезды, она остановилась, чтобы попить из колодца.

До Брюгге было уже недалеко, может пару часов пути. Однако Орели никогда не забредала так далеко от поместья одна. Она боялась заблудиться.

Небольшая ямка между корней древнего дуба как нельзя лучше подходила для того что бы лечь там спать. Она расстелила плащ поверх кучи прошлогодних листьев, свернулась калачиком, накрылась своим пушистым хвостом и заснула.

В лесу она чувствовала себя как дома. Ей и в голову не могло прийти, что такая ночевка может быть смертельно опасной. О, для любого человека это была бы очень плохая идея.

Ближе к полуночи, когда луна стояла уже высоко, стая варгов, прошла мимо. Чудовищные волки долго принюхивались к потенциальной добыче. Юные Скольд и Хатти было бросились вперед, но Фенрир, вожак коротким рыком остановил щенков. В бистаа текла та же демонская кровь, что и в них, а волки никогда не убивают своих братьев и сестер. Орели не просыпаясь протянула руку и почесала за ухом третьего щенка — Фрею, нюхавшую спящую тиерменш. И они ушли. Последние из своего рода на земле империи Таира.

Бесплотный дух приблизился к спящей и начал медленно погружаться в нее. Он давно искал себе тело. Лишь прикоснувшись к ее разуму, он взвыл и загорелся призрачным зеленым пламенем и обрел небытие.

У-и-на-э-наг[15] пришел уже почти на рассвете. Я бы, конечно, для простоты повествования мог бы назвать его вампиром. Но Эанатум не имел ничего общего с молодыми выскочками, щеголявшими в роскошных плащах с красным подбоем. Корявый бородатый старичок в замызганной коричневыми пятнами тунике до колен, чьи глаза светились багровыми углями в темноте. Он не умел растекаться туманом. Он не смог бы зачаровать невинную девушку своим гипнотическим взглядом или превратиться в нетопыря. Зато отражался в зеркале и мог пересечь порог дома без приглашения.

Он был слаб, с точки зрения современников, не знающих в чем заключается истинное могущество. Но, благодаря своему уму, он был немертв до сих пор. За те байки, что он мог бы рассказать про времена расцвета Ки-ури и Ки-эн-ги, профессора кафедры истории Е.И.В. Гора V Академии Магический Искусств, продали бы душу Тиамат… И самое главное — он умел творить волшебство без маны.

Эанатум помнил еще Гильгамеша до его второго рождения. Едва увидев дроу в некрополе Кутал-лу, он сбежал «тропой

теней». После двух сотен лет, проведенных в наказание в гробнице, его терзало любопытство, каким стал мир и, конечно же, Жажда.

Его до сих пор тошнило после того, как он выпил кровь козленка, и бистаа показалась ему идеальной жертвой. Он тихо приблизился, оскалив свои медные клыки. Сладкая, пьянящая кровь полукровки…

Трехметровая полупрозрачная фигура демонессы появилась перед ним. У-и-на-э-наг начал обходить ее по кругу. Дваждырождённым страх не ведом.

— Эанатум ки-сикиле иги-гина му-на-ду[16] — нараспев произнес он. Эта не была новомодная магия, требовавшая хитрых артефактов и доступная любой кухарке. Это было настоящее волшебство. Чудо.

Фантом плавился, меняя очертания. Вскоре перед ним стояла смуглая стройная женщина в длинной тунике. Она расширившимися от удивления черными глазами смотрела на свои тонкие изящные руки, как будто видела их впервые. Полные губы, нос с небольшой горбинкой. Каре коротких волос. Ошибиться было невозможно. Эанатум упал на колени.

— Инанна-куг нин-а-ни у-и-на-э-наг ур-мезе му-на[17] — прошептал он. Затем поднялся и взошел на тропу теней. Эту новость надо было сообщить Гильгамешу. Он заслужит, наконец, прощение за свой давний проступок!

* * *

— Тиерменш — унтерменш! Убирайся из города! — мальчишки кидали в нее комки грязи. К счастью им под руку не попались камни. Орели шипела от обиды и продолжала свой путь к управлению Тайной полиции. Порыв ветра совсем некстати сорвал капюшон с ее головы…

Прохожие оглядывались на странницу кто с брезгливостью, кто с отвращением, а кто-то и с любопытством. Мальчишки отстали только на площади перед магистратом, когда Орели начала стучатся в ворота.

Фельдфебель, один из охранявших меня до того, открыл ей калитку, не задавая лишних вопросов. Де Фризз тренировался во дворе. Она направилась к нему.

— Господин Вильгельм! Петеру срочно нужна помощь! Вы не знаете где господин Шрейбе?

— Пойдем, — он положил свой двуручник на козлы. — Что произошло?

Пока они поднимались на третий, долгое время пустовавший этаж магистрата, где временно расположился гауптман, Орели рассказывала. Вильгельм все больше мрачнел.

— Герр гауптман! — постучался он в дверь.

— Я занят, — раздалось из-за нее.

— Это срочно, герр гауптман! Новости от Петера фон Краузе! — дверь распахнулась.

— А, бистаа! Что там с твоим хозяином?

Пока Орели рассказывала, гауптман задумчиво смотрел в потолок. Часть его проблем решилась. Помогать мне — означало получить врага в лице Йоффе, и поставить свою жизнь под удар. С другой стороны, отказывать, таким образом мешая расследованию имперского судьи, тоже было опасно. Но сейчас ему, кажется, все-таки удастся усидеть на двух стульях!

— У меня нет времени сейчас! Повстанцы грабят амбары герра Шмидта в деревнях. У меня уже три пропавших дворянина. Пока я не получу подкрепление из Фридрихсбурга я ничего не смогу сделать. Убирайся бистаа с моих глаз!

Орели была готова заплакать от обиды. Она хотела выбежать, но вспомнила один из разговоров, который вел ее хозяин с Асанте.

— У меня есть золото! Вот! Вы же его любите! Возьмите! Она открыла сумку, достала лежавшие сверху ботинки и протянула ее Густафу. Тот скрипнул зубами и покосился на де Фризза. Чертова бистаа совсем не умела давать взятки… Однако, отказываться от почти семисот золотых — жалования за пять лет службы — он не мог. Особенно сейчас, когда большая часть его сбережений и вещей сгорела.

— Давай сюда! Откуда ты это украла?

— Я не украла! Я спасла! Крестьяне бы забрали себе деньги хозяина!

— Де Фризз! Под замок воровку, до выяснения! За попытку подкупа должностного лица. — От бистаа Густаф решил избавиться. Не было ее и все. Не добежала. И денег не было. И фельдфебель ничего не видел. Сотня золотых зрение затмевает только так! Или полтинника хватит? — Что уставился фельдфебель? В камеру ее!

— Так точно, герр гауптман! — Вильгельм схватил Орели за плечо и дернул за собой, почти волоком вытаскивая упирающуюся и скулящую от злобы, обиды и горя бистаа из комнаты. Едва дверь в кабинет захлопнулась, он наклонился к ней и прошептал на ухо.

— Даже не думай, что я выполню приказ этого мудака. Не сопротивляйся, успокойся. Я знаю, кто нам поможет.

Орели еще пару раз шмыгнула носом, а потом они спустились и вышли во двор. Де Фризз оседлал двух лошадей. Подвел их к воротам.

— Вилли, куда вас несет? — поинтересовался унтер, стоявший на воротах.

— Да вот, у фон Краузе проблемы. Поеду, проверю, — не соврал ни в одном слове Вильгельм.

— Ну, давай! Завтра выходим, Шмидт обещал за рейд по золотому на рыло, помнишь? Уланы из Фиршес-Гаф как раз подойдут.

— Успею.

Они спокойно проехали через город и, миновав заставу на выезде, перешли на рысь.

— Господин де Фризз, а кто нам поможет? — спросила Орели.

— Давай без церемоний, — кинул через плечо вырвавшийся вперед Вильгельм, — Хименес Вильянуэва, конечно же!

Орели резко осадила лошадь. Де Фризз последовал ее примеру.

— Чем я заслужила, что ты издеваешься надо мной! Он же ненавидит меня и хозяина!

— Остынь бистаа! Я тоже тебя не люблю, однако же, вместе едем! У него выбора нет. Там его дочь, а он за нее убить готов, в прямом смысле этого слова. Но это ерунда еще. Он принес тройственную клятву Айзека, как только он узнает, что Петер в беде у него выбора не будет. — Вильгельм подхватил повод из рук тиерменш.

— И что?

— Там второй пункт гласит: «поклявшийся не может причинить вред тому, кому дал клятву или своим бездействием допустить, чтобы этому человеку был причинён вред».

Орели немного успокоилась и тронула лошадь. Клятва казалась ей вполне разумной.

— А первый пункт какой?

— Беспрекословно подчиняться воле императора. — И он снова перешёл на рысь, ведя за собой лошадь Орели.

Через час они оказались в окрестностях поместья, которое отец Асанте снял на это лето. Найти самого дона Вильянуэва было совсем не сложно. Его местоположение с головой выдавал треск молний, взрывы огня и вопли «Ихо де пута! Марикон де мьерда!»[18]

* * *

День для Хименеса не задался с утра. Для начала ему подали подкисшее молоко. Потом выяснилось, что на его любимой сабле появилась выщерблина после тренировки. А затем уже в конюшне он увидел, что у его скакуна началась копытная гниль.

Так что несколько десятков крестьян с кольями, вилами и топорами, пришедших с воплями «Дворян на виселицу!» и «Свободу крестьянам!» совсем его не расстроили. И уж тем более не напугали. Наоборот, его уста тронула нежная, ностальгическая улыбка. Глядя на его невозмутимость толпа затормозила. Как шакалы, они боялись напасть. Только брехали.

Хименес мягко проложил руку на рукоять сабли подаренной ему фельдмаршалом Альбрехтом Венцелем фон Валленштейном. Со свистом три фута отточенной стали рассекли воздух. Много лет магическая энергия в клинке ждала выхода и, наконец, нашла его.

Цепная молния по Кетте-Блитцу убила добрый десяток холопов, еще столько же лежали оглушенными или вопили от боли ожогов. Хименес по привычке ушел перекатом в сторону, спрятавшись за бочкой с водой, как всегда делал после применения привлекающей внимание магии на поле боя. Это спасло ему жизнь. Два разорвавшихся огненных шара лишь опалили ему усы и эспаньолку. Воспользовавшись клубами пыли и дыма после взрывов, он скрылся за углом конюшни, на ходу кинув уже с руки молнию в молодчика со штурмовым посохом.

Крестьяне частью разбежались, а часть мрачно смотрела на убитых. Один маг остался во дворе, чтобы оказать медицинскую помощь. С его точки зрения все прошло отлично. Такой бойни чернь не простит и не забудет.

Сейчас вместе с тремя своими престарелыми слугами, бывшими унтер-офицерами его эскадрона, а потом и полка, Хименес отступал по лесу вдоль дороги. Сражаться на открытой местности против пятерки противников боевыми и защитными артефактами возможности не было никакой. Периодически отстреливаясь магическими стрелами и молниями, они отступали от поместья по перелеску.

* * *

— Стой здесь. — Сказал Орели Вильгельм, скидывая двуручник с плеча.

В «Корсарах» их учили многому. В том числе и творческому применению чар. Так «Хождение по воде» вполне могло покалечить прыгнувшего в воду беглеца. Лекарское «прозрение

Иксрея» подходило для тихого и незаметного убийства во время переговоров, а «Зомбификация» позволяла мясу долго не портится… И сейчас, окутав копыта лошади «Тишиной», так любимой при конфиденциальных беседах, он галопом устремился на поливавших огнем лесок волшебников.

Те обернулись только когда почувствовали вибрацию земли под ногами, но было поздно. Усиленный волшебством удар разрубил сразу двоих стоявших рядом магов. Еще одного сбил с ног конь. Остальные двое попытались бежать, но потеря концентрации на защитной магии дорого им стоила. Пара точных выстрелов из кустов опрокинула их на землю.

— Вот уж кого не ожидал увидеть, так это вас. — Хименес поднялся из-за коряги. Его слуги показались из-за кустов и стволов берез. Вид всадника в кирасе и уставном пикельхельме успокоил их.

— Рад служить вам господин ротмистр. Но мы прибыли по делу. — Начал Вильгельм. Орели с опаской подъехала поближе. — Оберсту Краузе срочно нужна помощь. Такие же ублюдки как эти захватили его в плен. С ним ваша дочь.

Хименес слушал де Фризза лишь краем уха. Он широкими шагами подошел единственному оставшемуся в живых врагу, зажимавшему свой наполовину выпотрошенный живот. Он наступил каблуком на рану.

— Ты же не из местных. И вообще не из крепостных. Кто прислал тебя? — спросил Хименес. Ответом ему был только крик боли. Тогда дон нажал еще сильнее. — Эльфы? — удар ногой — Гномы? — еще удар, повеяло магией. Орели отвернулась не в силах смотреть. — КТО?

Ослабший от боли и потери крови разум пленного не мог сопротивляться.

— Герцог… — с кровью вылетело слово изо рта раненого.

— Хороший мальчик! — улыбнулся Хименес. Он присел на колено и коротким ударом кинжала в сердце добил пленного. — Заслужил. И сапог почти не запачкал мне…

Затем он пристально смотрел на Орели.

— Бистаа. Ты жива до сих пор только потому, что я боюсь покалечить лошадь под тобой.

— А вы, потому что я привела подмогу! — Орели зябко поежилась от взгляда ротмистра в отставке, но не отвернулась. Пламя начало разгораться в ее глазах. — Спаси моего хозяина, и я не прирежу тебя ночью за Херес-де-ла-Фронтьера.

— Достойный ответ! — Хименес захохотал. — Не боишься, уважаю.

Они забрали у мертвецов полупустые амулеты-накопители и

оружие. Уже вшестером они вернулись в полуразгромленное поместье. В усадьбе занимался пожар. Крестьяне при виде них пустились врассыпную. Хименес, воспользовавшись кругом защиты от стихий, вытащил из дома шкатулку с документами и деньгам. По его приказу слуги вывели трех лошадей и захватили с собой еды и фуража на пару дней. Дон Вильянуэва спешил на помощь дочери. По своей кавалерийской привычке он хотел решить все с наскока.

Однако в этот раз подобная тактика не могла сработать. Лишь чудом они не напоролись на пикет охранявший дорогу между Брюгге и Альтмарком, располагавшимся в герцогстве Виттельбах. Дальше им пришлось идти лесом, по широкой дуге огибая деревни. К поместью фон Краузе они в результате добрались поздно вечером. Кони устали и сбили ноги. От преследования уйти они бы не смогли.

Поместье фон Краузе напоминало собой осиное гнездо. Когда Орели провела их тайной тропинкой, в обход весьма безграмотно выставленных постов, у Хименеса отпало последнее желание идти на штурм. Во дворе стояла толпа в добрую сотню человек. Сержант, не потрудившийся снять форму гвардейца герцога, показывал, как правильно пользоваться Schuetzenstabb M98[19]. Рядом с ним на колоде лежала кучка простеньких амулетов-накопителей. Длинные ящики с маркировкой гарнизона Альтмарка видимо содержали в себе запас оружия.

Дон Вильянуэва выругался. Нападать в лоб на такую толпу, да еще и с неизвестным количеством магов было смерти подобно. Нужен был план получше. Они отступили глубже в лес и разбили лагерь.

Ночь вступала в свои права. Похолодало. Ротмистр протянул руки к яме, в которой горел костер.

— Фризз, гауптман Шрейбе точно не поможет?

— Нет, Хименес, он, похоже, решил слить Краузе, после того, как кто-то применил огонь Харма. Этот ублюдок окончательно свихнулся от страха за свою шкуру и деньги. Завтра он вместе с жандармами, половиной эскадрона улан и взводом из гарнизона Брюгге поедет наводить порядок на полях герра Шмидта. И если там происходит то же самое, что мы видели в поместье оберста, то я сильно сомневаюсь, что они вернутся.

Вильянуэва мрачно кивнул. Участие сил Виттельбаха превращало эту поездку из показательной порки в боевую операцию, к которой гауптман был, безусловно, не готов.

— Можно попробовать атаковать ночью, — явно колеблясь, предложил де Фризз после паузы, — но мы даже не знаем, где они держат пленников, да и вообще здесь ли они остались или их

перевезли. Для начала надо взять языка.

— У меня есть идея получше. Бистаа! — дон окликнул Орели, которая выкопала себе ямку в хвое и устраивалась спать, — Они тебя отпустили сами? Я правильно понял, что местные смерды к тебе хорошо относятся?

— Да.

— Значит, завтра ты пойдешь к ним и все узнаешь. Где пленников держат, и что планируют с ними делать. Тогда и будем думать.

* * *

Тридцать лет назад, после того как Хэсс Великий, первый за почти тысячу лет живой владыка единого Ки-эн-ги, пал, совет личей поспешил подписать акт о капитуляции. Согласно ему, нежить впадала в спячку. Дваждырождённые, как они себя называли, ведь смерть для них была вторым появлением на свет, не колеблясь, подписали условия. Что-что, а ждать они умели. Тем более, что кайзера внушавшего такой страх и уважение через две сотни лет в живых уже не будет.

Чтобы обезопасить свои земли от вторжения дышащих, личи провели ритуал, убивший все живое на их земле. Это обстоятельство напрочь отбивало желание покопаться в спящих городах-гробницах у охотников за сокровищами.

Недельный марш по выжженной пустыне и мертвым лесам Ки-эн-ги стоил жизни почти полусотне солдат и одному инквизитору. Праздношатающиеся гули и вампиры из проснувшегося некрополя собрали свою дань. Было удивительно, что корпус не встретил организованного сопротивления, и это заставило кайзера задуматься.

По занесенным пылью и песком улицам некрополя Кутал-лу гулял ветер. Светлое время суток нежить предпочитала пережидать в темноте обширных подземелий. Строения на поверхности были лишь вершиной айсберга.

Пологий коридор привел их на глубину почти в сотню метров под землей. Бригаденквизиторам[20] пришлось попотеть, взламывая запечатанную защитными чарами каменную плиту, закрывавшую вход в сердце некрополя Кутал-лу. Изредка до них доносились отголоски взрывов на верхних уровнях, где солдаты при поддержке магиерваффе и инквизиции проводили зачистку. Наконец темная магия была развеяна и гранит, повинуясь мановению длани кайзера Гора, обратился в прах.

Тронная зала была огромна. С потолка через световые шахты

проникали лучи полуденного солнца. Пылинки, витавшие в воздухе, превращались в звезды, оказавшись в потоке света. Песок покрывал пол, грубо обтёсанный трон из камня и некогда роскошные одежды лича, сидевшего на нем.

Наверное, строители использовали природную пещеру, придав ей впоследствии очертания правильного тетраэдра. Хотя, учитывая, что возводила эту твердыню нежить, помещение могли вырубить в известняке с нуля. Трудозатраты зомби-рабочих для некромантов никогда не играли никакой роли.

Когда Гор в сопровождении двух бригаденквизиторов в полных доспехах с двуручными топорами вошел в зал, мумия дернулась и подняла голову, уставившись на живых пустыми глазницами. Сам кайзер был в своем обычном черном камзоле ДД с имперским венком на рукаве. Сокол, сидевший на его плече, посмотрел на лича, слегка наклонив голову набок.

— Ир-нам-тиль лугаль Кутал-ла-ки…[21] — начал говорить кайзер, широкими шагами приближаясь к немертвому. Магия разносила его речь по всей пещере. Облака праха поднимались от каждого его шага.

— Говори лучше на своем варварском наречье, — сварливо проскрипел лич, — твой акцент чудовищен, и даже в этом коротком словосочетании ты умудрился сделать две грамматические ошибки. Зачем ты разбудил меня? Что тебе надо, лугаль смертных?

— Ваш совет дал слово. Вы отправляетесь в спячку на двести лет по условиям капитуляции. Ты нарушил договор. Я сотру твой разум и изгоню то, что останется от твоей души.

Волна магии прокатилась по залу и потянулась дальше на верхние уровни после слов Гора. Жестом кайзер остановил инквизиторов готовых разрядить заклятья, висевшие на кончиках их пальцев. Лич замер. Он ждал ответа от призраков-наблюдателей.

— Не моя вина, что думу-гиг вторглись в мои земли, — спустя почти минуту молчания ответил лич, — Своей магией они разбудили гештуг ну-н-меш. Они наполнили кровью склепы вечно голодных у-и-на-э-наг. Но бестелесные стражи не заметили угрозы в их действиях. Не стали будить меня. Уходи смертный. Я упокою свой город. Я чту договор. Уходи.[22]

Кайзер развернулся и пошел обратно. Инквизиторы еще некоторое время буравили неживого мага своими недоверчивыми взглядами, пока тот осматривал зал, словно ища что-то. Затем последовали за своим повелителем. Гор уже стоял на пороге, когда лич, хрустя засохшей плотью, встал со своего трона.

— Врата в Ниппуре открыты. Дингир-са[23] Бетрезен готов

войти в наш мир снова. Поспеши в свои земли. Твое поражение не нужно мне.

Кайзер вздрогнул, как будто его ударили кнутом, и резко обернулся.

— Ты не ошибся?

— Разве, я, Гильгамеш Многоповидавший, могу ошибиться, когда речь заходит о делах моей возлюбленной госпожи Инанны?

Гор грязно выругался и поспешил по подземному ходу обратно на поверхность. Надо было срочно возвращаться в столицу.

— Вы доверяете ему, ваше величество? — спросил один из инквизиторов на ходу.

— В этом вопросе да. Личи уже однажды были в рабстве у демонов, повторения истории они не хотят.

Кайзеру надо было срочно добраться до границы. Из-за чар, поддерживавших землю Ки-эн-ги в мертвом состоянии, заклинания связи и телепортации в стране некромантов работали из рук вон плохо.

* * *

После встречи с герцогом прошло несколько дней. Эрих с бандой и попаданцами переместился в полуразрушенный замок на границе герцогства. Адлер регулярно получал на свой кристалл связи сводки от шпионов герцога.

На севере уезда крепостные не стали дожидаться возвращения Шарля и разгромили несколько усадеб помещиков. Тайная полиция и жандармы, было, сунулись к повстанцам, однако попали на дороге в засаду и, потеряв нескольких человек, бежали обратно в Брюгге. Армейский гарнизон в городе пока не предпринимал никаких действий, ожидая приказа из Фридрихсбурга, который из-за отсутствия магической связи задерживался. К тому же на дороги вышли несколько отрядов переодетых гвардейцев Виттельбаха. Их целью был перехват курьеров. Конечно, долго так продолжаться не могло, но некоторую фору по времени, благодаря этим действиям Шарль получил.

По приказу Майнарда Виттельбаха этим утром прибыли «добровольцы». С ними приехало два десятка профессиональных магов-офицеров и обоз с каким-то примитивным холодным оружием, и едой.

Что это за «добровольцы» было ясно с первого взгляда. Худые, со следами от кандалов, одетые в какие-то обноски бывшие

заключенные вели себя откровенно нагло и по-хамски. Офицеры герцога старались держаться от амнистированных подальше. Не от страха, конечно же, от брезгливости.

Сначала наладить контакт попробовал Шарль, произнеся зажигательную, как он думал, речь о великой миссии и построении справедливого общества. Каторжане сначала боязливо посматривали на своих надзирателей-гвардейцев, стоявших неподалеку, но потом начали откровенно смеяться и издеваться над магом воды.

Тогда Хеби грустно вздохнула.

— Дай, я их воодушевлю. У меня лучше получится, — сказала она. — А ты иди, стратегию там планируй и все такое…

— Ну, попробуй, — с сомнением сказал Шарль и удалился со двора замка обратно в покои.

Сейчас Шарль вместе с Василием и Эрихом внимательно изучали карты, которые передали им по приказу герцога. Друид рефлекторно прикасался к бумаге и раздвигал пальцы, пытаясь увеличить масштаб, и тут же отдергивал руку. Использование примитивной технологии его бесило.

Уезд Брюгге провинции Фридрихсланд вклинивался между территорией Виттельбаха и хребтом Кур-Саг, за высокими горами которого на берегах глубоко вдававшегося в сушу залива располагались континентальные эльфийские владения.

— Черт, как все сложно! — выругался Василий. — Почему в реальности нельзя как в игре выделить солдат рамкой и послать в атаку… Обозы еще эти, кормить их…

— Привыкай. Значит так. Эрих, со своими и сотней «добровольцев» останетесь вот здесь. Ваша цель занять дорогу к столице провинции. Если что, то в бой не ввязывайтесь. Умелых магов мало, да и артефактов у вас серьезных нет. Будет достаточно, если вы заблокируете сообщение. — Эрих согласно кивнул. Место для заставы Шарль выбрал неплохое. Достаточно безлюдный участок дороги, зажатый между озером и холмами, переходившими в предгорья. Обойти его было почти невозможно. Если только воспользоваться объездной дорогой идущей по территории герцогства. Но, там не стесняясь будут действовать гвардейцы герцога. — А мы с оставшимися тремя сотнями двинемся сначала на форт Фришес-Гаф, — Шарль ткнул пальцем в точку, где располагалась небольшая крепость.

Захват Фришес-Гафа был основным элементом стратегии. Там располагались старые, еще времен войны с нежитью и демонами арсеналы с боевыми артефактами и оружием. Тамошних запасов могло бы хватить на целую армию. Народно-освободительную армию. Благо вопрос с обеспечением маны

Майнард обещал уладить.

Из открытого окна раздался взрыв. С потолочных балок посыпалась пыль. Взрыву последовал крик боли и хриплый голос матерящейся Хеби. Эрих от неожиданности слегка присел. Шарль и Василий только вздохнули. Полурослица продолжала воспитательную работу с «добровольцами».

Через несколько минут довольная собой хоббитка вошла в комнату.

— Ну, все, пару клешней, что эти ублюдки ко мне тянули, я сломала. Плюс десяток получили легкие ожоги, надумали, понимаешь, меня недоделанной называть! Теперь эти суки у меня будут знать, куда попали. Эрих, я твоих сержантами поставила, им хоть как-то доверять можно.

Атаман кивнул. Среди прибывших он видел и знакомые лица. У Эриха была достаточно известная репутация отчаянного парня, не боявшегося иметь дело ни с жандармами, ни с тайной полицией. Был шанс, что этот сброд разбежится не сразу. Он выглянул в окно. Правильный квадрат из бывших заключенных продолжал стоять по стойке смирно, повинуясь последнему приказу Хеби.

— Да, чуть не забыла! — мико высунулась из окна рядом с атаманом и гаркнула, — Вольно! Разойтись!

* * *

Пару раз в день нам приносили хлеб, воду, и выносили ведро с нечистотами. Большую часть времени я спал, слушал истории Асанте, терпел ее лечебный массаж и занудные рассказы Карла. Я уже грешным делом подумал, что главари мятежников про нас забыли. Но нет…

На третий день заключения в наш подвал спустились двое крепких парней и, молча взяв меня под руки, достали на свет божий. Ноги работали еще не очень хорошо. Меня скорее дотащили, чем довели до моего же кабинета на втором этаже.

В кабинете меня ждал человек в простой штатской одежде. Так мог бы одеться горожанин перед прогулкой на природу. Он стоял у окна. Мельком я увидел, как ополченцы тренируются в стрельбе. Около конюшни стояла Орели. Я горестно вздохнул, конечно, нельзя было надеяться на бистаа. А вообще неплохо у них со снабжением подумал я. Оперативно покровители посылочку доставили. Меня отпустили и, чтобы не упасть, я схватился за кресло, щуря глаза, отвыкшие от дневного света.

— Иштар меня сохрани, какие же они идиоты! — наконец

выдал мой визави и повернулся ко мне. — Имя?

— Обычно, представляются сначала гости.

В ответ я получил тяжелый взгляд из-под массивных надбровных дуг.

— Имя!

— А, вы намекаете, что теперь я гость в этом доме? Понимаю. Барон Петер фон Краузе, оберст, интендант гарнизона Таирбурга.

— Отлично, — он позволил себе выдать что-то похожее на улыбку. Примерно так мог бы улыбаться камень. — Вы нам пригодитесь. Я временный командующий народной армией Карл Либкнехт. Вы будете сотрудничать?

— Конечно, да. Мне, знаете ли, жизнь дорога, да и разум с телом хотелось бы целым сохранить. Вы же все равно свое получите не магией так пытками…

— Хорошо это сэкономит время. Цель вашего пребывания здесь?

— Исполнение меры пресечения в виде домашнего ареста. Я под следствием, знаете ли…

— Убийство? Дуэль? — живо поинтересовался Либкнехт.

— Никак нет-с. Проворовался.

Интерес, сменился презрением.

— Что за офицеры ДД с вами?

— Карл Морсер, лейтенант Тайной полиции, мой надзирающий маг-криминалист, месяц как из Академии только, и Асанте Вильянуэва, моя любовница, дочь соседа, господина Хименеса, — я догадывался, что за членство в ДД ничего хорошего Асанте и Карлу не светит, и пытался хоть немного выгородить их.

— Почему она в мундире ДД?

— Я люблю ролевые игры.

— Вы лжете. Я уже достаточно слышал, про ваши противоестественные наклонности к тиерменш!

— Одно другому не мешает. Нет предела человеческой фантазии, герр Либкнехт, — сказал я отвратительно хихикая. Я надеялся, что получилось достаточно мерзко, чтобы командующий не захотел продолжать разговор и похоже угадал.

— Ублюдок. Типичный представитель гниющей верхушки рейха. Ну, ничего. Мы это скоро исправим… — процедил под нос Карл. Он начал рассматривать карту провинции, лежавшую перед ним. — Вы отправитесь в штаб через пару дней. Там решат, как с вами быть. Информация о том, как организована оборона и снабжение столицы будет полезна. Уведите его с глаз моих! — скомандовал Карл. И продолжил планирование операции по захвату Брюгге.

— Позвольте маленькую просьбу? Я могу надеяться на прогулку? — спросил я. Либкнехт окинул меня взглядом. Убедившись, что бежать я не смогу сказал:

— Десять минут. Выведите его.

В дверях я обернулся.

— Оберст Либкнехт, — Командующий резко поднял голову от карты, — позвольте совет, вы вот командующий «народной» армии, а сабля у вас, офицерская, именная, от герцога Виттельбаха полученная. Непорядок… попроще бы себе чего нашли… — сказал я не сдержавшись. И похромал под присмотром дальше по коридору.

Орели была все там же, рядом с ней стоял кузнец, который пытался меня ударить. Его рука висела на перевязи. Я довольно улыбнулся. Когда тесть показал на мне этот прием, я неделю ходил так, а ведь меня лечили лучшие маги!

Я обошел двор, стараясь приблизиться к ней, не подставляясь под огонь тренирующихся стрелков.

— Ну что, довольна предательством? — спросил я у бистаа. Мне показалось, что она сейчас заплачет. Это заметил и кузнец. Он и ответил за нее.

— Вот я б тебя сейчас прибил бы, если ты командующему нужен не был! Почто Оречку обижаешь?

Орели шмыгнула носом и, обращаясь вроде к нему, но глядя мне в глаза, произнесла:

— Не прибил бы. Его Вильянуэва тот бешенный убить не смог, что вчера в своем поместье на пару с де Фриззом резню устроил и от революционного суда сбежал.

Я с трудом подавил улыбку. Значит, все же выполнила приказ. Пускай не так как я хотел, но может на то были причины.

— Ты кузнец, на меня хлебало не разевай. Меня через пару дней в штаб повезут, а там уж я договорюсь, что бы тебя за дерзость запороли. — Я смотрел на Орели, когда говорил это. Она в ответ улыбнулась и сдержано кивнула. Кузнец разразился потоком брани и мои сопровождающие потянули меня обратно в подвал от греха подальше.

Асанте и Карла тоже допросили. Но показания мы уже успели согласовать. Посадить нас в одну камеру было чудовищно непрофессиональным поступком.

Послабление нашего режима, после беседы с Либкнехтом состояло в том, что нам дали свечу и еще пару одеял. Я бы хотел их обрадовать, новостью о том, что нас, скорее всего, попытаются спасти, но боялся, что нас все же могли подслушать.

* * *

Гильгамеш медленно брел по темным подземельям уру-ки-мах[24] Кутал-лу. Тишина и покой наконец воцарились в этих мрачных переходах и залах. Тишина и покой, которых так долго ждал древний лич.

С неразумными гештуг ну-н-меш он не церемонился. Упокаивать их по всем правилам было слишком долго, и он просто превратил всех, до кого могла дотянуться его магия в прах. Не велика потеря. В запасниках было достаточно подготовленных трупов.

С у-и-на-э-наг и вампирами было сложнее. Свободолюбивые вечно голодные гордецы не спешили к своему господину, пока его Зов не стал причинять боль. Только тогда они начали возвращаться к саркофагам и обустраиваться там, чтобы продолжить сон. Некоторых все еще не хватало. Юнцы ушли слишком далеко, ведомые мечтой о независимом вампирском царстве, но это были их проблемы. Если они не вернутся, чтобы получить наказание к Гильгамешу, то получат наказание от инквизиции смертных. И гораздо более суровое.

Лич, шурша одеянием, проходил мимо фамильных склепов, запоминая отсутствующих. Он дошел до тупика, где лежали Древние и увидел сдвинутую крышку на саркофаге Эанатума. Бывший друг, после второго рождения у Гильгамеша друзей больше не было, решил нарушить свою епитимию и сбежал вместе с молодыми дураками. Если бы лич был человеком, то, наверное, он бы грустно вздохнул, но бессмертный эмоций не испытывал. Он только отметил отсутствие еще одного у-и-на-э-наг в своей бездонной памяти и направился обратно в тронный зал.

Эанатума он увидел сидящим на своем троне.

— Это место не для тебя. Вернись в свой склеп, жаждущий. До конца твоего сна еще триста пятьдесят лет.

— Ты не простишь? Ну не знал я, что все так получится, когда Хэссу тот том призыва подкинул. Ты не решился. Никто не решился. Я сам не умею. А он попытался…

— Это решение совета. Твое наказание ждет тебя, благодари, что тебя не развеяли прахом! Я не пытался потому, что знал, чем это может закончиться. Как собственно и произошло. Хэсс чуть не погубил мир. Мы не вернем нашу Нин Энлиль-гим нам тар-тар-ре.[25]

Старик поднялся с трона и направился к личу улыбаясь своей пастью полной позеленевших медных зубов.

— Она здесь, Многоповидавший. Без сил, без памяти, в чужом теле, с покалеченной Бетрезеном душой. Но она здесь. Я встретил ее. И еще одну интересную четвёрку. Я думаю, тебе будет

интересно узнать, что Энлиль все еще помнит про наш мир.

— Дай мне память!

Лич протянул руку и положил свою иссохшую кисть на лоб подошедшего Эанатума и тут же отдернул ее. Древний вампир поморщился. Гильгамеш на долгие часы замер в неподвижности. Духи посланники и разведчики еле ощутимым ветром влетали и вылетали из зала.

За это время Эанатум несколько раз обошел тронный зал по периметру. Выпил разбавленной вином и маковым соком крови девственницы из засушенной тыквы висящей на поясе. Несмотря на спешку, отказать себе в небольшом баловстве в пограничной деревеньке он не смог. Захмелев, он начертал на пыли, покрывавшей пол, несколько неприличных стишков клинописью. Наступало утро. Он задремал.

Его разбудил хруст шейных позвонков лича, который, задрав голову, смотрел на потолок залы.

— Если бы я знал, что всего через тридцать лет в мир придут одновременно Бетрезен и посланники Создателя… Да, сто метров это слишком мало. Надо переместить трон на дно шахт. Думаю, поллиги камня смогут защитить меня от грядущих бедствий.

— Ир-нам-тиль! — Эанатум смотрел на Гильгамеша обескуражено, — ты не поднимешь Совет? Разве мы не пойдем войной на дышащих во имя спасения нашей Госпожи?

— Конечно, нет! Я мог бы дать ей тело. Но исцелить ее разум по силам лишь лугалю смертных. Я видел его, богоравного. Мое решение после битвы при Кадингирра оправдало себя. Но никто не поверит в нашу добрую волю, если мы нарушим договор. А касаемо Совета… Что для них Инанна? Всего лишь память о былом величии, они не знают ее живой… Нет. Я освобождаю тебя от наказания и назначаю новое. Найди Гора и покажи ему все то, что показал мне. Он поймет. После этого ты будешь обеспечивать безопасность Госпожи.

— Ты хочешь моей погибели, посылая меня в гнездо инквизиции… — вздохнул Эанатум притворно. Он уже прикидывал, как будет пробираться в палатку к императору.

* * *

Я с Карлом и Асанте стоял на дворе и смотрел, как разгружают почтовый дилижанс, запряженный шестью лошадьми. Карету охраняла четверка всадников. Повстанцам подвезли еще одну партию оружия. Связанные руки за спиной неприятно ныли. Оставалось только надеяться, что нас освободят до того, как

начнется гангрена. Орели все дни нашего плена ошивалась рядом с поместьем. Нам удавалось пару раз перекинуться словами при прогулках.

Сегодня она убежала, почти сразу, как только увидела, как нас выводят из подвала и готовят к перевозке. Ошибиться бистаа не могла. Оберст Карл Либкнехт (он таки признался, что я угадал его чин) весьма громогласно вещал про свою радость от того, что ему больше не придётся смотреть на мою поганую рожу. Я же выражал ему полную взаимность. Правда, про себя, от греха подальше.

Наконец ящики были выгружены, и нас посадили в пустую карету. Свет пробивался через небольшие оконца под потолком. Карл и Асанте уселись у стены. Они были испуганы, причем гораздо меньше, чем я. Они ждали новой череды допросов, возможно Карлу светило длительное заключение. Мне-то в этом плане ничего особо не угрожало, я был кладезь ценной информации о реальном состоянии обороны столицы. Я боялся другого, что скоро, человек, который меня ненавидит, будет пытаться меня спасти. И это спасение может пройти… по-всякому.

— Карл, Асанте, ложитесь как я на пол и не поднимайтесь, — в полголоса сказал я. Карл послушался сразу.

— Зачем, Петер? — Асанте нехотя улеглась на пыльные доски. Она уже освободилась от веревок и сейчас развязывала путы Карла.

— В дороге может многое случится, — подмигнул я ей.

«Многое» случилось, когда мы проехали всего минут двадцать. Должен отметить Вильянуэва был предельно аккуратен. Я услышал сначала несколько глухих чавкающий ударов, которые обычно издает магическая стрела, входящая в тело. Затем раздался треск молнии, который уж точно сложно было с чем-то перепутать. Стук копыт затих. Карета остановилась. Железо ударило по железу, дверца кареты жалостно хрустнула, когда Вильгельм своим двуручником сбил замок.

Мы быстро выскочили наружу. Двое мужиков деловито скидывали трупы сопровождавших карету гвардейцев и кучера в овраг.

— Дон Вильянуэва, я так рад вас видеть!

— Не могу ответить взаимностью, — буркнул Хименес. — Дочь, ты цела?

— Да. — Асанте старалась не смотреть на него. Видимо, быть благодарной отцу для нее было непривычно.

Лошадей распрягли. Пустой дилижанс отправился туда же, к трупам в овраг. Из кустов выбежала Орели, маша руками. С

севера приближался обоз. Мы залезли в седла и двинулись к Брюгге.

Ехали мы нагло, небыстрой рысью. Де Фризз латал меня на ходу магией как мог, но двигаться галопом было выше моих сил.

Один раз нам попался патруль мужичья с арбалетами и парой боевых артефактов. Увидев наши мундиры, они начали кричать что-то невразумительное и даже выпустили пару болтов. Хименес без предупреждений разрядил в них цепную молнию из своей именной сабли, убив четверых на месте. Остальные разбежались по кустам.

Следующий раз нас попытались остановить, когда мы проезжали через какую-то безымянную деревеньку. Дорогу нам заступили несколько дедов с вилами и бабы, кричавшие что-то про кровопийц-аристократов, выпивших все соки у народа, и оборотней в погонах. Их упреки были абсолютно беспочвенны. Стоял ясный солнечный день, и упрекать нас в вампиризме и ликантропии было настоящим идиотизмом. Вильянуэва опять потянул клинок из ножен, но я остановил его и разрядил перед ними в землю огненный шар из посоха. Как ни странно, холопы не разбежались, а только отошли с дороги, пропуская, и провожали нас ненавидящими взглядами.

Я начинал догадываться, почему Асанте так относилась к своему отцу. Этот человек абсолютно не умел дозировать насилие.

После полудня мы перекусили на берегу небольшой речушки и напоили лошадей. Я присел на траву и, постепенно зверея, выслушал рассказ Орели о встрече с Густафом с лаконичными уточнениями Вильгельма. Обдумывание планов мести было саботировано на корню, когда бистаа нагло положила голову мне на колени, намекая, что ее надо почесать за ухом. Я хотел прогнать ее, но потом подумал, но она все же заслужила. Да и позлить лишний раз дона Вильянуэва не мешало.

Хименес же демонстративно отвернулся и продолжил шепотом обсуждать, что-то со своей дочерью. Когда Асанте отошла, сгорбленная спина и поникшие плечи дона подсказали мне, что свою битву за дочь он окончательно проиграл. Как же хорошо, что у меня нет официальных детей! Бастарды не в счет. Столько проблем и нервов. Да и я думаю, что как только решился бы вопрос с наследованием титула, клан моей жены нашел, как от меня избавится.

Асанте между тем подошла ко мне.

— Петер… Вы многое рассказали мне про свою жизнь, пока мы сидели в подвале, — начала она издалека.

— Да. Чего уж стесняться. Это скоро все равно станет

общественным достоянием, — буркнул я. — Как только рейхсинспектор По получит мою посылку.

— Я понимаю, что вы сейчас не тот человек, с которым мне бы следовало быть рядом, это может повредить моей карьере, но, я надеюсь, вы не будете против, если я пока останусь в вашей команде? — Асанте очень серьёзно смотрела на меня. В глазах подошедшего Карла читался тот же невысказанный вопрос.

— А не боитесь, что если вы останетесь со мной, то будете соучастником покушения на убийство? Дайте мне только добраться до этого чертова Шрейбе! И вообще, сначала надо было меня спрашивать, а потом уже отца посылать на все четыре стороны! — Кривая ухмылка де Фризза подсказала мне, что я слишком увлекся. Я убрал руку с груди раскрасневшейся Орели и потянулся. Тиамат меня подери, сколько же у меня уже не было женщины? Надо все же заняться дочкой Вильянуэвы.

— Мое решение никак не зависит от вашего мнения! — резко ответила она.

— Если позволите, герр оберст, — вставил Карл, — то вы, несмотря на все ваши прегрешения, кажетесь мне гораздо более достойным начальником, чем гауптман. И, пока не будет иного приказа, я рассчитываю оставаться с вами. А в случае покушения, я уверен, что вы будете находиться в состоянии аффекта и не осознавать свои действия, — с нажимом сказал Карл. Похоже, предательство Густафа задело даже этого правильного мальчика.

— Вы Вильгельм тоже присоединитесь к нашему кружку заговорщиков?

— А куда мне дезертиру деваться теперь?

— Ну и отлично. Будет кому прикрыть мне спину. По коням. Надо до вечера добраться до города.

Глава 6 в которой происходят две битвы, рейхсинпектор По читает донос, а Эанатум оказывается мертвецки пьян

То, что события уже далеко вышли за пределы понятия «смута» я понял в окрестностях Брюгге. Здесь мы были уже осторожны и старались двигаться перелесками, а не по дорогам. Большой, с полсотни человек отряд мятежников, вставший лагерем на проселке, мы обошли стороной. Хименес рвался в бой, но я запретил. Кто знает, сколько гвардейцев было на этой заставе. В прошлый раз только случайность спасла дона от смерти.

Застава стрелков, чей батальон был расквартирован в городе, располагалась гораздо более грамотно. На дороге в леске сразу за поворотом стояли рогатки, за ними обманчиво расслабленные сидели несколько пехотинцев в зачарованных полудоспехах с алебардами. Остальной взвод, как и положено, на открытое пространство не лез — сидел в укрытии, держа под прицелом окрестности.

Обходить их мы не стали. Велик был шанс нарваться на секрет. Увидев нас, ефрейтор нехотя поднялся с земли и пошел к нам на встречу. Презрительно он окинул нас взором.

— С лошадей слезаем. Оружие на землю. Подорожную в развернутом виде мне.

— Я оберст Петер фон Краузе! Ты как себя с дворянином ведешь! — Рявкнул я. Документов у нас с собой не было. Частью они остались у Либкнехта, остальные сгинули с каретой.

— Я сказал, с лошадей слезаем. Оружие на землю. Документы мне, — занудным голосом повторил пехотинец. — Там разберемся. Последний раз предупреждаю. Вы у арбалетчиков на прицеле.

Де Фризз молча достал из кармана и протянул ефрейтору свою бляху. Солдат с явным трудом сотворил считывающее заклинание. И ухмыльнулся.

— А дезертир… Тебя уж обыскались! Молодец какой, сам пришел. Нас теперь от наряда очередного освободят.

Все складывалось совсем не так, как мы хотели. Не хватало нам еще в карцер попасть. Но, надо признать, в действиях ефрейтора была логика. Мой вид — все еще отекшая физиономия, окровавленная и разодранная одежда — отнюдь не вызывал

доверия. Да и компаньоны мои после недели в лесах и дневной скачки выглядели не лучшим образом. Да, пожалуй, я бы на месте ефрейтора даже говорить бы не стал с такой подозрительной вооруженной компанией! Я сделал знак, и мы начали разоружаться.

Положение спас как ни странно Хименес. Он спрыгнул с лошади и медленно достал из ножен свою именную саблю, а затем протянул ее командиру алебардистов.

— Читай имя. Я за них ручаюсь. Мне ты тоже не поверишь?

Такие ценные награды благодаря хитрой системе чар мог взять в руки только владелец. Солдат внимательно осмотрел клеймо на клинке и поклонился.

— Добро пожаловать, господин ротмистр. Извините, если обидел кого. Тут уже много, кто проехать пытался. И «князь» в лаптях. И пара десятков мужиков с оружием хотели «на ярмарку» проехать… А нам майор фон Мюнхгаузен сказал лишнего никого в город не пускать, мы и выполняем.

— Позвольте, Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен? — влез в разговор я, услышав фамилию одного из самых одиозных персонажей конца войны. Эльф-полукровка, известный маг-экспериментатор, талантливый командир и, говорят, сын самого Видящего Тлейклэлья.

— Он самый, господин оберст. Комендант Фиршес-Гаф. Он после того, как Густаф Шрейбе в засаду попал, приказал заставы выставить и за помощью во Фридрихсбург послал.

— Так, так, так. Давай-ка по подробнее. — Мне хотелось заранее узнать новости, да и отдохнуть перед последним рывком к Брюгге не мешало бы. От целого дня верхом у меня опять заныли ребра, и даже магия Вильгельма уже не помогала.

А новости были достаточно безрадостные. Мятеж, вдохновленный посланцами Энлиля и поддерживаемый герцогством Виттельбах, набирал обороты. И я был не единственным пострадавшим. Многие дворяне бежали, бросив свои пожитки от толп разъяренных холопов, те, что не успели, сейчас сидели в заключении. Пару помещиков их крепостные без разговоров повесили. Так что мне еще повезло.

Однако, вместо того что бы защитить основу и гордость империи, цвет нации, да и всей человеческой расы — таирское дворянство, гауптман тайной государственной полиции пошел на поводу презренного купчишки Шмидта, чьи амбары на удаленных полях были под угрозой разграбления мятежниками. От Шрейбе требовалось малое — обеспечить безопасную погрузку зерна в обоз и его доставку на склады в город.

Для этого Густаф выпросил у коменданта половину эскадрона

улан и прихватил один из пехотных взводов батальона «Брюгге». Платил солдатам он щедро. Да и майору фон Мюнхгаузену наверняка гешефт перепал. Судя по всему, об этой вылазке командование мятежников знало заранее. Не удивлюсь, если сам Гельмут рассказал Карлу Либкнехту о готовящемся походе. Теперь это не узнать. Купца кто-то очень оперативно прикончил в госпитале.

Как бы то ни было, засада была организована очень грамотно. Дорогу колоне перекрыли, обрушив деревья спереди и сзади, и начали из леса расстреливать солдат магией и стрелами. Обороняться на открытой местности не было никакой возможности. Гауптман отдал приказ прорываться в лес, но обочины были загодя украшены противопехотными рунами, да и дальше в кустах стояли обереги-растяжки. Так Густаф Шрейбе умудрился потерять почти сотню человек. Вырвались только часть улан, несколько жандармов и сам гауптман. Пехота полегла вся. Я мог лишь поздравить гвардию герцогства с блестяще проведенной операцией.

После этого майор Мюнхгаузен устроил гауптману разнос и сломал запястье, а затем взял дело подавления мятежа в свои руки. Он вытащил из плена часть дворян, однако, то, что он спалил несколько деревень, не помогло, а только озлобило селян. Понеся потери в нескольких стычках и с удивлением обнаружив, что дорога на Фридрихсбург заблокирована отрядом мятежников, обладающим тяжелым вооружением и квалифицированными магами, а также получив доносы о подозрительном брожении умов в трущобах Брюгге, майор решил перейти к обороне. Расположил на дорогах, ведущих в город, заставы, ввел комендантский час и повесил пару попавших под горячую руку грабителей. Ему оставалось только надеяться, что его гонцы, посланные окольными путями, достигнут столицы губернии, потому что людей для контроля такого обширного уезда ему явно не хватало. А раздавать оружие из обширных арсеналов форта в условиях мятежа ополчению было, по меньшей мере, глупо.

— А вас, фельдфебель он в розыск подал, — закончил рассказ ефрейтор.

— Значит, этот швухтель Густаф жив, — оскалился я. — Это хорошо, значит, будет мне с кого должок забрать.

— Я б его пожестче назвал, ваше высокоблагородие, — сказал ефрейтор. — Вы если позволите, то я провожу вас, иначе придется вам каждому патрулю объяснять, что к чему.

* * *

Когда мы въехали в город, было уже время ужина. По-хорошему надо было вернуться в гостиницу, привести себя в порядок, поесть, а уже завтра идти устраивать скандал. Но усталость и боль в седалище только усиливали мою злость. И я направился в магистрат.

Городок выглядел притихшим, как будто в ожидании бури. Нет, конечно, нельзя сказать, что до этого в Брюгге жизнь била ключом, она медленно и размерено текла, как это бывает в провинции. Но сейчас дети не играли на улицах, старички больше не вели обстоятельных разговоров с кружкой пива, выставив стулья прямо на тротуар около своих домов. Очереди стояли около лавок продававших съестное, остававшихся открытыми не смотря на позднее время. Горожане готовились к войне и осаде. Несколько раз нам попадались патрули солдат, ефрейтор махал им рукой.

Здание магистрата за неделю моего отсутствия успели привести в относительный порядок. Руины на месте крыла, которое занимала жандармерия, разобрали и вывезли. На наш стук ворота открыл один из жандармов, которые таскались со мной, пока я расследовал покушение. Кажется, его звали Варин. На лице были видны несвежие ссадины. Кисть левой руки была замотана бинтом.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Вечер добрый, ваше высокоблагородие. А я то думал — сгинули вы.

— Шрейбе здесь?

— Да, господин оберст, третий этаж. — Варин показал на черный вхож в здание магистрата.

Я слез с коня и похромал к двери. Карл, Асанте, Орели и Вильгельм последовали за мной. Хименес со слугами остался во дворе. Краем уха я услышал, как Варин говорит Вильгельму:

— Мудак ты, Вилли. Мог бы и с собой взять оберста спасать… На силу живым ушел…

Скрипучая деревянная лестница привела нас к кабинету гауптмана. В коридоре, несмотря на поздний час, сидели просители. По виду это были какие-то мелкие помещики. Я, игнорируя их протесты, постучал и распахнул дверь, не дожидаясь ответа из-за нее. Шрейбе с гневным лицом поднялся из-за стола, но, увидев меня, опешил.

— Петер, очень рад вас видеть, — пролепетал он. Я же молча подошел к нему и коротким ударом двинул ему в морду. Кости носа хрустнули. С воплем Густаф упал на пол, приложился затылком об подоконник и потерял сознание. Из ноздрей начала капать кровь. Я же без сил опустился в кресло в углу. Орели

присела рядом на пол. Злость, придававшая мне силы весь этот день, покинула меня.

— Вильгельм, я не убил его случайно? — спросил я минут через пять.

— Никак нет. Но приложили знатно, — ответил де Фризз, осматривая своего начальника.

В кабинет попытался зайти недовольный нашим самоуправством посетитель, но я рявкнул: «Приема сегодня нет и не будет!» и захлопнул дверь.

Ждать пока Шрейбе очнется, пришлось почти четверть часа. За это время Вильгельм с Орели куда-то отлучились и вернулись с чайником, чашками и бутылкой бренди. Первые слова, которые произнёс гауптман, когда очнулся, были:

— Я вас за решетку засажу… — Густаф обхватил голову, — Что же вы, армейские, отморозки то такие… Сначала Иероним руку, теперь вы…

— В очередь, пожалуйста, сразу после рейхсинспектора По, — оскалился я. — Где деньги, которые вам отдала Орели?

— В отделении гномийского банка. Я в отличие от вас не идиот, что бы с такой суммой по провинции разъезжать, — он между делом остановил себе чарами кровотечение и попытался аккуратно исправить перелом носа. Лубок на правой руке сильно ему мешал. Я отхлебнул бренди.

— Вильгельм, поправьте ему лицо. Я вас, Густаф, если честно хотел придушить. Но устал с дороги, силы уже не те… — Я с любопытством смотрел на вялые попытки Шрейбе подняться с пола. — Но завтра, я высплюсь, отдохну и, даю вам слово дворянина, исправлю эту оплошность!

— Господи — Мардуче, вы меня свинчаткой что ли? — гауптман наконец-то смог сесть на свой стул не без помощи сострадательного де Фризза, продолжавшего колдовать медицинские чары.

— Никак нет, голыми руками.

— Вы идиот, Петер, со всей ответственностью это заявляю! Если вы думаете, что я уговаривал майора выделить мне людей и забил на ваше спасение, только потому, что покойный Гельмут дал мне денег, то вы ошибаетесь! — Я удивленно приподнял бровь, даже Карл недоверчиво хмыкнул — Нет, не совсем, конечно, это тоже роль сыграло. Когда Шмидт услышал про мятеж, то раскололся. У него в одном из амбаров вместе с зерном был припрятан заряженный дивизионный аккумулятор на почти двести киломаны. Запасливый, сука, он… был… — Шрейбе застонал, когда Вильгельм резким движением поставил кости на место.

Я присвистнул от удивления. Если гауптман не врал, а он судя по всему не врал, заставить этого хорька полезть в пекло могла только очень серьезная причина, то в руках мятежников появилось волшебства достаточно для того чтобы стереть в порошок пару крупных городов. «Огненная купель» заклятье хоть и пятого уровня, но относительно простое, было бы маны побольше, да реагенты для ритуала в наличии…

— Это все не отменяет факта, что вы хотели бросить меня и еще двух офицеров в плену у врага. Вы ответите за это!

Я посмотрел на покрасневшего от ярости Карла. Вот уж от кого не ожидал, такой вспышки гнева, так от него. Асанте, похоже, восприняла действия гауптмана как саму собой разумеющуюся подлость. Орели тихо задремала в уголочке. Густаф понуро свесил в голову, ответить ему было нечего. Я отхлебнул еще бренди. Упреки и выяснение степени вины могли подождать. Душу я уже отвел. Сейчас на повестке дня стояли более интересные для меня вопросы.

— И что теперь вы собираетесь делать, Густаф? — спросил я. — Будете сидеть и ждать штурма Брюгге, слушая занудные жалобы этих? — я кивнул головой в сторону двери, за которой гудел недовольный шум голосов просителей.

— Нет, конечно! То, что осталось от архива и арсенала, по моему приказу уже вывезли в форт. Я сам собирался туда эвакуироваться. Все равно в одиночку без жандармов толку от меня тут чуть. А людей мне в командование майор фон Мюнхгаузен больше не доверит.

— Прекрасно! — сказал я, — Значит, завтра на рассвете вы составите нам компанию. Я надеюсь-таки прорваться в Фридрихсбург. Орели сказала, что она сможет провести нас по предгорьям в обход повстанцев. Мне бы хотелось, чтобы вы помогли выбить из майора фураж, провиант и ману. За это я могу кое-что забыть, — многозначительно добавил я. — Не хочу терять время на поиски всего необходимого в городе. Промедление смерти подобно.

— Не сомневаюсь, Иероним вам с радостью поможет. Он сам искал, кто бы смог доставить новости о происходящем здесь до генерала Людендорфа. Его гонцы не смогли добраться, испугались разъездов противника. В горах же бродят сейчас разные твари, говорят даже древнего у-и-на-э-наг видели. Да и заблудиться там нечего делать. А до фермы дома Валадис мы добрались слишком поздно. Сами они улетели в неизвестном направлении и пегасов с собой забрали. Да еще загоны с василисками открыли в качестве подарка на прощанье смутьянам. — Густаф нехорошо ухмыльнулся. — Я там статуй

десять нашел каменных.

— Главное, что я успел пакет отправить. Ладно. Завтра на рассвете заезжайте за нами в гостиницу.

И мы впятером отправились приводить себя в порядок и готовиться к отъезду.

Мы плотно поужинали форелью, замаринованной в меду с чесноком и запечённой под сыром, с гарниром из белого риса и шампиньонов, тушенных в сливках. Хименес мрачно пил самогон, глядя на дочь, а затем пошел спать. Асанте весь вечер заигрывала с Карлом, заставляя его краснеть своими рассказами, как они изображали супружескую пару, пока вели розыски моего убийцы, периодически при этом косясь на меня. Ох, эти женские игры… Если бы не мои раны и сумасшедшие приключения, я бы, конечно, уделил этим взглядам большее внимание. Вильгельм ненадолго пропал, а потом потащил меня к выходу, говоря, что он нашел мне идеальное лечение.

Небольшая баня, располагавшаяся на заднем дворе гостиницы, действительно сотворила со мной чудо, на которое оказалась неспособна магия. Я стал похож на приличного человека. А уж какой хруст стоял, когда Вильгельм занялся костоправством. Он сам не осознавал, сколькому он смог научится в немагической медицине от своего отца.

С огромным удовольствием я потом устроился в своей комнате на мягкой перине, покрытой белоснежной простыней! Орели без моего спроса начала массировать мне плечи. Легкие покалывания магии расползались по телу. Прогоняя последние остатки боли. Тихонько потрескивала свеча.

— Что ты колдуешь, бистаа? — спросил я.

— Ничего, господин…

— Когда мы наедине можешь называть меня по имени.

— Я не умею колдовать, Петер.

— И даже тогда, когда мы штурмовали дом Шмидта, ты не колдовала? Ты почти убила его. Ты знаешь про это? — Я потянул ее за руку и посадил перед собой на кровать. Мда. Надо было эту чумазую тиерменш тоже в баню затащить. Репутация моя от этого больше бы, чем сейчас уже не пострадала бы. — И ты думаешь, что я не видел, как ты клятву Хименеса повторяла за нами? Да еще не на благородном эме-гир Ки-эн-ги, а на эме-саль, женском языке Ки-ури. На нем говорить-то никто не умеет. Только песен несколько осталось, после падения Ниппура.

— Я не знаю. Петер, я, когда злюсь, я другой становлюсь. Видения всякие в голову лезут… Вспоминаются сказки всякие. Больше ужасы про демонов, преисподнюю и дроу с Разрушительницей… Когда болела сильно — тоже такое было. Но

я не колдую. Я просто другой становлюсь. И тогда по врагу злостью ударить это… — она с трудом подбирала слова — … как дышать.

— Ты совсем этим управлять не можешь?

Она помотала головой. Я разочарованно вздохнул. Откинулся на спину и притянул тиерменш к себе. Бетрезен меня побери, уже все знали, что я сплю с бистаа, пора было попробовать, как оно на самом деле. А то обидно, знаете ли. Когда про тебя развратные слухи распускают, а почвы под ними нет. Дуновение ветра погасило огонек свечи, и наступила темнота.

Полчаса спустя я лежал, смотрел в потолок и думал. Во-первых, свои возможности я явно переоценил, тело опять начало болеть. Во-вторых, с Орели придется еще работать и работать. Все, что она умела — это лежать и тихо постанывать. В-третьих, с непривычки мешал хвост. В общем, овчинка выделки не стоила.

— Uru a-du-ga-a-gi-a-za,[26]- в задумчивости пробурчал я себе под нос начало гимна Бела Наказующего, который, как говорили профессора из Академии, когда-то был просто балладой. Единственные строки, которые я помнил на эме-саль.

— Nibruki a-du-ga a-ta mar-ra-za[27] — отозвалась Орели, и глаза ее засветились знакомой зеленью. Она была прекрасна в этот момент.

Никогда я не жаждал встречи с инквизитором как сейчас. Больше всего происходившее с Орели напоминало одержимость каким-то древним духом, даже не самим духом, а какой-то его частью, неспособной полностью подчинить себе разум. Что же это за дух, если всего лишь его тень присутствия может обладать такими силами в чужом теле?

* * *

На то что бы долететь до столицы у Конрада Валадиса ушло не пять дней, как он мне обещал, а неделя. Часть маршрута пролегала над герцогством Виттельбах. К сожалению, юный маг-бестиенмейстер не знал о начинающемся мятеже, и той роли, которую в нем играла гвардия. Иначе бы он выбрал другой путь. Или хотя бы летел выше. Он даже на сразу понял, что по нему начали стрелять пока один из огненных шаров не заставил дымиться перья на крыльях пегаса. Животное понесло. Если вы думаете, что справиться с испугавшейся лошадью трудно, то попробуйте удержаться на спине паникующего пегаса…

При приземлении Конрада спасло заклинание «падения пера», которое он, несмотря на расход маны постоянно держал

наготове. Он уцелел, но ему пришлось потратить почти два дня на то, чтобы прийти в себя, и найти своего дорнье. Благо приземлился он рядом с деревней, где ему смогли оказать хоть какую-то помощь.

В столице он оставил свою пташку в представительстве своего дома на окраине. До улицы Вильгельм-штрассе, где располагалась Главное Рейхсуправление Тайной Государственной полиции, он добрался почти в сумерках. Слева, на улице Принц-Альбрехт-штрассе стоял бывший дворец. Здесь находилась Служба Имперского Аудита.

Но баро просил доставить письмо как можно быстрее в руки рейхсинспектора По и за то золото, что он отвалил, можно было пренебречь отдыхом и поздним временем.

Прорваться к господину имперскому судье получилось не сразу. Несмотря на позднее время, приемная была полна серьёзными господами с откровенным презрением смотревших на Конрада. Хотя он, прямой потомок Данко, и имел титул баронета, по его внешнему виду — старой рабочей одежде, татуировке на лице и презренному загару, а главное запаху — сказать это было невозможно. Но перешептывания и смешки он игнорировал. У него было важное дело и ради него стоило потерпеть. Его вызвали последним.

Вот так получилось, что той ночью, что я лежал в постели с Орели, Конрад проводил время в гораздо менее приятной компании рейхсинспектора.

Жирная, напоминавшая кита туша Аллана По, обтянутая бесформенной черной мантией имперского судьи, располагалась за столом. Как и обещал, Конрад отдал пакет лично в руки и замер ожидая. Вдруг можно будет еще подзаработать, отвезя ответ?

А господин имперский судья, напевая себе под нос «Гномы, гномы-каннибалы…» вскрыл с пренебрежением замызганный грязью после падения пергамент конверта и начал пролистывать мою писанину. Он увлекся, так, что забыл про Конрада, стоявшего перед ним, про время, да и про все на свете. Наконец его превосходительство поднял голову и с некоторым удивлением посмотрел на юношу.

— Ты еще здесь? Как зовут?

— Конрад Валадис.

— Можешь идти. Благодарность найдет тебя.

— У меня просьба есть, баро… Я в тайную полицию вступить хочу.

— Дааа?… — в сомнении потянул рейхсинспектор. — Зачем же это?

— Ну а что я как фермер, в говне копаюсь? Совсем наш дом осел. А в песнях про удаль поется, про странствия, а не про то, как конюшни чистить. Дворянин к тому же. А смотрят как на крепостного.

— Значит, приключений ждешь. Славы. Уважения. И только?

Конрад ощутил, как в его голове начали ворочаться какие-то щупальца. Такие же противные, потные и жирные как пальцы По. Они беспардонно ворошили его воспоминания и мысли. Его чуть не вырвало от омерзения. Пришел в себя он, стоя на коленях на ковре посреди кабинета.

— Возьми. Завтра подойдешь в рейхсуправление тайной полиции, покажешь мою рекомендацию на входе. Тебя отведут куда надо. Марш отсюда теперь. Мне надо подумать, — рейхсинспектор накарябал пером несколько слов на листе бумаги, скрепил личной печатью и заклятьем.

Судья и сам подумывал организовать липовое покушение на меня. Он знал, что преступники, боясь за свою жизнь и думая, что их хотят предать, начинают заливаться соловьем без всяких пыток и магии. Сейчас в руках По были ниточки, сшивавшие множество отдельных фактов вместе. И получавшаяся картина рейхсинспектора откровенно пугала.

Да-да. Даже «голема правосудия» с перекроенными лично императором и верховным инквизитором мозгами можно напугать. Тем более что его превосходительство был не самым удачным образцом с точки зрения магической науки. Зато самым лучшим с точки зрения эффективности. Его обжорство, надоедающая привычка напевать по нос всякий бред и легкая паранойя никуда не делись после «обработки». Как и эмоции оказались вытравлены не до конца.

На то, что списанное оружие и амуниция потихоньку продавались со складов армии, кайзер смотрел сквозь пальцы. Большая часть попадала в руки купцов ведущих колониальную кампанию, что соответствовало интересам рейха. И заодно позволяло обойтись без открытой поддержки, которая была бы принята в штыки Эльфийским Королевством. Что-то конечно попадало и в руки бандитов.

Но последние годы почти половина пропадала бесследно. Артефакты не всплывали ни в руках наемников Карнатакской Компании, ни среди поселенцев западных степей, оборонявшихся от варварских орд народа бистаа. Но кто-то продолжал платить большие деньги.

Начавшийся и распространяющийся, как пожар по степи, в уездах Брюгге, а теперь уже и Фиршес-Гаф, мятеж подсказывал, куда делась часть оружия. И давал дополнительный повод

задуматься на тему так любимой По теории заговора.

Император срочно уехал на юг, успокаивать некрополь. Вместе с полком лейб-гвардии и верхушкой инквизиции. Да, с личом мало кто мог бы справиться, не превращая свою победу в пиррову. Шаг логичный.

Рейхскриминальдиректор Артур Небе отправился на западные границы расследовать резню на стоянке бистаа. Тоже необходимо. Иначе может начаться война. Сколько она будет стоить жизней и денег? Верховный вождь доверяет только герру Небе, после того как тот не колеблясь выдал виновных в прошлой провокации на суд племен. Но с собой он взял опять же часть войск. Дикари непредсказуемы, а гарнизоны на западе слабы.

Рейхсканцлер Кшиштоф Войда отправил два полка на юго-запад, успокаивать мятеж, а сам едет на переговоры с гномами.

Туда же на юг едет верховный инквизитор, расследовать слухи о появлении посланцев Энлиля и выяснять причину участившихся прорывов Инферно на границе с герцогством…

А кто остается в городе из властей? Магистрат? Бесполезный гадюшник, который ничего не решает, несколько недоукомплектованных в связи с мирным временем полков под командованием сомнительных с точки зрения таланта и лояльности генералов. Все это под управлением Йоффе. Йоффе, на которого написан этот донос. Йоффе, по указке которого с территории герцогства, а об этом доложили ему волшебники магиерваффе, было выпущено заклинание св. Харма.

Того, самого герцогства, рядом с которым внезапно возникают мятежи, где какой год неуловимые разбойники грабят караваны, лютуют демоны, не переходя границу, надо отметить, и теперь еще бродят какие-то самозванцы. И при этом вся тайная полиция там подчиняется все тому же Йоффе напрямую. А полки собирают в основном из местных.

Очень, очень плохо. Если удар будет нанесен, то в ближайшее время. Положиться нельзя ни на армию — они без императора судью слушать не будут, ни на инквизицию — без указки великого инквизитора в полицейские дела они не полезут, ни на жандармерию, во главе которой предатель. А своих бойцов для ареста у службы аудита нет. Как быть?

Единственный выход оставался обратиться к воспитанным императором фанатикам ДД. Те не сомневаясь выполнят приказ. И среди их начальства наверняка нет предателей. Главное убедить их. Но это завтра, решил По. А сейчас время поужинать в третий раз. Он позвонил колокольчиком, чтобы вызвать слугу.

* * *

Закончился вечер. Ночь вступила в свои права. Нежить заснула в Кутал-лу. Трон Гильгамеша стоял на новом месте. На берегу светящегося голубизной подземного озера — тайного источника магии этого города мертвых. Лишь один у-и-на-э-наг неспешно брел «тропой тени» нагоняя лугаля единождырожденных. На секунду Эанатум замер. Понюхал воздух, точнее ту эфемерную субстанцию, что заменяла ее в мире теней, и припустил бегом. Дроу надо было остановить. Кайзер Эанатуму нужен был живым.

Тени, проклятые тени, верные рабы и возлюбленные дети дроу пришли в движение, повинуясь древней магии.

Давным-давно, когда гномы не знали железа, люди — магии, а демонам еще не открыли дверь в этот мир, дваждырожденные были подобны диким зверям. Хищникам, охотившимся на двуногую добычу. Но уже тогда у-и-на-э-наг, познали свет разума, а вместе с ним пришло и любопытство. Поэтому, когда маленькая группа эльфов, ужасных преступников, злоумышлявших против своего короля, пришла в пещеры, она не была выпита.

Их наказанием было отлучение от света. И древние вампиры, видя мучения изгнанников, боящихся солнца, почувствовали в них что-то родное. Тогда у-и-на-э-наг решили помочь — заставить длинноухих сражаться между собой было, по меньшей мере, забавно. С королем, который мнил себя вечным, у ночных скитальцев давно была вражда. Слишком многих уносили в небытие меткие стрелы с зачарованными обсидиановыми наконечниками, выпущенные его воинами.

У-и-на-э-наг научили дроу искусству теней и превратили этим проклятье и благословение. Потом за тысячелетия поменялось многое. Но древнее чары все еще передавались наследникам крови тех изменников. А вместе с ними и волшебство, в котором ученики многократно превзошли учителей.

До ведьмы Ино Эанатум добрался, когда битва уже началась. Воины были еще рядом с ней, входя в боевой транс и сливаясь окончательно со своими тенями. Она стояла в полупрозрачной тунике на гребне бархана, черные как смоль волосы были заплетены в косу. Рядом лежала метла. Звуки флейты наполняли пространство вокруг. В километре к северу грохотали взрывы, пылало пламя, били ослепляющие разряды молний, ревели демоны.

— Погоди, темнейшая, — прокричал он, выходя из обычный мир, — Отступись! Владыка мой, Гильгамеш устами моими говорит тебе это. Гор-человек нужен нам, что бы…

Ино посмотрела на него с яростью и Эанатум отшатнулся.

— Ты! Ты прервал мою мелодию!

— Да, прекрасная, отступись!

— Нет. Месть важнее. — Она вновь поднесла флейту к губам и заиграла песнь смерти. Исполненные волшебством ее музыки воины рванули вперед быстрее ветра. Эанатум сел рядом с Ино и, обхватив голову руками, медленно скатился с бархана в отчаянии. И это его спасло.

* * *

Эта ночь для кайзера Гора прошла значительно менее приятно, чем для меня и рейхсинспектора. Его вкусно не кормили. И ни одна неумелая, но очень искренняя в своих чувствах бистаа не пыталась доставить ему удовольствие. Да и времени для неспешных раздумий о столичных интригах, древних языках и загадочной магии у него не было.

Стоп. Про загадочную магию я поторопился.

До границы пустыни оставался всего день пути. Оттуда Гор рассчитывал кинуть телепорт до военного лагеря на севере Аррации. Это бы почти досуха высосало запасы маны его небольшой армии, но время было важнее. Затем ему предстояло провести еще один ритуал, для перемещения к южной границе самого Таира. А потом… А потом надо было собирать все что есть под рукой, армию, инквизиторов, ополчение и выдвигаться в герцогство на поиски ожившего древнего портала, чтобы разрушить его. Новой войны с богоравным его держава не переживет. Таир еще не одно десятилетие будет восстанавливаться после войны с некромантом Хэссом подчинившим себе Тиамат.

И заодно навести порядок в том гадюшнике, который устроил у него под боком Майнард Виттельбах. Давно пора было. Но долгие десятилетия мира заставили кайзера размякнуть.

То, что на обратном пути будет засада, было в какой-то степени ожидаемо. На самом деле, разве могли быть хоть какие-то сомнения, что силы рейхсвера и инквизиции, да еще и возглавляемые лично Гором проиграют какому-то скелету на троне? Конечно же, нет! Но победа должна даться достаточно дорого. И остатки измотанного экспедиционного корпуса противник должен был попытаться добить.

Гор расположился в шатре из зачарованной ткани. Он позволил себе маленькую слабость. Откупорить бутыль вина. Он, несмотря ни на что, надеялся, что удастся вернуться без боя. Что ожидавшие его, кем бы они ни были, не решаться напасть на

элиту армии кайзеррейха, полную сил. Но просчитался.

Сокол Гора до этого мирно спавший на своем насесте недовольно заклекотал. Один из амулетов на груди кайзера завибрировал. Затем другой, третий… Рядом творились ритуалы. Демонопоклонники, некроманты, дроу, не хватало только шаманов бистаа и орков. Старые враги собрались вновь, чтобы покончить с ним.

Над лагерем взвыла сирена, повинуясь заклинанию кайзера. Не прошло и полуминуты, как он почувствовал разворачивающиеся защитные заклятья. Волшебники магиерваффе и инквизиторы работали как на учениях. Большое рассеивание Эллрана на весь лагерь, несколько сфер отрицания — прикрыть командные палатки. Круги защиты от стихий, массовые благословения. Заранее заготовленные артефакты позволяли применить даже высшие заклинания за несколько минут.

На севере пророкотала череда разрывов. У какого-то взвода сдали нервы, и они выпустили череду огней Нара и Нурса по одному из барханов. Рано, слишком рано. Противник еще не показал себя.

Гор вышел из палатки, зажимая в руке маленький, не больше горошины шарик. Свет его пробивался через ладонь, окрашиваясь красным, и приятно грел кожу.

Взрыв над лагерем заставил его покачнуться. Ослабленная в несколько раз защитными чарами «огненная купель» встретилась с контрзаклятьем и расплылась в небе вихрастым облаком багрового тумана, осветившим округу.

— Одиннадцать часов, треть лиги! — заорал целеуказание капитан-прорицатель. Фиолетовое пламя огня святого Харма вырвалось в небо из пентаграммы с мумифицированной головой собаки в центре. Изогнулось дугой и обрушилось куда-то за дюны.

На востоке из только сейчас проявившей себя звезды призыва хлынул поток демонов. Гор даже не повернулся. Никого серьезного из иерархов преисподней призвать сейчас бы не получилось. Расположение планет не то, время неподходящее, и магии слишком мало вложено. А с мелочью лейб-гвардия справится сама, даже без волшебства.

Навстречу адским гончим Бегела, бесам и пятерке рыцарей смерти выдвинулись два взвода тяжелой панцирной пехоты, при поддержке трех противодемонских отделений инквизиции. Маги еще раз ударили по месту, откуда сколдовали «огненную купель» и теперь готовили следующее заклятье уже по звезде призыва. Зазвенела сталь. Грохотали разряды посохов.

«Мертвое облако», «кислотный туман» и струящие по земле

глянцево-черные щупальца «ползучей погибели» уперлись в ледяной шторм, которым волшебники магиерваффе прикрыли западное направление. Несколько обмороженных зомби и скелетов таки смогли пройти через ледяную завесу и теперь падали под ударами инквизиторов.

Генерал-лейтенант Маркус Паульсон на глазах кайзера поднялся в небо и сверху обрушил на предполагаемые позиции некромантов огни Нара. Но, оказавшись слишком высоко, он вышел из-под защиты стационарных заклятий и тут же получил несколько стрел тьмы в сочетании с рассеиванием чар.

Гор с болью смотрел на его смерть и падение на землю. Но отвлечься он не мог. Шарик в руке уже начинал жечь ладонь. Кайзер ждал. Ждал, когда дроу вступят в бой. Этих тварей он ненавидел всем сердцем. Потому, что не понимал. Не понимал их волшебства, их образа мыслей.

Люди, бистаа, гномы, эльфы были шахматами, ход за ходом можно было загонять их в ловушку, словами, обещаниями, магией в поединке. Демоны всегда полагались на свою силу и безграничный запас магии. Их тоже можно было легко просчитать. Отношения с личами Ки-эн-ги были сложнее, похожи на карты. Ты не знаешь, что у противника на руке, но тебе, по крайней мере, известны правила игры. И только схватки магиерваффе с дроу напоминали абсурдную ситуацию, когда один из противников достает шашки, а второй переворачивает доску и начинает расставлять нарды.

Против волшебства темных маги империи так и не придумали толковой защиты. Утешало только то, что и у самих дроу классическое академическое волшебство получалось из рук вон плохо. Проклятая кровь мешала составлению сложных чар. Так что результатом поединка человека и дроу обычно была обоюдная смерть. Если, конечно, дело касалось только магии… Во всем остальном думу-гиг были быстрее, сильнее и абсолютно непредсказуемы.

Сегодня у Гора был козырь, подарок одного из жрецов Агни, сдавшего добровольно свой далекий южный город в руки колониальной администрации. Он чуть ли не насильно в комплект ко взятой в заложницы своей дочери навязал подборку редких древних артефактов.

Боль в руке сталась почти нестерпимой и отвлекла кайзера от воспоминаний. Он уже было решил, что темные так и не вступят в бой. Демоны отступали, новых мощных заклятий противник уже не готовил, опасаясь ответных ударов. Но с юга между барханами мелькнули расплывающиеся в темноте фигуры. Плоть от плоти ее. Они текли, как призраки, проходя невредимыми сквозь

магические барьеры и ловушки, чтобы оказаться на расстоянии удара клинка. Оказавшиеся на их пути стрелки падали, как трава под взмахом косы.

— Ложись! — Раздался над полем боя голос Гора, усиленный магией. Кайзер с облегчением открыл ладонь, зажмурился от нестерпимого света и подкинул «Сердце Агни» высоко в небо, почти на полсотни метров.

Его ослепило даже сквозь веки. Палящий свет обжег кожу и тут же исчез. Камушек. Простой округлый кусок гальки упал обратно в ладонь и отправился в карман мундира.

Несколькими заклятьями Гор очистил свой взор. Дроу лежали мертвыми. Ослепленные демоны, воя и скуля, беспомощно толкались. Кричали несколько обожжённых раненых, ослушавшихся приказа. Лагерь бурлил.

Разведчики рассыпались по всем направлениям. Отряд инквизиторов направился к остаткам звезды призыва, чтобы закрыть этот проход в преисподнюю навсегда.

Сам же Гор, раздав все необходимые приказы, направился на юг, откуда пришли дроу. Там еще оставался какой-то слабый очаг магии. Если это был раненый, то его надо было допросить.

На вершине бархана его встретила фигура в остроконечной шляпе, драной, грязной тунике, с метлой подмышкой выжимавшая режущие ухо звуки из флейты. То, что это не ведьма, было понятно уже по бороде с проседью. И по куда более опрятному женскому трупу рядом.

Эанатум был пьян, как сапожник. После того, как он осознал, что чудом пережил ме-лем[28] он залпом опорожнил остатки своего пойла из фляги-тыквы, а затем не постеснялся и приложился к еще теплой сестре Ино и таким образом подготовился морально к встрече с лугалем единождырожденных. Проклятая кровь действовала на него подобно траве семилистника.

— Шшш… — он зажал метлу между ног, — Я лечу, я ведьма!

— Ты… кто? — с перекошенным от брезгливости лицом Гор попытался выпотрошить память пьянчужки и наткнулся на непроницаемую завесу окутывавшую разум любого немертвого.

— Эанатум, древнейший из у-и-на-э-наг! Я принес тебе весть от Гильгамеша. У Инанны, госпожи страха, матери тьмы, Тиамат нареченной, богоравной, возлюбленной супруги владыки легиона есть хвост и ушки! Она шляется в лесах на юге от Ниппура в теле юной бистаа, и я иду ее спасать! — Эанатум захихикал. Споткнулся об метлу и упал на четвереньки.

— Он сошел с ума. — Один из инквизиторов поднял руку, испепелить вампира.

— Не смей! — Гор остановил церковника. — Ты подтверждаешь свои слова, древний?

— Да, я сам видел ее! Ты вернешь ей память? Она бы тебе помогла с дроу. И вообще в Таире порядок навела, как раньше было!

— Да, ты точно безумен! Хватит уже богоравных в этом мире! Я изгоню ее, и пускай Бетрезен уходит вместе с ней. Теперь я знаю, зачем он пытается вырваться из преисподней!

— Но… ир-нам-тиль просил…

— Мне плевать на желания твоего бессмертного. Я не сотру личность ее до конца, радуйся. Она снова станет собой, только так я смогу успокоить Бетрезена. Но здесь, в моей империи, в моем мире ноги ее не будет! Убирайся. Береги ее, если хочешь, что бы твоя госпожа обрела память. Я приду за ней.

— Ур-гал-ла на-му-э-ме! — Выругался Эанатум, сломал в сердцах метлу об колено, нырнул в свою тень и исчез.

— Он пытался проклясть вас, ваше величество? — спросил все еще пребывавший в легком шоке от разговора бригаденквизитор.

— Нет. Он сказал, что воистину я собачьи… кхм… гениталии, — ответил Гор.

Он был готов рвать и метать. В столицу. Ему надо было срочно в столицу. Но после побоища запасы маны катастрофически оскудели. И теперь прибытие откладывалось как минимум на неделю. Если не будет еще нападений, конечно же.

* * *

Выехать на рассвете не получилось. Во-первых, все мы абсолютно бессовестно проспали. Во-вторых, у нас с Густафом ушло почти три часа, чтобы снять деньги в отделении «Первого Гномийского». Наличность у них выгребли почти всю, и мне пришлось забирать сумму в драгоценных камнях. Что в прочем было даже удобней в пути, если бы не грабительский курс.

Тихо скрипел фургон, в котором Густаф вывозил последние документы и ценности. Впереди ехала пятерка жандармов под командованием де Фризза. Сзади нас прикрывал десяток улан, среди них был Хименес. Однако в безопасности мы себя не чувствовали. Дорога практически не контролировалась. Людей, чтобы обеспечить заставы, не хватало после понесенных потерь.

Накрапывал мерзкий мелкий дождь. Да и вообще похолодало. Тракт до форта Фиршес-Гаф петлял между полей. Только малая часть из них была вспахана и засеяна. Крестьян видно не было.

Толи испугались плохой погоды, что было маловероятно, толи, пользуясь полученной свободой, распивали самогон. Но в этом был и неоспоримый плюс. Нашему путешествию никто не мешал.

— Знаете, Петер, этот мятеж задушит сам себя к осени, даже без нашего участия. Голод — оружие страшнее магии и гномийских пушек, — подъехавший Густаф прочитал мои мысли. Орели тихо зашипела на него. Она вела свою лошадь почти вплотную ко мне и, если бы я дал ей волю, уверен, перебралась бы ко мне в седло. Ее назойливость начинала мне надоедать.

— Иди, бистаа! С Асанте обсуди свои женские штучки, прически, например — сказал я ей. Подразнить Хименеса не мешало, а то слишком уж он умиротворенно смотрел на мило ворковавших Асанте и Карла. — Так бы оно и было, если бы не поддержка герцогства… — Продолжил я, обращаясь уже к гауптману.

— Петер, судя по тому, что вы рассказали, эти инсургенты нужны Майнарду лишь, как пушечное мясо и отвлекающий удар. При первой же удачной возможности он от них избавится. Как только они сыграют свою роль и оттянут войска от столицы.

Я пожал плечами. Возможно. Надеюсь, в тот момент я буду уже далеко от театра военных действий. Мы некоторое время еще беседовали, меня интересовали новости.

И чем дальше, тем больше беспокоила меня четверка посланцев Энлиля. Я не верил, что они спрятались, испугавшись силы моей бистаа. Скорее готовили какую-нибудь гадость.

До Фиршес-Гаф мы добрались еще засветло и без приключений. Фортеция была, без преувеличения, прекрасна. Сейчас так, к сожалению, не строят. Высокие стены из разноцветных гранитных блоков, усиленные контрфорсами, с галереями для лучников, остроконечные башни, с черепичными крышами, увенчанные флюгерами, ров с водой и подвесной мост. Замок смотрелся, как будто сошел со страниц рыцарского романа или детской сказки о кораблях, путешествующих между звезд. Правда, назвать это чудо «крепостью» у меня язык бы не повернулся — Фиршес-Гаф строился более тысячи лет назад. Тогда гномы еще не придумали ничего мощнее ракет. Идея ствольной артиллерии пришла им в их бородатые головы только во время великой войны. Да и маны добывалось и использовалось в десятки раз меньше.

Сейчас в моде были другие крепости — похожие на звезду, с приземистыми толстыми стенами, сложной системой бастионов и равелинов, окруженные эскарпами и контрэскарпами и зарытые на несколько уровней в землю, так что даже заклятья пятого уровня не смогли бы достать защитников. Так что Фиршес-Гаф

был красив и бесполезен, как многие красивые вещи.

Я мог только посочувствовать барону Мюнхгаузену. На его месте я бы бросил этот пряничный домик на произвол судьбы и окопался в Брюгге. Даже неукрепленный город на мой взгляд давал лучшую защиту. Вероятно, майор так бы и сделал, если бы не старые стратегические склады в подвалах. Там хранились запасы провианта — зомбифицированное тушеное мясо, способное пролежать века. Древнее оружие, многое из которого уже давно лишилось зачаровок. Не менее старые доспехи и форма. Короче все то, что ни одно государство, пережившее большую войну, не может решиться выкинуть, опасаясь новой. И в руки мятежников это снаряжение не должно было попасть.

— Кого я вижу! Сам господин Шрейбе пожаловал! — язвительно произнес майор, встретивший нас во дворе, когда мы миновали ворота. — Как же вы в этот раз добрались так скучно? Даже никого в засаду не завели?

В ответ покрасневший как рак Шрейбе пробурчал под нос какое-то неразборчивое приветствие.

Майор Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен был одет в повседневную серую армейскую форму. Удлиненное лицо имело слегка зеленоватый оттенок. На голове красовался напудренный парик с косицей, каких в столице не носили уже лет двадцать. Из-под парика торчали его длинные уши, а сверху была надета треуголка. В прочем ему, долгоживущему эльфийскому бастарду, который родился еще до войны и провел последние лет двадцать в опале в провинции, было позволительно не следить за модой.

— Лошадей оставьте там, — он махнул рукой на конюшню эскадрона. — Милли! Размести гостей согласно их рангу и сексуальным предпочтениям! — он подмигнул мне. Мда. Слухи, похоже, распространяются быстрее ветра, в отличие от данных разведки. Я бы не удивился, если в столице, уже обсуждали мой роман с бистаа, не зная о начавшемся восстании.

По-хорошему, конечно, сейчас было самое время вызвать поддонка на дуэль… Но увидев, как резво майор продолжил гонять своим кончаром[29] четверых улан своего эскадрона, я передумал. Да и сам он, полукровка, в свое время достаточно натерпелся презрения, чтобы иметь права на такие шутки.

К тому же, как и его сумасшедший отец — великий биомант, Видящий Тлейклелья, — Иероним был очень специфическим, но сильным магом. Сейчас я понимал, что его умение творить мелкие заклинания без амулета роднило его с посланцами Энлиля. И, в свою очередь, позволяло, хотя бы для меня лично, подтвердить теорию, согласно которой его отец тоже был «гостем»…

* * *

Звонки пришли на коммуникатор почти одновременно. И отвечать мне пришлось тоже сразу двоим. Не те это были персоны, чтобы просто вешать трубку.

Если Горбовский был спокоен и любопытен, то князь Юга, отвечавший за безопасность Лунного Престола гномов испытывал гремучую смесь страха, ярости и непонимания.

— Кверти, скажите, я не ослышался? Насколько я помню историю Мира… — начал говорить Леонид Андреевич, премьер-министр Федерации Терры.

— Где этот wángbā dàn?![30] — орал гном брызжа слюной. — Где эта тварь, которая выгнала нас с планеты, по праву принадлежавшей нам?! Бог! Если ты знаешь про отрытый портал в логово эльфов, логово эльфов нашего Мира, — уточнил князь Юга, — и не говоришь нам, то мы можем вспомнить время войны с богами!

Я вздохнул и перевел разговор в режим конференции.

— Господа, ваш интерес важен для моего проекта, мне очень принято, что даже в гномийском правительстве мое шоу обрело популярность. И ответы на все вопросы вы получите после рекламной паузы! — Я улыбнулся.

— Чрезвычайно любопытно! — премьер-министр улыбнулся мне, — Вы меня заинтриговали!

Князь Юга просто побелел от ярости, не находя слов для ответа, а я прервал связь и откинулся в кресле в ожидании, когда окончится рекламный блок.

* * *

Разместили нас в офицерской казарме. Мы только успели переодеться с дороги, как нас уже позвали на ужин. Похоже, Мюнхгаузену не терпелось узнать новости. Хотя, если учитывать, что про него говорили, то скорее майору не терпелось рассказать пару своих баек перед новыми слушателями.

Мы расположились в офицерской столовой. За стол к себе Иероним пригласил меня, Густафа, Карла и Хименеса.

— Ну-с, рассказывайте, господин оберст Краузе, что привело вас в мою обитель! — сказал майор, поднимая стопку до краев полную кальвадоса. — А то про вас тут уже такие истории ходят, каких даже про меня не рассказывали! Я если честно уже даже думать начал, а не вызвать ли мне вас на дуэль? А то на фоне ваших подвигов про меня все забудут…

Я в ответ молча отсалютовал ему своей рюмкой, и опрокинул душистый напиток в себя. А затем начал рассказывать свои приключения, как есть. Выговориться действительно хотелось. Чем дальше я рассказывал, тем больше мрачнел Мюнхгаузен. Да он был шутом, а заодно, как и положено хорошему шуту, очень умным человеком. И начав понимать подоплеку происходящего — вмешательство герцогства, приход посланников Энлиля — он осознал всю безысходность своего положения.

— Понятно, Петер, — после третьей рюмки мы приступили к барашку и перешли на имена. — Густаф, мои извинения. Проиграть гвардии герцога не позорно. Они не уступают магиерваффе ни опытом, ни силой. Теперь понятно, почему до сих пор нет подмоги. Я то, дурак, посылал гонцов по объездной дороге через земли Виттельбаха, когда узнал о блокаде. Бедные курьеры… — вздохнул он. — Что же, надо готовиться к осаде Фиршес-Гаф. Точнее к штурму. Какая к черту осада… — он снова вздохнул, — Да еще и оборотень на их стороне. Ненавижу ликантропов! С тех пор как один из них покусал мою Шубу. Вы кстати слышали эту историю?

Карла остановить я не успел.

— Нет, господин майор! — сказал он. И нам пришлось, вежливо улыбаясь, выслушать в очередной раз этот анекдот.

— Дело было во время Зимней кампании с кланами горных орков, году в восьмидесятом. Метель была дикая. Мы отбились от своих и нарвались на стаю вервольфов, нередких в северных горах. Сражались мы яростно, но магии было мало, да и серебра мы с собой не имели. И вскоре я остался со своим денщиком против вожака стаи. Я кинулся от него со всех ног. Но на плечах у меня была тяжёлая Шуба, которая мешала мне бежать. Я сбросил её на бегу, вбежал в охотничий домик и захлопнул за собой дверь. Шуба так и осталась на улице.

Оборотень накинулся на неё и стал кусать её с яростью. А затем ушел доедать то, что осталось от моих солдат. Мой денщик тогда выбежал из дому, поднял Шубу и повесил её в том шкафу, где была и остальная моя одежда.

На другой день рано утром он кричит испуганным голосом:

— Вставайте! Вставайте! Ваша Шуба взбесилась!

Я вскакиваю с постели, открываю шкаф, — и что же я вижу?! Все мои платья разорваны в клочья! Слуга оказался прав: моя бедная Шуба взбесилась, так как вчера её искусал оборотень.

Шуба яростно набросилась на мой мундир, и от него только лоскутки полетели.

Я схватил пистолет и выстрелил обрезком серебряной монеты. Шуба мгновенно затихла. С тех пор она уже никого не

кусала, и я надевал её без всякой боязни.

— Позвольте, господин майор! Но ведь ликантропия передается только живым, существам, да и то не всяким! — Карл выразил недоумение.

— А вот Шубе передалась. Не верите слову офицера? Хотите клятву? Извольте! Иги-Энлиль-саг-ше Карл-энши-е…[31] — затянул нараспев Иероним клятву абсолютной честности.

— Нет, что вы! Я вам верю! Просто не понимаю…

Остаток вечера, пока мы вели беседу о дамах, театре и мифрильных саблях. Карл сидел, тихо чертя в своей тетради блок-схемы проклятия ликантропии. Краем глаза я поглядывал, как Асанте купается во внимании улан, строя из себя милую пай девочку. Когда один из них предложил сыграть с дамой в карты, я с трудом подавил смех. На все сто процентов я был уверен, что игра будет на раздевание. И то, кому придется в итоге раздеваться, я тоже знал наперед.

Уже стемнело, когда мы, наконец, вышли из-за стола и направились в свои комнаты.

— Господин оберст. Я все-таки не понимаю, как? Я, конечно, не доктор магических искусств, но как? Ну не могла ликантропия передаться шубе! Была бы одержимость духом, я понимаю еще. Но тогда бы серебро не помогло!..

Я остановился, посмотрел на темнеющее небо, в котором высыпали звезды, помахал Орели стоявшей у окна в моей комнате. Я приказал ей там остаться, во избежание инцидентов. Она улыбнулась мне.

— Карл, я вы упускаете один момент. Это была не просто шуба, а Шуба. Позвольте, я вам поведаю одну историю. Как вы знаете, я в столице человек не последний и допуск к секретным документам у меня был соответствующий. Я думаю про видящего Тлейклелью, «великого биоманта», как он сам себя называл, вы слышали?

— Только имя и что он был эльфом.

— Хорошо, начну издалека. Откуда он взялся, я не знаю. И никто не знает, хотя сегодня у меня появилась одна теория. Так или иначе, впервые о нем услышали, когда он появился при дворе светлых эльфов полтора века назад, когда Хэсс впервые заявил о себе в Ки-эн-ги.

Эльфийская знать сначала его осмеяла. Еще бы, зеленокожий, ушастый, называвший себя лесным эльфом, мифическим думу-гиш. После демонстрации магических умений, появилось уважение. А затем и страх.

Тлейклелья был творцом. Благодаря нему появились пегасы, что бы там не говорили длинноухие ханжи, про гениальность их

друидов. Это он во время одной из исследовательских экспедиций подарил тиерменш, птицелюдям племени кээра, несколько яиц громомечущих гаруда…

Эльфы считали его всего лишь послушным их воле чудаковатым сильным, но недалеким колдуном, незнакомым даже с базовыми заклинаниями из академического курса. А у него были амбиции. В том числе политические. Он хотел завоевать наш мир. Но, в отличие от Хесса, показавшего себя умелым политиком, пока демоническая одержимость не свела его с ума, биомант рассчитывал только на силы своих тварей.

Говорят, даже королева лета Викториэль была в ужасе от его планов. Во всяком случае, на следующий день после аудиенции его «сад порождений» был предан огню. А ты представляешь, Карл, что надо сделать с эльфами, что бы они подожгли дерево? — Карл мотнул головой, — Вот и я не представляю! Они заключили его в тюрьму. Но он бежал. А затем объявил войну королеве. В одиночку. За те три года, что он провел, скрываясь в лесах королевства, армия ее величества потеряла почти десять тысяч воинов в схватках с расплодившимися тварями. Я не могу сказать, что Тлейклелья эту войну проиграл, скорее ему просто надоело. Он понял, что светлые эльфы своим владыкой его не признают никогда.

После он год прожил в землях Таирского Союза. Некоторое время путешествовал, даря подарки народам, и просто забывая уничтожить результаты своих экспериментов. А потом пошел искать союзников среди темных эльфов — дроу. Пару лет про него ничего не было слышно.

Что там происходило — неизвестно. Но подземные покои двух сестер-ведьм до сих пор стоят пустыми. Стены в них украшены брызгами черной крови дроу и поедены словно кислотой, а на камнях пола отметки чудовищных когтей. Предполагаю, что с темными он тоже не поладил. Это все можно в открытых хрониках почитать. А дальше уже начинается секретная информация.

Вдовствующая бездетная баронесса фон Мюнхгаузен была уже старушка. Тридцать лет, возраст угасания. И могла позволить себе некоторую эксцентричность. Например, спасти от смерти загадочного незнакомца, которого нашла истекающим кровью на дороге, а затем начать с ним роман. Да еще и умудриться забеременеть в преклонном возрасте. Так как других наследников не было, то после ее смерти титул достался официально признанному бастарду, Иерониму Фридриху фон Мюнхгаузену, который до сих пор живет и здравствует, благодаря доле эльфийской крови, хитрости, отваге, таланту к магии. И, это

несмотря на то, что он прошел всю войну от начала и до конца, и никак не может придержать свой длинный язык.

— Очень познавательно! Но как же шуба?

— Это был один из подарков новорожденному. Детеныш шубы, живого существа, выполнявшего роль одежды. Их до сих пор полярные орки разводят. Правда, не очень успешно, они фрукты любят. А на севере их нет почти… Так что, ликантропия вполне могла проявиться.

— Но неужели после этого Тлейклелья отступился от своих амбициозных планов?

— Теперь уже некому рассказать, но одно я могу сказать точно. В списке дингир-са, богоравных, который издревле составлял совет личей, есть его имя. И еще. Древо Жизни, что поглотило уру-ки-мах Кадингирра и выжило, несмотря на заклинание «великого опустошения», наложенного на Ки-эн-ги после войны, несет отпечаток его магии. Падение этого некрополя было первым и последним военным поражением Хэсса до прихода к власти кайзера Гора.

А в западных землях бистаа потом появилось загадочное место, напоминающее то, что мы нашли около деревни Орели. Делай выводы, лейтенант, сам. А я пошел спать. — Я зевнул и побрел к входу в казарму, оставив сидящего на скамье Карла в раздумьях.

Самое забавное, что большинство из рассказанного я почерпнул из досье Данко Валадиса. Его дед, Тагари Валадис, легендарный основатель дома Валадис и гильдии дрессировщиков, был в то время конюшим у баронессы фон Мюнхгаузен и, похоже, смог заставить Тлейклелью показать какие-то из своих секретных заклятий.

По скрипучей лестнице я поднялся на второй этаж, где располагалась выделенная мне комната. Полюбовался на отмывшуюся Орели. Я вяло отмахнулся от ее домогательств. Жирное мясо в желудке и алкоголь как-то не располагали к любовным утехам. Я завалился спать, лишь сняв сапоги.

* * *

В зрелом размышлении Шарль оставил в распоряжении Эриха не одну, а три сотни человек и почти всех гвардейцев. Проблема захвата Фиршес-Гаф решалась явно не числом, а атаману для контроля над территорией люди были нужнее.

За день они несколько раз обошли крепость, осмотрев все подходы. Линг часа три потратил на начертание

исследовательских заклятий и, в конце концов, грустно покачал головой. Чары, защищавшие стены были слишком сильны, чтобы он смог преодолеть их. Он не был настоящим шифу, мастером руносложения. Так, недоучкой, знавшим от силы тысячу волшебных знаков.

Зато инженером-робототехником он был неплохим. Поэтому остаток дня за происходящим в замке с высоты в полкилометра следил небольшой квадрокоптер. Еще две, уже более серьезные машины, вооруженные легкими противопехотными лазерами, он сейчас собирал из запчастей. В свое время «Попаданцы» заплатили кругленькую сумму за модульный набор для полевой сборки дроидов.

Вечер сменился ночью. Попойка по поводу прибытия каких-то важных гостей закончилась. И бодрствовать в замке остались только часовые. Стоявшие лагерем на расстоянии лиги бывшие каторжники подошли к точке встречи и сейчас с опаской рассматривали высокие стены Фиршес-Гаф. Сонно топталась на месте пятиметровая туша осадного огра, закованного в доспехи. Литая бронзовая палица валялась рядом с ним на земле. Маг-погонщик, державший разум гиганта под контролем, рассматривал на планшете укрепления вместе с гномом.

— Если мост опустить, то ворота вынесем. Там уланы стоят, стрелков мало, прорвемся. — Вынес вердикт он после того, как разделывательный дрон показал ему крупным планом ворота снаружи и изнутри.

— Тогда поехали! — Василий подошел к туше быка, которую приволок с собой огр и начал меняться. Прикладная метаморфистика, или оборотничество, процесс трудоёмкий и неспешный. Легкоусвояемая органика под рукой сильно облегчала друиду-метаморфу его колдовство.

Через несколько минут богомолообразная тварь стояла рядом с обглоданными костями быка. По виду лицезревших превращение каторжан было понятно, что они хотели вернуться на каторгу. Да что там каторга! Даже гонявшая их до седьмого пота Хеби была для них сейчас как родная мать.

Между тем Василий в обличии клакона-разведчика посеменил ко рву. Плеска не раздалось, когда он встал на воду и заскользил по ней как гигантская водомерка. Затем его силуэт начал подниматься, распластавшись по стене, на ходу меняя цвет надкрылий. Дождавшись паузы между патрулями, он перевалил через зубы стены и исчез из вида. Пару минут спустя в окнах одной из привратных башен что-то полыхнуло, завыла сирена и подвесной мост начал опускаться.

— В атаку! — заорала Хеби. Она уже неслась к воротам, а за

ней гулко топал огр. Легкой трусцой двигался за ними остальной отряд.

— Рано спохватились, — недовольно произнес Шарль на бегу.

Линг спокойным шагом двинулся за ними, поглядывая одним глазом в планшет, с которого контролировал дроидов. Снайперская поддержка и разведка еще никому не мешала.

Между тем он видел, что Василию приходится туго. В башне еще пару раз полыхнуло пламя. Со звоном посыпались стекла. А затем во двор выбежал друид. Хитин дымился и местами обуглился. Во дворе он налетел на нескольких пехотинцев в кирасах с мечами и не останавливаясь взмахом костяного клинка на передней паре лап снес одному из них голову. Как ни странно, противники не стали удирать от страха, а попробовали оказать сопротивление. Линг выстрелами лазера дронов убил двух магов, выбежавших из башни и целившихся в спину Василия из посохов. Он стал ждать перезарядки конденсаторов. И понял, что поторопился.

Высокий худощавый тип в парике с зеленоватой кожей и длинными ушами выскочил из казармы. Он, как понял Линг, был комендантом крепости. Повинуясь его магии из земли, взломав брусчатку, вырвались вьюнки и опутали лапы Василия. Друид споткнулся и пропустил пару выпадов, к счастью скользнувших по хитину. Линг заскрежетал зубами, скорее, ну заряжайся же! Комендант прищурился и произнес какую-то фразу на странном гортанном языке. И тут случилось непредставимое. Друида выбило из его боевого облика. В прямом смысле этого слова, как бабочка из кокона, он вылетел из спины клакона, ударился спиной об стену и сполз без сознания.

Ворота сотрясались от ударов огра, однако все еще не поддавались. Волшебство строителей пока держалось. С кровожадной ухмылкой, доставая саблю из ножен, длинноухий бросился добить врага. Линг выстрелил в него не до конца заряженным лазером дрона.

Получив болезненные ожоги, комендант остановился и начал озираться. Во дворе все прибывало народа. Один из прибывших, мужчина за тридцать в офицерской форме, указал в небо, тыча пальцем прямо в направлении одного из дронов. Тип с эспаньолкой стоявший рядом с ним достал из ножен саблю. Удар молнии направленный в небо был виден и из-за стены. Связь с дронами прервалась.

— Быстрее! — Заорал Линг.

За дело взялся Шарль. Здраво рассудив, что физику никто не отменял, он заморозил ворота и те рассыпались после следующего удара огра.

А потом во дворе отдельно взятой крепости воцарился хаос, когда Хеби, накопившая достаточно ярости и сил, на гребне огненной волны влетела между осыпающихся кристаллами створок. Под напором пламени, с десяток защитников умерли сразу.

Следом за ней протопал огр, бестолково размахивая дубиной. За ним вбежал Шарль, прикрывавший рвущуюся в атаку хоббитку ледяными щитами от стрелков на стенах. Линг, прорубая себе дорогу мечом через ряды противника, метнулся к месту, где упал друид. Сервоприводы его легкого экзоскелета недовольно выли.

А следом, топали неровным строем заключенные со щитами и копьями, в древних нечищеных кирасах и кольчугах. Вначале неуверенно, но затем, увидев смешавшиеся ряды противников, разбегающихся перед Хеби, уже с боевым кличами они ударили в пеших, бездоспешных улан.

Несколькими зарядами ледяной картечи Шарль очистил стены. Хеби вовсю орудовала огненным бичом.

Увидев, как ледяные иглы и пламя выкашивают бойцов, комендант коротко пронзительно свистнул и оставшиеся в живых защитники начали отступать в донжон. Напоследок он один раз выстрелил из пистолета в огра. Тот зарычал, бросился на обидчика. Но не добежал, упал как подкошенный.

Битве затихла. Шарль начал отдавать приказы.

— Первый взвод, в привратную башню! Второй, третий — на стены! — Заорал он, усиливая голос магией. — Четвертый — конюшни!

Не сразу, после нескольких болезненных искр посланных Хеби, но их солдаты оторвались от уже начавшегося обирания трупов и подчинились. Начиналась зачистка внешней части крепости.

— Ты как? — Шарль подошел к Хеби, утиравшей струящуюся из носа кровь, — ранили?

— Нет, перенапряглась. Лучше посмотри, как там Вася. Ему всяко хуже, — она облокотилась на Шарля, чтобы не упасть. И вдруг вздрогнула. — Она здесь! Где-то рядом!!!

— Кто?

— Ушастая! — Хеби опасливо озиралась по сторонам, пока они шли.

Посередине крепостного двора хрипел и истекал кровью агонизирующий огр. Его заживо разрывало на части корнями вишневое дерево, растущее из его глотки. Начал разгораться пожар в казармах. Из окон-бойниц донжона летели редкие арбалетные болты.

Друид уже пришел в себя. Он сидел, прислонившись спиной к

стене крепости рядом с привратной башней. Линг сидел рядом с ним и ковырялся в остатках сожжённых дронов. У его ног валялось четыре разрубленных трупа. На керамике брони появились выщерблины от ударов и попаданий магических снарядов.

— Шарль, если ты увидишь этого зеленого ублюдка, не убивай. Бери в плен. Я хочу знать, что он со мной сделал. И как он сотворил это, — Василий кивнул головой на мертвого гиганта в доспехах.

— Узнаем. Он в ловушке. Сейчас пока надо отдохнуть, силы восстановить. К обеду Эрих с ополченцами подойдет, ему весточку уже кинули. Тогда и закончим.

Шарль выставил караулы, и они легли спать. К их глубокому разочарованию утром выяснилось, что враги бежали, а нижние подвальные этажи затоплены водой изо рва.

* * *

Как же я ненавижу ночные побудки по тревоге!.. Особенно когда тревога оказывается не учебной. Я натянул сапоги, схватил свою саблю и выбежал из казармы вместе с остальными. Хименес оказался рядом. Орели робко жалась ко мне. На моих глазах Иероним применил какое-то экзотическое заклинание из своего арсенала на чудовищную демоническую тварь, рвавшую на части мечников. Снаружи на ворота обрушивались мощные гулкие удары.

Демон на поверку оказался чем-то вроде оборотня. Из его тела, как пробка из бутылки, вылетела фигура человека, ударилась об стену и сползла по ней. В майора с неба ударили два копья света. К счастью его чары «доспеха мага» выдержали удар. Он начал озираться, не поняв, откуда его атаковали.

Я накинул на себя «темновиденье» и увидел трех странных летающих големов над нами. Хименес понял меня с полуслова, и ударил цепной молнией из своего клинка по всем трем.

Уланы между тем сформировали подобие боевого порядка напротив ворот. И это оказалось большой ошибкой.

Створки внезапно покрылись инеем, а затем разлетелись осколками после очередного удара. В арке показалась фигура осадного огра. Но не она напугала меня, а стена пламени, ринувшаяся вперед вместе со знакомой фигуркой в белом халате и алой юбке. Легко как бумагу огонь смел низкоуровневые защитные заклинания солдат и оставил от их только обугленные трупы. За ней с боевым кличем бежали бойцы в каких-то древних

доспехах.

А дальше во дворе разверзлась преисподняя. Огонь, осколки льда, летящие во все стороны. Дерущиеся люди. Совсем не то место, где мне бы хотелось находиться после плотного ужина. Я схватил полезшего уже в схватку Хименеса и потащил за собой к входу в донжон. Я уже знал, что мы не удержим двор и стены. Каким же я был глупцом, когда преследовал их после неудачного покушения.

В другой руке я держал ладошку Орели. Она опять испугалась и была бесполезна. Иероним пытался хоть как-то построить оборону, но вестники Энлиля в ближний бой улан не подпускали. Майор еще не знал, что за враги пришли по наши души… Да и спину их надежно прикрывали пятеро магов со штурмовыми посохами.

Спустя несколько минут по сигналу началось отступление. Я, как мог, старался прикрыть наших, стреляя из бойницы магическими стрелами. По-моему, даже в кого-то попал… Хименесу повезло меньше. После первой же молнии в него прилетел заряд ледяной картечи. К счастью он отделался легкими ранами, но высовываться больше желанием не горел.

Полчаса спустя, когда майор фон Мюнхгаузен расставил посты, на первом этаже подвала в просторной комнате, вдоль стен которой стояли скамьи, начался военный совет. К моей радости Асанте, Карл и Вильгельм были живы, отделавшись мелкими ссадинами и царапинами. Густаф тоже успел спастись, хотя его я бы с большим удовольствием похоронил. Присутствовали еще два ротмистра и четыре лейтенанта.

— Что это было вообще? Кто эти маги, Тиамат их побери? Они конечно не пятый уровень на нас обрушили, но что-то приближающееся! — Иероним как тигр в клетке метался по комнате. — Да еще и колдовали с руки! Про оборотня я вообще молчу… Сектанты? И, кстати, оберст, вы — трус!

— Иероним, вы имели честь познакомиться с посланцами божьими. — Я откинулся назад на стуле. — А насчет трусости… я просто в курсе, на что они способны и трезво оценил шансы. Чем вы этого огра достали? Первый раз такое вижу!

— Особая эльфийская магия. Заговоренная вишнёвая косточка. Обычно при осаде используется, но гномийский пистоль, как видите, открывает новые варианты для применения. Пару раз при охоте на оленей использовал, — майор остановился, отхлебнул из фляги и криво ухмыльнулся. — Раз вы, Петер, такой информированный, то скажите, что теперь делать!

— Как что? — я удивился, что он не понимает очевидного, — Бежать, конечно! Без батальона магиерваффе я бы не стал

связываться с этой компанией. Я надеюсь, тайный ход есть?

— Есть и не один. И куда же вы хотите бежать? — в голосе Иеронима читалось нескрываемое презрение.

— Значит так, — ему таки удалось меня разозлить, — Я тут старший по званию. И я приказываю. Отступаем.

— Идите вы в хинтерн! — прошипел майор. За его спиной поднялись со скамей его офицеры. Некоторые положили руки на рукоять оружия.

Де Фриз и Карл начали, что-то шептать. Зашевелилась магия. Только бунта и резни мне не хватало!

— Орели! Бетрезен куг-Инанна-ке гу му-на-де[32]… - сказал я первое что пришло на ум. Фразу из какой-то древней летописи. И угадал.

— Ну-му-нши-н-гур-эд-э![33] — в ярости закричала бистаа.

Накрыло нас всех. И гораздо сильнее, чем когда-либо до этого. Причем не страхом. Видением выжженных равнин и бурлящих лавовых озер. И тварей, самих порождений кошмара, что живут там. Они рвали нас, еще живых на части под багровым небом и черным солнцем.

Я очнулся первый. Орели плакала в углу. Я снял с пояса майора флягу и опустошил ее.

— Я не хочу туда, — слышалось сквозь всхлипывания. — Не хочу опять туда. Верни мне сердце!

— Куда? — я присел рядом с ней и обнял, — Куда ты не хочешь?

Но она уставилась на меня непонимающими глазами.

— Петер что случилось? Почему все без сознания?

— Ты ничего не помнишь? — разочарованно спроси я.

— Нет.

Потихоньку остальные начали оживать. От греха подальше я собрал оружие у майора и его людей и сложил рядом с собой.

— Так вот, майор, я вам все же предлагаю послушать моего совета. Выводите своих. Вам не победить посланцев Энлиля. Вы даже со мной, трусом справиться не можете.

Они смотрели на меня, медленно приходя в себя.

— Так точно. Вы демонопоклонник, господин оберст? — наконец спросил Мюнхгаузен.

— Нет… поверьте, я с инквизитором консультировался, — невесело ухмыльнулся я.

Мы потратили час на сборы. К счастью на приступ враги пока не шли. Отдельный тайный ход вел из конюшни. Внутри поставить караул враги не догадались. Пока все их внимание было приковано к иллюзиям, сотворенным Асанте в окнах, нам удалось, выбраться из замка вместе с лошадьми по длинному,

почти в поллиги широкому подземному ходу. Перед уходом мы затопили нижние уровни склада, водой изо рва.

Интермедия

Ветер шелестел листвой огромного меллорна, которому было почти две тысячи лет. В кроне его располагался дом-лаборатория великого биоманта. Попасть туда можно было только по воздуху. Далеко внизу шумел тропический лес. Раздавались крики птиц. Трещали ветви под напором гигантских ящеров-таррасок, продиравшихся через дебри. Рычал какой-то хищник.

Тлейклелья, подмигнул третьим глазом, экран головизора, висевшего на стене, погас. Пульт постоянно то терялся, то его съедал один из многочисленных тестовых образцов, в организме которого не хватало метастабильного ядерного изомера гафния из батареек. Или мозгов.

Так как форма тела для биоманта была вещью очень непостоянной, то жестовое и голосовое управление тоже не всегда подходило. А работалось под фоновое бормотание ТВ все же комфортнее. Тогда Видящий отрастил себе орган, излучавший в ИК диапазоне управлявшийся простенькой трехнейронной схемой. После этого он забыл про неудобства.

Сейчас он был в своей исходной гуманоидной форме. Высокий, длинноволосый эльф с зеленой кожей и прекрасным несколько женским лицом. Он был наг. В этом мире ему было не перед кем соблюдать приличья. Да и тропическая жара брала свое.

Верховный Видящий посмотрел на дело рук своих. Цветок был прекрасен. Скопление красных лепестков напоминало розу и издавало тонкий приятный аромат. На концах острых листьев с шипами блестели капельки контактного нейропаралитического токсина.

Тлейклелья насадил на палочку кормовую лягушку из горшка и осторожно поднес ее поближе. Растение среагировало молниеносно. Резко выбросило два тонких острых ростка пробивших тело амфибии насквозь. Также молниеносно сдернуло тельце лягушки с палки и затащило в открывшуюся посреди цветка пищеварительную полость.

Эльф с улыбкой смотрел, как в полупрозрачном мешке переваривается на его глазах кожа, затем мясо, а потом и кости. Внезапно его лицо исказилось. Из протянутой руки вылетели нити протоплазмы, оплели несчастное растение и растворили его.

— К чему все это… обычный противопехотный куст-шипострел все равно эффективнее. Да и с кем мне воевать теперь…

Последняя передача Мир-2 вывела его из равновесия. Он не

сразу понял, что, несмотря на все переформатирование своего мозга, судьба своего потомка ему все равно не безразлична. Этого убогого творения, унаследовавшего лишь часть его совершенных генов, да и то не в оптимальной комбинации. Но это был лучший подарок, который он мог тогда сделать спасшей его человеческой самке.

— Примитивные природные методы воспроизведения… — фыркнул он вслух. В последнее время он часто говорил сам с собой.

Однако какие-то остатки инстинктов у него есть, отметил он с некоторым неудовольствием. Тлейклелья подошел к двери, вышел на балкон и начал медленно и со вкусом отращивать себе крылья. Полет его всегда успокаивал. Можно было направиться к бывшему первому спикеру совета биомантов Зегане или к госпоже Ксоко проводящей время в поисках идеала красоты, но настроения сегодня не было.

Громко хлопая крыльями, он поднялся выше, поймал ветер и отдался его воле. Как обычно его понесло к Морю. Расслабившись, он предался воспоминаниям.

Две тысячи лет назад они понесли поражение и бежали. Бежали в свой родной мир, который с радостью принял своих блудных сыновей в объятья и сожрал, перемолол их. Уничтожил саму их суть.

Тот кошмар, из-за которого их предки покинули родной мир, никуда не делся. То искушение. Куда-там жалким демонам Мир — 2 и несуществующим богам Терры. Только клаконы могли бы предложить что-то схожее. Хотя они бы не поняли сути конфликта, разорвавшего эльфийский народ на две части. Ту, что бежала десять тысячелетий назад, оставшись верна традициям воинственной биологической цивилизации и другую, слившуюся в единый организм — Море. Клаконы бы не сомневаясь, изменили себя, отвергнув индивидуальный разум, и приблизились к тому состоянию, когда ими правили Матери ульев.

На горизонте показалась коричневая полоска Моря. Бурой вязкой жижи покрывавшей многокилометровым слоем всю планету. Всю, кроме резервации для примитивных вернувшихся, которые боялись расстаться со своим обликом, личностью и индивидуальностью.

На скалистом куске суши Море — единение душ и тел тех, кто не ушел через порталы — создало для них родные джунгли. Море установило приятный климат. Море изменило длину суток на более комфортную. Оно было почти всемогуще и терпеливо.

Море отправило к ним посланников, уговаривавших беженцев слиться с ним. Они уничтожили их. А потом один за одним эльфы

стали пропадать. Кто-то с горя от потерь входил в коричневые волны, другие из любопытства. Некоторые возвращались, звали с собой. Их убивали. Точнее разрушали тела. Убить их было невозможно.

Прошло двадцать веков, и Тлейклелья остался почти один. Он остервенело менял себя, не свое тело, а свою суть, свой разум, чтобы не поддаться искушению. Посланник в виде когда-то любимой им Тлолли пришел за ним лично. Он, звал его с собой. Тлейклелья знал, что это копия. Что его подруга давно растворилась и телом, и душой в хаосе. Но уничтожить проклятое создание ему все равно было тяжело.

Видящий не сдался. Пелена между вселенными истончилась от сияния новорожденного бога. Он почувствовал, что гномы снова ступили на поверхность Мира, нарушили вечный договор, и смог открыть портал. У него была цель.

То, что увидел он там, остудило его пыл. Подгорное племя изменилось. Они пришли не в боевых доспехах и рудокопных машинах, а со стихами и музыкой, которой бы не постыдились менестрели древности. И не рвались гномы жить в Мире при чудовищной для них силе тяжести среди варваров.

Тлейклелья попутешествовал по государствам людей. Не веря глазам своим, смотрел он на Великое древо своей бывшей столицы, сохраненное друидами зеленого ордена. Но с еще большим удивлением он слышал новости, приходящие из Федерации Терры.

Он сумел пробраться на челнок и оказался на Земле. Там он своими глазами увидел многое, что заставило его переоценить перспективы конфликта. Космические корабли и технологии, которые даже гномов прошлого заставили бы скрежетать зубами от зависти. Когда он лично прибыл на американский континент и блуждал по искаженным, кастрированным Садам порождений его сердце обливалось кровью от обиды. Его творение было безнадежно испорчено.

Он закопался в инфосферу солнечной системы с украденного планшета-коммуникатора, и тогда его обуяло отчаяние. Когда ученик превосходит учителя — это гордость. Когда подопытная обезьянка, выведенная для генетических экспериментов, превосходит в своих достижениях ученого — это фарс.

Совершенные технологии клонирования. Ретровирусы способные, сделать из человека слабого, но мага. Проект терраформирования Марса, все теми же Садами порождения. И это все без помощи магии.

И безумный бог, творящий миры на потеху публике.

Тлейклелья пробрался в его обитель незамеченным, как он

думал. Он нашел сферу, заключавшую в себя Мир-2, и вошел в него. Видящий надеялся, что там он сможет начать заново. Создать заново достойную эльфийскую цивилизацию.

Не вышло. Родные по крови, но варварские племена, не знавшие магии живого, отвергли его дары с презрением. Немертвые маги смотрели на него как на угрозу. Они поплатились за свои дела, но Тлейклелье пришлось уйти обратно на родину.

* * *

Эльф приземлился на берегу. Волны разумной жижи накатывали на камни пляжа. Эльф подошел к самой границе прибоя. Он смотрел на океан, поглотивший некогда гордый народ. Поднял ногу в нерешительности, чтобы сделать шаг вперед. Лицо его исказилось ненавистью. Он развернулся и пошел к стоявшим вдалеке деревьям. Увеличиваясь в размерах Тлейклелья обрастал роговой броней. В воздухе витал запах тарраски. Тлен и фиалки. Достойный противник для того, чтобы выпустить злость.

— Не сегодня! — прошептал он себе под нос. — Я еще найду способ вернуть наш народ к былому величию.

Фигура эльфийки, сформировавшаяся из материи составлявшей Море, грустно смотрела ему в след.

* * *

Изображение погасло. Голограмма владыки Лунного престола Юэ Ту в задумчивости начала расчесывать бороду. Князья севера и юга смотрели на своего повелителя, ожидая вердикта. Рене Коти задумчиво крутил в руке зажигалку.

— Артур! — Горбовский, когда волновался, называл меня старым, еще до вознесения данным мне именем. — Я правильно понял, что там, на заднем фоне на последних кадрах был бионический орбитальный лифт? У вас нет в лучшем разрешении?

— Нет.

— Вы не могли бы еще разок туда переместиться? Видеозаписи подробнее сделать, образцы взять?

— Леонид, Андреевич. Меня туда впустили. Ненадолго. Посмотреть и все, — начал объяснять я повелителю Терры. — Если вы думаете, что Море меня не заметило, то вы сильно

ошибаетесь. Заметило. И намекнуло, что мне там не рады.

— Жаль… Врагов я предпочитаю знать в лицо.

— Оно не враг нам. Оно нам никто, — ответил я, — Как луна для муравейника. Вы же понимаете, что если бы у него были какие-нибудь агрессивные или прогрессорские намерения, его было не остановить? А между тем Мир несколько тысячелетий управлялся сам по себе.

— Я, Артур, НИЧЕГО не знаю. И ваши догадки мне не интересны. Я знаю только одно, что рядом есть еще одна сила, с которой приходится считаться даже нашему богу-защитнику. Это, не считая Матерей клаконов, где-то бродящих недобитых древних богов, а теперь, с вашей легкой руки, еще и демонов Мира-2. И мы должны дать достойный ответ этим угрозам безопасности в обеих вселенных.

Изображения владыки лунного престола кивнуло и назидательно произнесло

— «Если ты знаешь своих врагов и знаешь себя, ты можешь победить в сотнях сражений без единого поражения».

— Истинно так! — сказал Горбовский. — Я думаю заседание совбеза обеих вселенных можно закончить. Нам всем есть, о чем подумать.

Погасли голограммы. Вышли, о чем-то перешептываясь, Рене с Горбовским. Исчезло и гнетущее меня невидимое присутствие гоблинского бодхисатвы. Ему тоже было, о чем поразмыслить. Я остался один в своем кабинете.

Глава 7 В которой приключения заканчиваются

Это событие вошло в историю Таира как «День длинных ножей».

Скажем прямо, рейхсинпектор По откровенно недооценивал могущество корпуса «Дворянская Добродетель». Нет, теоретически он знал, что члены этой организации состояли почти во всех структурах империи. Но такой фанатичной преданности и эффективности он не ожидал.

Когда он рассказал графу Грегору Штрассеру, фельдмаршалу империи в отставке, второму человеку в ДД после императора Гора, свои догадки и позволил ему познакомиться с избранными материалами дела, он надеялся только на то, что в случае мятежа он сможет обеспечить безопасность центральных кварталов, где располагалось правительство и арсеналы. Но никак не думал, что результатом его действий станет кровавая и молниеносная расправа над всеми несогласными.

Много лет спустя, в своих мемуарах По высказал теорию, что этот путч был подготовлен самим кайзером Гором и что его императорское величество только ждало удобного момента и предлога, которым и послужила информация полученная тем вечером от рейхсинспектора.

На самом деле еще в 3995, за год до описанных событий, Штрассер регулярно объезжал подразделения ДД и морально готовил личный состав к предстоящему выступлению, собирал информацию, которая могла бы доказать Гору и таирскому генералитету «преступные замыслы» Виттельбаха и верхушки Тайной государственной полиции. В частности, герра Йоффе. Но ему не хватило доказательств.

У большинства аристократов не было целью организовать восстание или иной вид открытого неповиновения, многие просто пытались оказать политическое давление на его императорское величество, для того чтобы замедлить отмену дворянских привилегий и крепостного права. Но все эти оппозиционеры были в черных списках герра Штрассера. Рейхсинспектор По даже не подозревал, что обратившись к нему, он поджигает запал ведущий к бочке с гномийским алхимическим составом.

Штрассер принял По сразу же, провёл в свой кабинет, пожал руку. Имперский судья попросил поклясться о молчании до завершения дела. Рейхсинспектор сказал, что знает о его непричастности ко всему этому, и приказал не подчиняться более

приказам столичной тайной полиции. «Дело», о котором говорил По, состояло в аресте Йоффе.

В тот же день Штрассер сообщил командующему территориальным округом ДД, барону Карлу фон Эберштайну о подготовке государственного переворота, приказал связаться с командующим военным округом и привести в боевую готовность все подразделения ДД и лояльные полки.

Однако открытый арест криминальдиректора Иоффе мог повлечь нежелательные последствия. Его пособников пришлось бы потом еще долго ловить по всему Таиру. Да и совершить гадостей перед поимкой они могли предостаточно. Так что Штрассер предпочел решить проблему одним ударом. Он сообщил Йоффе и многим другим о том, что в Бад-Висзее пройдет внеочередное заседание «дворянского собрания». Там он планировал арестовать их и рассчитаться с каждым лично, сообразно их грехам перед отечеством.

«Горе тем, кто нарушит верность, считая, что окажет услугу рейху поднятием мятежа! Горе тем, кто попытается вмешаться в тонкости планов кайзера в надежде ускорить события. Такие лица станут врагами империи. Кто нарушит доверие кайзера — совершит государственное преступление. Кто попытается его разрушить, разрушит Таир. Кто же совершит прегрешение, поплатится своей головой.» — сказал он По перед тем как войти в зал заседания.

По, опасаясь за свою жизнь, остался тогда перед роскошно украшенными двустворчатыми дверьми. Он слышал приглушенные звуки боевых заклятий, крики раненых и стоны умирающих. Бойня длилась почти полчаса. Среди предателей тоже были умелые маги.

Парализованного Йоффе вынесли из зала еще дышащим. Мельком По увидел обои, неисправимо испорченные подпалинами и брызгами крови, расколотые столы, опрокинутые стулья. Вслед за Йоффе вывели немногих оставшихся в живых.

Рейхсинспектор в своем воображении по привычке начал раскидывать белые и черные камни на чаши весов, что держала в руках Нинхурсаг, Иштар правосудия. Сошелся на положительном балансе и пошел вслед за герром Штрассером. Процессуальные моменты при допросе всё же должны были быть соблюдены. Его живот негодующе бурчал от голода, а суставы и спину ломило от непривычной физической активности.

Таким образом, когда пришли вести о том, что войска герцога пересекли границу, Таир был готов. Полки рейхсвера незамедлительно выступили навстречу.

* * *

Эрих со своими тремя сотнями и почти таким же количеством примкнувших к нему крестьян подошел к Фриршес-Гаф к полудню. Отсутствие необходимости драться было настоящим подарком для уставших ополченцев народно-освободительной армии. День и ночь они посвятили отдыху и переэкипировке.

Линг занялся ремонтом своих дронов. Василий медленно регенерировал. Шарль все порывался произнести речь о том, как важно нести пламя свободы, равенства и братства отсталому народу империи, но его уговорили дать людям отдохнуть.

Эрих метался как угорелый. Он заставил достать из подвалов оружие. Он организовал гвардейцев, что бы те занялись обучением. Он шепнул Хеби, что из деревни притащили насильно нескольких селянок, понятно для каких целей. Он пожалел о своем доносе, когда она в ярости испепелила целый взвод. И только к вечеру он успокоился, когда началась пьянка по поводу первой победы. Тогда он смог, захмелев, примириться с тем, что иги-а-нам-тиль, «связь крови», которую он поддерживал со своим сыном, бывшим в заложниках у Майнарда Виттельбаха прервалась. Что могло значить только одно. Его мальчик был мертв.

Они засели в офицерской казарме вместе с Адлером, попаданцами и парой гвардейских офицеров.

— Эрих, ты сегодня просто неугомонный! — сказал Василий. — Неужели проникся агитацией Шарля?

— Нет, оборотень, это страх. Я заслал своих во Фридрихсбург. Надо подбивать народ на мятеж, там целые кварталы заняты рабочими артифакторного производства, и, я тебе скажу, по сравнению с ними крепостные еще хорошо живут. Город загудел, как о мятеже услышал — спичку поднеси и полыхнет! Губернатор и жандармы это чуят, собирают полки. Но это не самое страшное. Прибыл великий Инквизитор. И прибыл он по вашу душу!

— Религия — опиум для народа! — выдал Шарль заплетающимся языком. Пить он никогда не умел, — клирики только и могут, что пудрить мозги трудящимся, сбивая их с правильного коммунистического пути.

— Слушай, я не знаю, кто там прав насчет богов, но Хосе де Молинес может стереть с лица земли пару городов и только потом пойдет перезаряжать свой амулет! Это не шутки. Вы пока с провинциальными гарнизонами рейхсвера воевали. Ни с магиерваффе, ни с инквизицией не встречались!

— Линг! — гаркнул Шарль, — Что мы делаем с сильными

магами?

— Рисуем руну фань ше — отражение… — уныло произнёс гном. Он не мог присоединиться к общему веселью. Местный самогон был слабее гномийского пива, и выпить столько, чтобы захмелеть, он физически не мог.

Эрих вздохнул. Василий наклонился к нему и прошептал:

— Не ссы, прорвемся!

Утром они выступили на Брюгге, оставив гарнизон из сотни окрестных крестьян под управлением гвардейцев в крепости.

На пути их ждала засада, организованная бароном фон Мюнхгаузеном. Вряд ли уланам удалось бы перебить такой большой отряд, но нанести серьезные потери они могли. Их спас Линг, который вел свои дроны на несколько километров впереди колонны.

Я думаю не надо объяснять, что происходит при маневренной войне, когда одна сторона имеет БЛПА и средства, позволяющие превратить пару гектаров леса в перепаханное поле, а другая нет?

Пока Хеби колдовала бледное подобие «Карающей длани» доступное ей, а Шарль рисовал септограмму «градобития Меригольд», Эрих с полусотней, произведенной в «спецназ», смог незамеченным зайти во фланг.

Улан спасло только отсутствие лошадей у мятежников. После магических ударов кавалеристы бежали в панике. Василий в своем любимом обличии клакона-скаута преследовал их почти лигу, внушая ужас и добивая отстающих. Ему очень хотелось познакомиться поближе со своим обидчиком — майором фон Мюнхгаузеном. Однако, Иероним приложил его парой весьма болезненных заклятий из своего «особого эльфийского» арсенала. Самым эффективным из которых оказалось благословение святого Рейда, широко используемое для борьбы с тараканами. После чего зарвавшийся друид сменил свой облик на саблезубого ленивца и отстал, ожидая основных сил.

Заставу на окраине Брюгге они смели массированным магическим ударом. В городе их встретили настороженно, но сопротивления не оказали. Наверное, если бы в Таирсрейхе была бы такая традиция, то мэр вышел бы с хлебом и солью. Но подобного обычая не было, поэтому Шарль получил только ключи от города. Остатки батальона «Брюгге» вместе с уланами заперлись в полуразрушенном форте.

На следующий день Хеби разошлась не на шутку. Время ее не ограничивало. Она достала свой конспект лекций по теормагу авторства гениальной Ингрид Торвальдсон и ее мужа старшего магистра Алексея Торвальдсон и начала методично на пару с Шарлем Красси уничтожать форт, пользуясь всеми бонусами,

которые давала противофаза стихий. В отличие от защитников в мане она ограничена не была.

К обеду, после длительной бомбардировки огненным дождем, остатки улан выбросили белый флаг, и ополчение стало выводить пленных и выносить раненых. Майора с офицерами так и не нашли. И только тогда с северо-востока в город вступили повстанцы под командованием оберста гвардии Карла Либкнехта, ожидавшие до этого, чем закончится битва.

Оберст долго осматривал руины, украдкой колдовал «идентификацию волшебства», замерял магический фон и качал головой. Майнард не преувеличивал, когда говорил о могуществе посланцев Энлиля.

К вечеру они собрались вместе в здании магистрата для серьезного разговора.

— Я не ожидал таких успехов! Герцог будет очень рад услышать о них. Я думаю самое время нам закрепиться на линии озеро Фиршес — предгорья Кур-Саг с опорным пунктом в Фиршес-Гаф. Имея столь узкий фронт, мы с наличными силами сможем…

— Карл, мы очень благодарны вам за участие в организации Революции — перебил его Шарль, — и революционное правительство будет радо видеть вас в качестве советника, однако ни о какой остановке наступления речи не идет, пока мы не возьмем столицу Империи.

— Герр Шарль, Майнард четко сказал, что…

— Слышь, ты! — Хеби вскочила на стол и прошла по карте, расстеленной на нем опрокидывая фишки, обозначавшие расположения гарнизонов. Хоббитка в кое-то веки после этого смогла взглянуть сверху вниз на человека. — Тебе не объяснили, что ты тут никто? И Майнард тут никто? Здесь власть народа, а мы его представляем. С сегодняшнего дня твои войска переходят в наше распоряжение.

Эрих в душе аплодировал Попаданцам. Однако для вида сказал:

— Шарль, Хеби, оберст все-таки лучше знает с театр военных действий…

— Он, послушный клеврет империализма и аристократии, не знаком с интересами крестьянства и рабочего класса! — огрызнулся Шарль. — На данный момент, пользуясь стратегической инициативой, мы начнем наступление на Фридрихсбург. Товарищ Либкнехт, вы можете быть свободным.

Карл покраснел от злости, открыл рот, но заметив прищуренный взгляд полурослицы возвышавшейся над ним сдержался, встал и удалился.

Они сидели еще часа три, обсуждая направление главного удара, снабжение, распределение командования… Это все были мелочи недостойные нашего внимания. Судьба республики Брюгге и народно-освободительной армии решалась в походном шатре оберста Либкнехта. Тот не пожалел маны для прямой связи с Майнардом Виттельбахом.

— Мой господин, они неуправляемы.

— Я разочарован тобой.

— Господин, они готовы выступить на Фридрихсбург. Я не смог их остановить. Я знаю, что у них уже есть свои люди в городе. Они возьмут губернскую столицу, я готов поручиться за это.

— Ты понимаешь, что если они получат этот город, то окончательно перестанут зависеть от меня? Там хранятся колоссальные запасы маны необходимые для производства! Этого нельзя допустить! Империей должен править я, а не толпа крестьян!

— Да, мой господин.

— Задержи их. Мне нужна одна неделя для нужного положения планет. А затем я нанесу сокрушительный удар. А еще лучше постарайся уничтожить эту назойливую армию сам.

И вскоре ему представился шанс. На следующий день, когда объединенная армия успела проделать половину пути до Фиршес-Гаф, их встретил один из бывших каторжан, посланный на разведку. Новости, которые он принес, оберста обрадовали. Навстречу им двигался большой отряд.

Шарль тоже был доволен, хотя по другой причине. Устраивать бойню в городе, где находилось множество гражданских, и было невозможно применить магию массового поражения, он не хотел, и сейчас сама судьба давала в его руки шанс избежать длительной осады.

Сотню гвардейцев Шарль послал в форт, чтобы имперцы не смогли занять его с ходу, а остальным скомандовал привал. Попаданцам надо было подготовить магические удары и план сражения.

Либкнехт решил саботировать эту битву. Он пришел к посланцам Энлиля с планом классической линейной баталии, который сулил немалые потери, к тому же у гвардейцев появлялась возможность ударить в спину. Пришельцы посмотрели на него, как на идиота, и отослали прочь. Вместо лобового столкновения они дождались заката, когда каратели подступили к стенам Фиршес-Гаф и стали лагерем.

Вскоре, основная группировка таирской армии, три пехотных полка, почти дивизия, была уничтожена на ночной стоянке

внезапной атакой мятежников после нанесения массированного магического удара. Армейские амулеты раннего оповещения не были рассчитаны на незнакомое волшебство, которым пользовались Попаданцы. Их грубая мощь просто смела защиту, спешно выставленную магами поддержки.

Таким образом, воплотить приказ Майнарда в жизнь у Карла Либкнехта не вышло — войска рейхсвера оказались просто растоптаны.

Оберст, сам бывший неплохим колдуном, наконец, смог увидеть в действии Попаданцев и ужаснулся. Его повелитель, Майнард Виттельбах, был прав. С посланцами бога, вышедшими из-под контроля, могли сразиться наравне только высшие демоны.

Именно на этот запасной план оберст и переключился. Благо теперь путь на Фридрихсбург был свободен.

Как известно, в Таире две беды — дураки и дороги и если со второй после ночного сражения все разрешилось, путь к губернской столице был свободен, то глупость народная никуда не делась. Рыхлая толпа крестьян и бывших заключенных из-за плохой организации подходила к стенам города позже, чем планировалось.

Она не успела попасть под удар прорыва Инферно и прибыла окраинам губернской столицы как раз вовремя, чтобы со стороны увидеть результат действия высшей демонологии в исполнении великого герцога и богоравного Бетрезена.

* * *

Вначале, когда они только подходили к городу, Эрих думал, что это всего лишь грозовое облако. Только когда дорога вывела Народно-освободительную армию, все пять тысяч человек, на вершину холма он осознал происходящее. Попаданцы с интересом разглядывали погодный феномен, как они думали. А вот солдаты — бывшие крестьяне падали на колени и начинали истово молиться Мардуку-защитнику и Иштар-заступнице. Некоторые из них не понаслышке знали, что катаклизм предстал перед ними.

Огненный вихрь воронки Инферно застыл над Фридрихсбургом и медленно поглощал огромный город. Под напором пламенного ветра крошились высокие многоэтажные каменные дома в центральной части города. Даже здесь, в предместье, воздух пах серой.

На северной окраине, вела бой инквизиция. К ней примкнули

остатки гарнизона. Вспышки священного света резали глаза даже на расстоянии лиги. Цепочка беженцев всё еще текла на север по Таирбургскому тракту. На встречу же народной армии не попалось никого. Только на заставе невдалеке лежало несколько растерзанных трупов.

— Вот видишь, змейка, надо нам было все же взять в команду Арк-ан-Сьель 17. И с резонансом стихий было бы проще имей мы мага воздуха под рукой. И тучку бы эту она вмиг разогнала, — сказал Линг.

— Линг! Ты достал мне на эту тему мозг трахать! Переспи с ней уже, только от меня отстань! Ты же знаешь, я ненавижу клонов. А она еще и одевается как шлюха, — огрызнулась Хеби.

— Хеби то, что она красивей тебя, никак не сказывается на ее профессиональных качествах, — сказал Шарль.

От локального Армагеддона после этой фразы его спасла только реакция гнома, начертавшего молниеносным движением руны 屏障 (Píngzhàng — барьер) в пространстве между ними. В невидимую преграду врезалось пламя и рассеялось искрами. Эрих отвлекся от созерцания катастрофы и повернулся к ним.

— Вы не понимаете? Это прорыв Инферно! Вторжение демонов! Воронка пятого уровня. Надо отступать, пока их инквизиторы на себя отвлекают. Теперь на несколько десятков лиг вокруг никого живого не останется! Хорошо если эти твари до Фиршес-Гаф не дойдут! Бежать надо.

— Демоны — это выдумки клириков, — ответил Шарль, — перед нами всего лишь выброс дикой магии воздуха. Жанна Арк-ан-Сьель еще и не такие штормы усмиряла. — Он опять укоризненно посмотрел на окрысившуюся Хеби.

— Да?! Где этот ваш голем — наблюдатель? Сейчас он вам покажет, что это за дикая магия!

Над их головами, шелестя крыльями Мардука за спиной, пролетела фигура инквизитора в полном доспехе в направлении Брюгге. Эрих увидел, как Карл Либкнехт поднимает посох и прицеливается.

— Не смей! — крикнул он. Его маг, Адлер, стоял к оберсту ближе и выбил оружие из его рук. — Ублюдок! Они вне политики! — Прошипел Эрих. Карл не ответил, только зло прищурился. — Ну, гном, давай, запускай свою механическую птицу!

Линг вопросительно посмотрел на Шарля. Рисковать дроном ему не хотелось. Запас запчастей был сильно ограничен.

— Запускай Линг, — кивнул Красси.

Линг, скрепя сердце, достал из рюкзака квадрокоптер, подкинул его в воздух, затем взял в руки планшет. С тонким

визгом дрон устремился вперед. Окраины были пусты, ни одного человека, даже собак не было видно. Редкие тела лежали на улицах. Лишь на крышах сидели многочисленные кошки. Линг опустил квадрокоптер ниже, и понял, что ошибся, мелкие обезьянообразные твари с окровавленными клювами заметили наблюдателя и начали кидать своими когтистыми лапами в него камни и куски черепицы.

Дрон снова набрал высоту и устремился дальше, в центр города, к сформировавшемуся огненному торнадо. Некоторое время стая мелких лесных бесов преследовала по крышам наблюдателя, но вскоре отстала. Тогда Линг снова рискнул опуститься ниже, до высоты в несколько метров над крышами.

По улицам бродили твари. Широкогрудые гончие хозяина охоты Бегела гордо выхаживали по мостовой. Одна из этих похожих на питбуля размером с лошадь тварей, покрытая антрацитовой чешуей, задумчиво грызла ногу еще живого солдата. Совсем юного парня она прижимала лапой к земле и деловито обсасывала берцовую кость. Он кричал от боли.

Полуразумные великаны, подручные повара владыки легиона Вешапи — рогатые, с белесоватой кожей, покрытые складками жира — с тупыми выражениями на мордах свежевали трупы. Куча тел перед ними уже возвышалась метра на три. Вокруг растекалась огромная лужа крови. Тут неясная крылатая тень набросилась на дрон откуда-то сбоку, и изображение пропало.

Шарль сжал кулаки. Василий недобро прищурился. Трава вокруг Хеби скручивалась от жара. Эрих до крови закусил губу.

— Поняли теперь? — спросил он.

— Да, — ответил за всех Шарль. — Командуй атаку.

— Что-о-о?! — Глаза Эриха и наблюдавшего с некоторой дистанции на голограмму, зависшую над планшетом, Карла Либкнехта вылезли из орбит.

Со стороны города раздался гул от взрыва. Инквизиция продолжала вести арьергардный бой.

— Мы идем уничтожить этих гадов. Если клирики могут справиться с этим, то и мы сможем. — Шарль был безапелляционен. — Линг, ты сегодня поддержка, с тебя разведка и щиты. Хеби и я прикрываем в ближнем бою. Василий ты в дриаду осилишь перекинуться сейчас?

— Полчаса облик продержу, не дольше, — ответил с явной неохотой друид.

Он начал копаться в своей разгрузке. Достал флакон с тяжелой водой, несколько пузырьков с редкоземельными металлами смешал все и выпил.

Дриады, самое совершенное оружие, созданное когда-либо

эльфами мира из которого пришли попаданцы, имели очень специфический метаболизм, если биомагический термоядерный синтез можно назвать метаболизмом. Им были под силу направленные микроволновые удары способные сбивать спутники и баллистические ракеты на орбите, электромагнитные импульсы, выжигавшие терранскую электронику и гномийскую рунотехнику, энергетические щиты и множество других милых способностей, что делали этих дочерей Сада Порождений чуть ли не более страшными противниками, чем легендарные драконы. Конечно, те поделки, которые могли сотворить маги зеленого ордена друидов и выпускники биотеха Нового Сиднея несколько отличались от оригинала в худшую сторону.

К сожалению, каждое такое превращение, даже самое краткое, стоило дороже, чем хороший представительский флаер Е-класса. Для метаморфоза требовались редкие короткоживущие изотопы осмия и родия, оружейный плутоний, тритий, потрясающее магическое искусство и откровенно суицидальные наклонности, чтобы выпить этот коктейль.

Пока Василий готовился к метаморфозу, а Линг одну за другой рисовал в воздухе руны защитных чар, Шарль и Хеби пытались построить войска.

Когда бывшие крестьяне услышали про самоубийственный приказ, поднялся ропот. Бунт был близок. На начавшего говорить воодушевляющую речь Шарля внимания обращали все меньше и меньше. Когда небольшая группа просто развернулась и пошла обратно по тракту, в дело вступила Хеби.

Для начала она на месте испепелила десятку дезертиров. Затем меткая огненная стрела пробила грудь гвардейца, громче всех кричавшего, что он на это не подписывался.

— Я вас тут сама сожгу, — прорычала жрица пламени. — Это я вам гарантирую!

— Сейчас кучей навалиться… — шел шепоток по замершим в нерешительности рядам солдат.

— Тут все и поляжем…

— Может, спасем кого там…

Кто-то толи слишком храбрый, толи глупый разрядил в нее штурмовой посох. Хеби на лету поймала сгусток пламени, способный пробить броню гномийского паротанка и изящным жестом отправила его обратно в стрелка. Коротко ухнул взрыв и наступила боязливая тишина.

— Еще желающие будут?

Ответом была молчание.

— Р-разойтись по сотням! И колонной по десять шагом марш! — рявкнул Шарль. Он развернулся спиной к строю и

пошел вперед по шоссе, ведущему к городу.

Конечно, ничего этого не произошло. Но испуганная толпа людей, сжимавших в руках оружие, кидая боязливые взгляды на Хеби, потянулась вперед за своим предводителем.

Улучив момент, к Шарлю подъехал Адлер.

— Слушай, если мы хотим победить, то нам надо объединиться с инквизиторами. Вы сами портал не закроете, без их помощи.

— Ты в этом уверен? — спросил маг воды.

— Я в семинарии отучился три года, так что поверь, командир. Ты тут можешь биться хоть неделю, а они все новые и новые лезть будут. Нет, командир, не смотри так на меня. Я не смогу. Учиться — я учился, но недоучился, — ответил Адлер на невысказанный вопрос и поспешил на помощь Эриху.

Народно-освободительная армия шла своими нестройными путавшимися рядами в атаку. Гвардейцы — инструктора пытались было отстать, но Эрих, используя весомый аргумент в лице Хеби, поставил их в первые ряды. Либкнехт скрежетал зубами, но бунт поднимать не решился. Бывший атаман между тем метался на своей низкорослой пегой лошадке взад-вперед, раздавая приказания своим доверенным людям, и постепенно воцарялся порядок, а молчание из боязливого становилось сосредоточенным.

Они миновали заставу на въезде в город и беспрепятственно прошли несколько кварталов в предместьях, прежде чем появились первые противники. Лесные бесы, мерзко гогоча, кидались с крыш домов всяким мусором. Солдаты сначала смешались, но Шарль парой залпов ледяных игл заставил демонов спрятаться. А затем ополченцы вспомнили, что в их руках не просто палки, но настоящее оружие и начали с азартом отстреливать тварей из своих стрелковых посохов.

Василий на ходу завершал метаморфоз в зеленокожую полногрудую девушку с прозрачными крыльями за спиной, стараясь держаться подальше от других людей. Эрих начал рассылать взводы на разведку и поиск выживших.

— Я тоже хочу такие сиськи… — Хеби с завистью смотрела на друида — Дашь пощупать?

— Такие же зеленые? Трогать не вздумай! Пару грей[34] схлопотать хочешь? — Василий расправил свои стрекозиные крылья и для пробы сгенерировал перед собой плазменный щит.

Они вышли на небольшую площадь, на пересечении двух улиц. Видимо тут был рынок, но сейчас прилавки были разорены, всюду на земле валялись овощи. Пара забредших на окраину гончих Бегела копалась на прилавке с мясом. При виде людей они

радостно взвыли и бросились вперед. Василий хотел их смести плазменным ударом, но Шарль жестом остановил друида.

— Первый ряд на колено! Пли! — скомандовал он. Зажмурив глаза, ополченцы дали нестройный залп. Навстречу демонам устремился рой магических разрядов и арбалетных болтов. Только некоторые смогли пробить броню. Но и этого хватило. Порождения преисподней притормозили и начали пятиться громко рыча.

— Перезарядка! Второй ряд, огонь! — скомандовал Шарль.

Следующий залп был куда более метким. Одна из гончих лишилась глаза. У второй из пробитого горла потекла черная кровь.

— Огонь! — прокричал Шарль еще раз. И гончие побежали.

Вдогонку и продолжалась нестройная стрельба.

— Прекратить огонь, — приказал Шарль.

— К чему все это? — скривила лицо Хеби.

— Они должны не только тебя бояться, но и силу свою знать, — ответил ей маг воды.

— Сюда приближается что-то. У меня помехи сильнейшие, — встревожено вмешался в их разговор Линг. И действительно земля подрагивала от тяжелых шагов. На площадь перед ними вышел покрытый черной шерстью получеловек-полузверь. Голова твари располагалась на уровне третьего этажа. На груди был массивный роговой панцирь. Спина как у дикобраза щетинилась иглами. Массивные рога на голове задели угол дома, обрушив часть кладки.

— Смертное мясо само пришло, чтобы устроить мне трапезу! Ваша храбрость принесет вам смерть! — прорычал князь-демон Раннамаари, владыка лесов преисподней, отец народа бистаа. Повстанцы попятились, а оберст Либкнехт начал присматривать удобный путь для бегства.

На несколько магических стрел князь демон не обратил никакого внимания.

— Да пошел бы! — Пламя сорвалось с рук Хеби и ударило в морду демона. Тот лишь громогласно рассмеялся. Затем пришел черед Шарля. Несколько ледяных «игл Эльзы» бессильно ударили в панцирь, другие запутались в шерсти. Но и поток пламени, что изверг из своей пасти демон не нанес вреда. Несколько рун вспыхнули в воздухе и рассеяли пламя.

Хеби и Шарль начали обходить демона справа и слева. Но тут глаза Раннамаари взорвались, кровь потекла из звериных ушей, череп лопнул, и стены зданий окрасились демонской кровью и мозгом. Василий стер капельку пота, стекавшую по лицу. Тело демона, бьющееся в конвульсиях, рухнуло на дом, и было

погребено обломками. Двое ополченцев оказавшиеся слишком близко к лучу микроволн и упали замертво со сваренными внутренностями.

Либкнехт очумело смотрел перед собой. Четвертый круг одним заклятьем! Даже не заклятьем, магии оберст не почувствовал, а непонятно чем!

— Вперед! Быстро! — прошипел друид, чувствуя, что начинает терять контроль над своим обликом. — У меня минут двадцать осталось. Потом будете поединки устраивать.

— Линг, веди нас на соединение с Инквизицией, — приказал Шарль.

— Хорошо, тогда поворачиваем направо, — тут же отозвался гном.

И колонна потянулась дальше, на раскаты взрывов и вспышки инквизиторской магии. Двигаться приходилось быстро. Основная ударная сила, на которую Попаданцы возлагали свои надежды, была обликом дриады, который принял Василий. Но нестабильные изотопы неумолимо прогорали в топке биологического реактора. Времени оставалось все меньше. Они прешли на бег. Солдаты стреляли на ходу в мелких демонов. Их становилось все больше и больше, но ни адские гончие, ни лесные бесы уже не рисковали связываться с народной армией.

Чем дальше они продвигались, тем больше следов смерти попадалось на их пути — разрушенные и горящие дома, трупы на улицах — иногда в цветных инквизиторских сутанах и черных мантиях магиерваффе. Хватало и останков порождений преисподней. Но чаще виднелись тела в серой форме рейхсвера и трупы обычных горожан. Выживших почти не было, да и заниматься ими было некогда.

Дроны вели разведку. Линг, уткнувшись в планшет, выбирал путь. Эрих, неплохо знакомый с городом подсказывал ему.

Следующий серьезный противник встретился им у металлургических мануфактур. И это было логично ибо этот враг рода человеческого ко вкусу людской плоти был совершенно равнодушен. Кузнец адского Легиона, заменивший свою плоть на металл, предпочитал наслаждаться мучениями смертных, погружая их в жидкий пышущий жаром свинец и выпивая полученный расплав.

В отличие от Раннамаари, приведшего с собой большую свиту младших демонов, железный воин Каим всегда являлся на зов один. То, что владыку лесов развоплотили, Кузнец уже знал, но это ни капли его не беспокоило. Раннамаари никогда не был великим воином, по меркам преисподней.

Тяжело ступая по булыжникам мостовой высокий, в два

человеческих роста в шипастых доспехах, с огромным двуручным топором наперевес он шел навстречу, игнорируя выбивавшие искры из его брони магические заряды.

— Взмахни крылом! Залей водой! Расплавь огнём мои металлы! Мелом знаки нарисуй! — Смеялся он над попытками Попаданцев причинить вред его неживой плоти. — Я заберу ваши сердца и сплавлю их с медью!

— Да пошел, ты! — выругался Василий и сконцентрировался. — Шарль, не морозь, Хеби, поддай жару. Остальные назад!

То, что он хотел сделать, требовало времени, особенно если участь массу металла, с которым ему приходилось работать.

Шарль послушно перестал кидать бесполезные ледяные стрелы. А вот полурослича разошлась не на шутку. Даже стекла в домах по сторонам улицы начали плавиться.

Полминуты спустя ртуть, что заменяла Каиму кровь, вскипела и пошла горлом от высокочастотных индукционных токов сгенерированными такими нежными на вид крылышками дриады. Кузнец растекся исходящей жаром лужей по булыжникам мостовой. Каим пытался собраться обратно, и тогда Линг решил помочь. Он достал свою кисть, и перед ним в воздухе зависли руны 引力坍 (Yǐnlì tānsuō — гравитационный коллапс). Эти знаки вбили останки Каима в щели между булыжниками мостовой, сплавили с гранитом и глиной. А затем Шарль заморозил их обратно в твердое состояние.

— Пять минут, — простонал друид.

— Займите оборону! — коротко кинул Шарль Эриху и Карлу Либкнехту — время не ждет.

Попаданцы побежали, оставив солдат за своей спиной.

Пламенный князь-демон Фокалор попытался заступить их путь, но этот день был явное не его. Хеби походя, сорвала с него пламенную ауру, Шарль ударил всеми своими силами, прежде чем тот смог восстановить свою защиту, а затем дело завершил Линг руной кинетического удара.

За их спинами, почуяв, что страшные маги бросили на произвол судьбы кучу таких вкусных смертных демоны стали вылезать для укрытий. Шарль слышал треск фойерболов, и шелест магически стрел ополченцев. Он мог только надеяться, что успеет вернуться вовремя к ним на помощь.

Бежать пришлось недалеко. За очередным поворотом они оказались на широкой улице, ведущей на север, Той самой, которая переходила в шоссе ведущее на Таирбург. Перед собой они увидели широкую чешуйчатую спину змееликой Сииараш. Полуженщина-полузмея, ненавистная соперница Раннамаари,

оспаривавшая его власть над тварями четвероногими и безногими, наносила один за другим размашистые удары по пузырю «божественного щита» инквизитора в бело-синих одеждах адепта Шамаша, Мардука правосудия. Церковник сжимал в руках простой на вид деревянный посох.

Вокруг, распустив на манер кобр капюшоны на шеях, стоял выводок из первой кладки. Змееобразные демоны наблюдали, как их мать пытается добраться до вожделенной добычи — великого инквизитора Таира, Хосе де Молинеса. А тому только и оставалось, что держать защиту, выгадывая время, для беженцев. Любая его попытка перейти в атаку закончилась бы смертью. Церковник стоял среди тел своей свиты погибшей в бою.

— Погнали! — сказал Шарль, выпуская рой ледяных дротиков, разогнанных до скорости звука. Следом ударила Хеби. Из ее носа от перенапряжения уже текла кровь. Линг что-то лихорадочно чертил перед собой и вместе с огнем улицу заполнили молнии. Крылья Василия трепетали и искрились. И демоны растворились посреди беснующихся льда, пламени, молний и гамма-излучения.

Когда пламя рассеялось, по оплавленным и растрескавшимся булыжникам, они подошли к опустившемуся бессильно на колени Хосе.

— Посланцы Энлиля! Вы! Вы пришли, чтобы спасти нас! — воскликнул он при виде Попаданцев.

— Не говори ерунды, жрец. Мы пришли, чтобы уничтожить всю несправедливость в этом мире насилия, построить общество, базирующееся на идеалах равенства, — фыркнул Шарль.

— Весь мир насилья мы разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим. Кто был ничем, тот станет всем… — прошептал слова древнего пророчества Хосе.

— Лучше скажи, как выключить эту штуку? Там все новые и новые демоны выходят, — Линг посмотрел в свой планшет и кивнул на пламенный вихрь в центре города.

— Шарль! Минута! У меня уже все прогорело! — Перебил друид. Было видно, что ему плохо.

— Доставьте меня туда, посланцы бога. Я закрою переход. — Великий инквизитор принял решение. С посланцами Создателя ему сейчас не совладать, но вторжение остановить он еще может.

Друид без разговоров обнял инквизитора и расправил крылья, выжимая последние крохи энергии из этого тела. В след за ним поднялся в небо Шарль, соткав вокруг себя крылатый «доспех ледяного ангела».

Площадь, куда они хотели приземлиться, кишела от свежевышедшей партии демонов. Невдалеке слышались взрывы —

Народная армия отбивалась из последних сил. Василий ударил плазменным щитом, по площади, очистив место для посадки и обратив демонов в бегство. Он приземлился, и тут же упал без сил. Бесы ринулись вперед, но тут с неба обрушились несколько зарядов ледяной картечи, а затем приземлился и сам Шарль. Ледяной доспех вокруг него расплавился сформировав сферу водяного щита. Водяной бич трепетал в руке мага.

Хосе между тем подошёл к стене пламени.

— На будущее, посланец Создателя. — обратился он к Шарлю, — Для того чтобы закрыть воронку Инферно, надо оказаться, с другой стороны. А там все просто — надо умереть. Жертва открывает дверь, она же и закрывает, — сказал Хосе де Молинес и вошел в пламя.

* * *

Зачистка города заняла еще неделю. По большому счету Фридрихсбург пострадал не так уж и сильно. Беженцы вернулись. И вместе с ними, вдохновленные слухами о великой победе потянулись добровольцы. К концу недели народно-освободительная армия выросла почти в два раза.

О чем Карл Либкнехт и поспешил сообщить Майнарду Виттельбаху, как только смог найти достаточно маны для сеанса связи.

— Либкнехт! Я не ожидал такого от тебя, лучшего из моих людей. Мой план и так трещит по швам.

— Ваше сиятельство, я не интриган, я военный человек. Если хотите я мог бы устроить покушение, но вы не велели их убивать, только развалить их ополчение…

Майнард не на шутку задумался. Наступление на Таирбург шло ни шатко, ни валко. Герцог больше рассчитывал на восстание, которое должен был организовать Йоффе вместе с верными ему дворянами, а не на гвардию. Но теперь вместо победного шествия по столице ему приходилось вести упорные бои с рейхсвером под командованием отставного фельдмаршала Грегора Штрассера. Он медленно продвигался к Таирбургу с боями, теряя самую большую драгоценность — время. Началась переброска полков из других провинций, император вот-вот должен был вернуться. Мятеж на юге стал перекидываться на само герцогство, а Попаданцы окончательно вышли из повиновения и накопили слишком много сил и популярности. Настроение не улучшало и то, что он поддался на уговоры Бетрезена и уничтожил один из богатейших городов своей

будущей державы. Причем зря.

— Значит так. Завтра я сам поговорю с Шарлем и открою портал. Пускай эти маги пройдут по нему. Здесь мне они нужнее. А ты останешься на командовании на юге.

И Майнард совершил очередную ошибку. Нет. Не в том, что попытался перекинуть Попаданцев на другой фронт. Не так-то и сложно было объяснить им необходимость такого шага с точки зрения и тактики. На юге и западе народно-освободительной армии серьезного сопротивления оказать не мог уже никто. К тому же победа во Фридрихсбурге не только вызвала приток добровольцев, но и заставила задуматься командиров гарнизонов рейхсвера. Кто-то бежал, бросив свои части, кто-то организованно отступал. Кого-то подняли на копья, а солдаты перешли на сторону восставших.

Попаданцы, увлеченные наступлением на откатывающиеся без сопротивления имперские части и войной с остатками демонов, не видели, как в их тылу катится волна передела собственности, откровенных грабежей, насилия и казней. Об администрировании подконтрольных территорий они пока не задумывались. Даже о назначении своих людей в качестве старост, не смотря на все занудство Эриха на эту тему.

Стихийный революционный террор разгорался все сильнее, и эмиссары Майнарда подогревали его. В его интересах было, чтобы холопы сами молили о возвращении дворян и императорского правления на их землях. Императора Майнарда, первого своего имени, конечно же!

С некоторой опаской вступили Попаданцы после получасового разговора с герцогом в искрящуюся круговерть стратегического портала, ради которого Виттельбаху пришлось оставить без маны две своих дивизии.

Церемония была обставлена достаточно солидно. Они прошли перед строем своей армии на главной площади Фридрихсбурга, попрощались с командирами. Шарль обернулся напоследок.

— Помни, Эрих, ты остаёшься за главного. Не опозорь идеалы Революции, — сказал он и пропал в искрах.

Оберст Либкнехт с облегчением вздохнул. Он повернулся к своим лейтенантам и отдал приказ:

— Готовьте отступление армии к Фиршес-Гаф. Встанем там до дальнейших распоряжений его светлости.

— Шарль оставил за главного меня, — спокойно сказал Эрих. За его спиной стояла вся его старая банда во всеоружии. Доверенные из крестьянских подразделений, несколько переметнувшихся офицеров, кто-то впечатленный победой

посланцев Энлиля над демонами, а кто-то решивший половить рыбку в темной воде.

— Ты! Знай свое место бандит! — начал на повышенных Карл Либкнехт и тут же заткнулся, увидев нацеленный на себя добрый десяток посохов.

— Я, временный командующий народно-освободительной армией республики Брюгге. А ты здесь никто. Если услышу хотя бы про одну попытку захватить власть, тебя повесят. Ты понял, пес Майнарда. — медленно отчетливо проговорил Эрих. Оберст краснел, синел, бледнел и, наконец, выдавил из себя:

— Да.

— Нам больше нет необходимости в мане и оружии от твоего повелителя. Это все у нас теперь есть свое. Сообщи об этом герцогу. Саблю можешь не сдавать. Будем считать тебя военным атташе, — усмехнулся Эрих.

Он повернулся и пошел на заседание реввоенсовета. Шарль давал всему какие-то зубодробительные названия, почерпнутые им из легенд его родины. Разведчики докладывали, что с юга, из Аррации, приближается полк стрелков и две роты кирасиров, при поддержке драгун.

Я бы на его месте Либкнехта расстрелял, а его гвардейцев повесил… Но Эрих надеялся, что сможет использовать его для переговоров с герцогом Виттельбахом.

И действительно, оберст бегом бросился к кристаллу связи, чтобы передать новость о Эрихе.

Его светлость стоял на холме. Позади-внизу герцога разыгрывалась нешуточная баталия. Только вмешательство посланцев Энлиля спасло правый фланг гвардии от разгрома, опытным взглядом оценил обстановку на поле боя Карл.

— Что тебе. Я занят, — герцог с улыбкой смотрел через подзорную трубу на то, как Хеби с Шарлем ворвались в боевые порядки панцирной пехоты рейхсвера и играючи сломали строй.

— Эрих предал нас.

Улыбка пропала с губ герцога.

— Значит, он таки узнал про своего сына… Ты совершенно не контролируешь ситуацию. Ты уже дважды разочаровал меня, оберст. Третьего не будет. Дождись, когда эта толпа, по недоразумению называющая себя армией, выступит из города и активируй маяк. У меня есть еще козыри в рукаве. — Он видел, как побледнело лицо Либкнехта, и ухмыльнулся. Страх неудачливого миньона забавлял Майнарда. — не бойся за свою шкуру, ты еще нужен мне.

* * *

Пару дней спустя ведьмы дроу спустились с ночного неба на своих метлах и прошли через отдельно стоящий лагерь гвардейцев герцога. Сестры явились на зов, как и было договорено. Высокая чопорная полногрудая Ута в длинном платье. Тонкая, коротко стриженная Эли, в легком доспехе Братьев она была похожа на юношу. И маленькая Яни, казавшаяся ребенком.

В своих руках три девушки несли инструменты: флейту, арфу и тамбурин. Они щурились от режущего глаза света костров и полной луны, стараясь прикрыть свои чувствительные глаза широкими полями островерхих шляп. Всполохи огня безуспешно пытались украсить их пепельную кожу хоть каким-то подобием румянца. Их лица были прекрасны, как прекрасна может быть статуя из мертвого камня. Они были словно три снежинки. Такие же прекрасные. Такие же разные. Такие же холодные. Как снег. Как смерть.

Как в снеге мягком и пушистом мальчишки видели игрушку, так и недавние рекруты, видели в них девушек, с которыми хочется позабавиться. Как в снеге, накатывающим на тебя неотвратимой лавиной, пожилые ветераны зимней кампании против орочьих кланов видели погибель, так и Карл Либкнехт видел в дроу угрозу для всего живого.

Адлеру повезло, что он заметил их прибытие, когда пошел отлить. Оставаясь незамеченным с помощью магии, он некоторое время следил издали, как, повинуясь приказам оберста Либкнехта, начинают по трое-пятеро расходиться гвардейцы, занимая позиции вокруг стоянки народно-освободительной армии. Маг быстро понял, что происходящее не светит ничем хорошим и опрометью кинулся к командиру. Ввалившись в палатку к Эриху, Адлер громко зашептал.

— Эрих, поднимай наших. Надо бежать. Гвардейцы окружают нас! Что-то затевается!

— Ха, я знал, что они захотят нас порешить. Этому ублюдку Майнарду, мы как кость в горле. Еще бы! Войско, которое ему не подчиняется и не будет! — Атаман, хотя нет, уже командующий народно-освободительной армии республики Брюгге, налил себе еще вина. Он твердо решил отметить последнюю победу. Конечно пехотный полк, пойманный на марше из Аррации, не был сложной добычей. Особенно учитывая неожиданный удар и численное превосходство. Но это было первая победа в сражении против регулярной армии без Шарля.

— Эрих, хорош куражиться! Надо уходить!

— Ты думаешь, меня напугает пара сотен гвардейцев?! — слегка заплетающимся языком спросил Эрих с вызовом. — Да мы

их порвем! Не надо шутить с народом! Здесь другие ребята. Майнард, твоих гвардейцев тут порвут на части! — Заорал он.

— Эрих, шайзе! Там три ведьмы дроу.

Это сработало. Атаман протрезвел в один миг.

— Где?

— Там! — Адлер махнул в сторону костров бивака гвардейцев. Эрих начал судорожно прикидывать шансы. Чертов герцог обхитрил его. Атаман прекрасно осознавал, что сейчас творится в лагере. Десяток трофейных бочек с вином сыграли свою роль. Поднять своих солдат он вряд ли успеет. Просто выдаст себя и потеряет последнюю надежду на спасение.

— Уходим вдоль оврага, собери наших кого сможешь в первом и втором отрядах. Пять минут тебе на все, а потом идем на прорыв.

Эльфийки как тени проскользнули сквозь ночной лес. Они и были тенями, плоть от плоти их. Ведьмы встали по вершинам правильного треугольника вокруг армии крестьян.

— Сыграем? — тихо прошептала сестра Ута, старшая, неотрывно следившая за полной луной, несмотря на резь в глазах.

Оставшиеся две ведьмы услышали ее шепот сквозь треск костров и пьяные крики. Эли поднесла флейту к губам и начала мелодию. Музыка обволакивала пространство и замедляла время. Несколько мгновений спустя к звукам флейты добавилась арфа Яни, крохотной и обманчиво беззащитной на вид девочки. Люди поднимались, вслушиваясь в чудесную мелодию.

Ута ударила ладонью по коже змеи своего тамбурина. Именно в этот момент Эрих заорал: «Давай!» Коротко рявкнули несколько боевых посохов. Взрывы огненных шаров и разряды молний ударили по месту, где сидела одна из групп гвардейцев. Затем банда, старая банда Эриха, рванулась в прорыв. Ведьмы улыбнулись, варвары точно попали в ритм. За это они разрешат им проложить свое жалкое существование. Дроу, не переставая играть, резко повернулись вокруг себя. Начался «Танец Теней».

И повинуясь древнему волшебству переплетённые между собой тени солдат стали подниматься с земли, обретя ненадолго подобие вещественности. Достаточное что бы убивать. Голодные, хищные призраки, чуждые этому и любому другому из миров, хотели хоть ненадолго получить настоящую плоть. Как у своих хозяев. Да, плоть своих хозяев им и была нужна!

Гвардейцы со страхом и отвращением смотрели, как восставших крестьян и бывших каторжников рвут на куски призраки. Преследовать Эриха не решился никто. Ибо тени танцевали вокруг маленьких групп магов заграждения, озаренных

спасительным истинным светом инквизиторских лампад.

* * *

Хосе де Молинес сидел за столом на портальной террасе загородного дворца кайзера и пил церковное вино. Мягкий ветерок шевелил закопченную и запятнанную кровью сине-белую рясу адепта Шамаша, аспекта Мардука, отвечающего за справедливость. Он сидел долго, получая удовольствие от теплого солнечного света, щебетания птиц и запаха цветов императорского сада. Жизнь подходила к концу, и он смаковал ее последние часы. Канонада заставила его поморщиться. Войска Виттельбаха уже подходили к столице, и их авангард вступил в бой.

Над каменными плитами пола, испещренными магическими знаками, закрутились искры. А затем возникла арка света. Из нее буквально выбежал повелитель Таира, а за ним добрых полсотни высокопоставленных волшебников магиерваффе и инквизиторов. Хосе поднялся и пошел на встречу.

— Ваше импе…

— Можешь ничего не рассказывать. Грегор уже доложил мне ситуацию по кристаллу, а остальное я узнал во время передышки в Торрено. Рад видеть тебя живым. Думал, что тебя прикончили, если не демоны, то мятежники. Как ты выбрался? Смог договориться?

— Из огня да в полымя, мой кайзер. Они уничтожили за полчаса всех четырёх князей-демонов, служивших опорными столбами прорыва. Мне хватило простейшей молитвы Диза, чтобы закрыть его.

Гор пристально посмотрел на Хосе, а затем крепко его обнял. Шаг-нам-уш-та шаг-нам-уш-ше. От смерти к смерти. Или, если на жаргоне магов, «из огня да в полымя» было одним из древних чудес, не требовавших амулета-накопителя. В момент твоей гибели ты мог договориться со вселенной об отсрочке. Но только если рядом с тобой есть достаточно сильное пламя. И тогда мир перемещал тебя туда, где ты в течение нескольких дней погибнешь. В пасть дракона, на дно моря. Или столицу перед штурмом. Повлиять на выбор места и времени было можно. Изменить исход — нет.

— Ты пойдешь со мной в бой, Хосе? Как в старое время под Лагашем, прикроешь спину?

— Для этого я и вернулся, Гор.

Где-то за грядой холмов опять загрохотало.

— Перезаряжаемся, господа и в бой! — Кайзер со своей свитой ненадолго отлучились, чтобы пополнить запасы маны и уточнить местоположение ставки Грегора Штрассера. Хосе не последовал за ними.

Увидев кайзера со свитой, вернувшихся через полчаса из подвалов дворца, великий инквизитор не сдержал улыбки. Увешанные амулетами прямо поверх кирас, они кутались в разноцветные мантии и плащи, ни капли не соответствовавшие уставному облику высших чинов магиерваффе. Зрелище больше подходило на маскарад. Если конечно не знать, что на самом деле его величество раздал своим офицерам все долгое время хранившиеся в его личных запасниках древние артефакты, некоторым из которых было больше нескольких тысячелетий.

Лишь кайзер остался в своем обычном черном мундире ДД. Он не изменил своему обычаю, и руки его были пусты. Доспехи его величество презирал, как и стихии. Только разум служил его оружием и защитой. Насколько лейб-гвардейцев тащили вслед за ними большие металлические ящики с накопителями маны.

Богоравный повелитель Таира не стал затруднять себя начертанием. Мановением руки Гор открыл портал, на этот раз недалеко, всего на пару лиг. На один из холмов на южном берегу Майна, откуда открывался прекрасный вид на долину, где и предстояло разыграться решающему сражению этой войны. А, если обернуться, с него можно было увидеть шпили башен столицы и верхушку самого высокого в империи зиккурата Э-темен-ан-ки. Храма единения неба и земли.

Хосе поднялся и встал по правую руку от кайзера. Инквизитор был спокоен — он совершенно точно знал, времени у него осталось до заката, не больше. Но и не меньше. Изменить судьбу было уже невозможно.

Они вышли из радужной круговерти портала около командного шатра Грегора Штрассера. Отставной фельдмаршал почувствовал открывающийся переход и встречал их. При виде Гора он пригладил бакенбарды сделал шаг вперед и обнял кайзера за плечи.

— Мой мальчик, ты успел.

Они действительно смотрелись как сын и отец — высокий рослый старик в архаичном вороненом полном доспехе, с простым прямым клинком на поясе, и низкий щуплый тоже уже немолодой, начинающий лысеть мужчина перед ним.

Гор коротко кивнул:

— По-другому и быть не могло, — ответил он.

Понимая, что он и так дал слишком большую волю чувствам Грегор отстранился, и сделал как полагается поклон.

— Я жду приказов, ваше величество.

— Ознакомьте меня с диспозицией. Но для начала смените штандарт, противник должен знать с кем имеет честь биться на этом поле, — сказал Гор указав на флаг рейхсвера реющий над командирским шатром.

* * *

Майнард Виттельбах, судорожно сжимал и разжимал кулаки. Он вскочил с походного стула, на котором сидел, чуть не опрокинул складной столик с вином. Великий герцог лихорадочно прокручивал в голове дальнейшие варианты действий. Адъютанты за его спиной всполошились.

Нет, его не напугала армада вражеской армии. Его сорока тысячам солдат противостояло от силы шесть потрепанных в отступлении полков, почти небоеспособное ополчение горожан Таирбурга, числом тысячи в три и несколько сотен нерегулярной кавалерии западных вольных поселенцев.

Даже десяток гномийских паротанков прикрытых мерцающими всполохами защитной магии и хищно водящих своими башнями, не были столь уж серьезной угрозой. За время отступления к Таирбургу рейхсвер уже потерял с полсотни таких машин.

Не заставила герцога нервничать и тактика императорской армии.

Накануне главного сражения, ранним утром, таирский арьергард, находившийся у монастыря в полутора лигах к востоку от расположения главных сил, был атакован авангардом Майнарда. Завязался упорный бой, продолжавшийся несколько часов. После чего таирцы отступили и присоединились к основным силам, предоставив простор разведчикам герцога. Так что позицию рейхсвера Майнард знал досконально.

Замысел командующего таирской армии Штрассера, судя по всему, состоял в том, чтобы путём активной обороны нанести войскам Майнарда как можно большие потери, сохранить силы империи для дальнейших сражений и для полного разгрома армии герцогства в дальнейшем. В соответствии с этим замыслом был построен боевой порядок рейхсвера.

Позиция, выбранная Штрассером, выглядела как прямая линия, идущая от редута магиерваффе на правом фланге, через группу магов на холме, где располагалась ставка противника, к Майну на левом фланге.

Другая вещь нервировала Майнарда Виттельбаха. Над

командным шатром только что сменился флаг. Вместо обычного знамени рейхсвера, белого дерева на сером фоне, теперь висел императорский штандарт — золотой венок из дубовых листьев на черном.

— Мораль подавляют, — буркнул он себе под нос. Но ложь самому себе не успокоила его.

Высоко в небе над полем боя кружился десяток наездников на пегасах. Они служили курьерами и разведчиками. Серьезной угрозы они не представляли. Конечно, будь в небе десяток эльфийских видящих Майнард бы отнесся к этому по-другому, но отмобилизованные представители дома Валадис были способны только на мелкие пакости, да и не подпустил бы их никто близко к боевым порядкам гвардии.

Облака медленно меняли цвет, то становились розовыми, то окрашивались в зеленый. Приказ к наступлению еще не был отдан, но там, в вышине уже началась видимая лишь профессиональному магу битва. С каждой сторон поля боя располагалось по нескольку десятков профессиональных волшебников, в распоряжении которых был почти полный арсенал боевых артефактов, от простеньких иллюзионов, заслонявших взгляд стрелкам, до могучих заклинаний стратегической магии, способных превратить все поле бой в пылающий лавой кратер, допусти противник хоть одну промашку в защитных чарах.

Но пока стороны не тратили ценную ману на массивные удары. Лишь обменивались легкими уколами, прощупывая друг друга. И очень быстро по давящей головной боли и медленно, но неотвратимо тающим щитам над ставкой он понял, что кайзер Гор действительно вернулся. Никто кроме него не смог бы так быстро продавить выставленные собственноручно герцогом барьеры.

Один из его помощников-магов упал, лишившись чувств. Император как обычно не разменивался на красивые визуальные эффекты. Он прицельно бил по ставке противника магией разума, попросту пытаясь выжечь мозги противника. Майнард сжал челюсти от боли, в магическом поединке ни ему, ни его гвардии долго не выстоять перед магиерваффе во главе с императором. Герцог знал это. И Попаданцы, на которых герцог возлагал такую надежду, сейчас не могли помочь. Их грубая неотесанная стихийная волшба совершенно не годилась для защиты других от утонченного колдовства школы разума и проклятий малефики.

Что же, решил Майнард если не получается качеством, то попробуем количеством. Он поднял руку, а потом резко махнул ей.

— В атаку! — прозвучал приказ.

Трубачи заиграли, раздалась барабанная дробь. Его полки пришли в движение.

Первыми шла редкая цепь егерей с дальнобойными эльфийскими луками. Оставаясь вне досягаемости огня стрелковых посохов, они выпустили первые стрелы. Противник, не обладавший таким дальнобойным оружием, поспешил скрыться за баррикадами. Редкие магические заряды развеивались, не долетая до застрельщиков. Один из паротанков выпустил рой мелких ракет. Майнард презрительно фыркнул:

— Стрельба из пушки по воробьям.

Снаряды не долетели до егерей — рассыпались пылью, оказавшись в незамеченном артиллеристами до того мареве щита энтропии.

Следующая атака была нацелена не на застрельщиков. Кто-то из волшебников магиерваффе попытался дотянуться залпом огней Нара до наступающей пехоты. Это послужило знаком для остальных. Грянул залп пушек редута на правом фланге.

Майнард ощутил, как ослабло давление на его защитные заклятья. У магиерваффе и Гора появилась новая достойная цель под носом, отвлёкшая их от противостояния с герцогом. В небе распустились пламенные цветки сбитых контрзаклятьями огней святого Харма. Но круг рассеивания Эллрана, защищавший ставку почти исчерпал себя и, пока он снова не насытиться, маной надо было отвлечь противника контратакой.

— Шевелитесь черти! — Заорал на своих адъютантов Майнард. — Где реагенты?

На земле уже расстелили, ориентируя по компасу листы бумаги с заранее нарисованными магическими фигурами, зажигали дурнопахнущие свечи. Заклинания малефики дозволенные святым синодом были игрой на грани фола. Ссориться в открытую с инквизицией, имевшей огромное влияние на умы быдла и многих дворян, герцог пока не хотел. Это несколько ограничивало его арсенал, исключая из него некромантию. А уж призывать демонов тем более было нельзя. Тогда даже его собственная армия могла обратиться против него.

Пока его маги обновляли защиту, проклятья одно за другим ударяли в магическую защиту императора, которая отклоняла их в сторону.

* * *

— Самоубийственная тактика, — прокомментировал Грегор

Штрассер, — наступать строем на непродавленную магическую оборону противника… Странно, до этого Майнард вел себя в битвах крайне осмотрительно.

— А что за четверка идет перед строем? — с интересом спросил кайзер, глядя в подзорную трубу на треноге на наступающие порядки гвардии.

— Позволите, майнгерр? — спросил Хосе де Молинес, и его величество уступил ему место.

— Извольте, мне все равно недосуг. Кажется, Виттельбах решил угостить нас парочкой проклятий, — кайзер начал шептать слова заклинаний, и даже снизошел до того, чтобы на земле носком своего сапога нарисовать какую-то фигуру.

Воздух вокруг внезапно загудел, стало неимоверно душно. Небо посерело, а оказавшаяся вне круга защиты трава рассыпалась прахом.

— Призыв Тени. Уважаю, — сказал Гор, затем сделал жест, словно отмахнулся от комара, Холм, на котором располагалась ставка, дрогнул от невидимого удара, — и еще добавка. Никак его светлость решил, что лучшая защита это нападение…

Грегор обернулся и увидел, что леса за их спинами и располагавшейся там части обоза больше не существует.

— Да, нехорошо получилось, майнгеррен, но это было лучше отвести, а не принимать на щит, — извинился кайзер, разводя руками, затем он сконцентрировался, готовясь нанести ментальный удар, но не успел. Ему пришлось рассеять еще одно проклятье. — Ладно, подождем, пока он устанет, — решил Гор.

Да, добрый десяток волшебников магиерваффе обеспечивали защиту лагеря от стихийных заклинаний, а инквизиторы от темной магии, но с некоторыми угрозами Гор предпочитал разобраться сам.

Внизу вовсю грохотали пушки и фойерболы, ревели срывающиеся с направляющих гномийские ракеты, были слышны звуки мушкетных и пистолетных выстрелов. Несколько огромных человекообразных боевых големов слегка обогнали гвардейцев герцога и отвлекли на себя огонь солдат рейхсвера от вражеской пехоты.

Хосе оторвался от подзорной трубы.

— Эта четверка, посланцы Энлиля, ваше величество, — сказал он.

— Что?! — рука кайзера дрогнула, и очередное заклятье герцога и его подручных чуть не пробилось через защиту, — Ты уверен, Хосе?

— Да, майнгерр, полностью, я встречался с ними во Фридрихсбурге. Они уничтожили четырех князей-демонов.

Попадись на их пути сам богоравный Бетрезен… Я не знаю, чем бы окончилась эта встреча. Не ожидал увидеть их здесь.

— Вот как… — кайзер поджал губы, пристально глядя на центр, где его солдаты начали медленно сдавать позиции под напором льда и пламени.

Гор обрушил туда несколько заклятий, которые должны были смешать разум нападавших, но, увы, помехи от дикой магии не давали его тонким чарам подействовать, а один из наговоров вернулся обратно и чуть не ударил по нему самому, — Хосе, тогда держите пока оборону. Пока наш противник колдует без сюрпризов, и вы знаете, что делать. А я прощупаю посланцев Создателя вблизи. Отсюда мне не дотянуться.

Хосе кивнул. В малефике он разбирался не хуже герцога. Когда необходимо, церковь тоже умела насылать проклятья на неугодных. Гор на мгновения прикоснулся ладонью ко лбу Хосе, передавая ему управление множеством защитных заклинаний, а затем, махнув рукой десятку волшебников магиерваффе, которые составляли резерв, начал спускаться с холма.

* * *

Между тем в центре начался ближний бой. Вспыхивало пламя, били молнии. Раздавался грохот. Воздух наполнял едкий дым от взрывов и запах горелой плоти. Хеби на миг показалась, что она снова оказалась дома, в родном Хоббитоне, на границе с Орочьим Раджистаном. Что это очередная заварушка, которую прервал налет миротворческих бомбардировщиков Федерации Терры, как всегда внезапный и беспощадный. Приступ дежавю прервался внезапно, когда перед ее носом ударила молния.

— Не спи! — прокричал ей на ухо Линг и начал заново вычерчивать руны в воздухе перед собой.

Тогда полуросличка очнулась, и пламя вновь затрепетало на ее ладонях. Воевать с опытными волшебниками посланцам Энлиля было сложнее, чем с тупыми демонами. У них был огромный арсенал, каких-то вычурных извращенных заклинаний, которые не имели ничего общего с ее стихийной магией. Даже Линг, гораздо более подкованный в теории, по большей части рисовал защитные руны наугад, не зная заранее, какая из них пригодиться для защиты. Под непрестанным обстрелом они упрямо продвигались вперед, к баррикадам. Но самое неприятное было не это. Самое неприятное было убивать людей которые стреляли в нее. Смотреть в их лица и видеть, что от них оставалось после ее огненных шаров. Перешагивать через их

трупы. Осознавать, что их место занимают другие, готовые отдать свою жизнь за диктатора, запудрившего им мозги. Они, даже умирая, пытались выстрелить в нее или уколоть кинжалом.

Волна пламени поднялась из земли прямо перед ней. Но уж что-что, а чужое пламя Хеби к себе никогда бы не подпустила. Огонь качнулся вперед, а затем покатился от нее вверх по склону, медленно угасая. Раздались крики обожжённых. Далеко не у всех солдат рейхсвера были индивидуальные защитные амулеты.

Вокруг Попаданцев и следовавших за ними людей сгустился ледяной шторм. Он успел забрать всего десяток жизней, а потом контроль над ним перехватил Шарль и облако снега послушно сместилось и зависло перед атакующими, прикрыв их от выстрелов имперцев наподобие дымовой защиты.

Василий следовал за ними в облике клакона. Ни на что более смертоносное он способен не был. За неделю он так и восстановился после превращения в дриаду.

Проклятый Кверти, подумалось ей, зачем такой реализм? Это явный перебор, если он задумал устроить спектакль, неужели в нем была обязательная эта жестокая бойня? Отвратительное шоу получалось.

* * *

А его величество Гор стоял недалеко в стороне смотрел и слушал, окруженный сферой отрицания, и несколькими рассеиваниями Эллрана. Он анализировал количество вложенной маны, фактуру заклинаний и чем дальше, тем больше мрачнел — волшебники его армии не имели не малейшего шанса в прямом столкновении. Даже он сам, хотя и выстоял бы, но о том, что бы перейти в атаку, речи даже не шло. Магия пришельцев была подобна дубине огра, выходить против которой с рапирой академического волшебства было, по меньшей мере, глупо. Лишь защитная магия гнома, хотя бы смутно напомнила Гору волшебство рунных жрецов Союза Гномийских Кланов, расположенного в горах на севере от Таира. И это внушало надежду. Гор закрыл глаза и начал колдовать, но не наступательное волшебство, пока он ограничился чарами улавливающими эмоции и мысли.

Десять минут спустя он усмехнулся. Попаданцы были уже близко, и его свита готовилась принять бой.

— С рапирой значит… Ну что же, я смогу нанести один укол. В сердце.

И затем его величество начал колдовать. С молниеносной

скоростью, недоступной никому, кроме богоравной королевы эльфов Викториэль, он менял заклятья, пробиваясь через защиту выставленную гномом. Тот заметил это, на удивление быстро понял направление, откуда пришел удар, начал что-то кричать остальным. По кайзеру и его свите ударило пламя, потом лед, затем еще что-то. Но Гор не дал себе отвлечься. Пока волшебники, сопровождавшие его, еще держались. Он преодолел защиту и нанес свой укол. Как и хотел — в сердце, заклинанием «Эмпатии».

— Вперед! — закричал он, увидев смешавшихся посланцев Создателя. — Урааа!!!

Боевой клич был подкреплен заклинанием воодушевления. Гор бросился вперед, за ним последовала его свита, а следом и солдаты.

* * *

Хеби замерла оглушенная, она внезапно поняла, что все вокруг реально, что это не игра, не постановка, она чувствовала боль умирающих от ее пламени. Отчаяние. Желание защитить свой дом, свои семьи, свою родину, все то чего у нее самой не было. Ей хотелось выть, и слезы сами катились из ее глаз. Шальная магическая стрела рассекла ей щеку.

Боль несколько привела ее в чувство, но сражаться она уже не могла, мысли смешались, и начала медленно пятиться.

На ее глазах остолбеневший Шарль получил заряд магии в бок и согнулся пополам. Друид подхватил его, и они начали отступать. Линг с трудом трясущейся рукой выводил в воздухе кривоватые руны…

* * *

Потратив в одиночку почти целый полковой аккумулятор Майнард сел без сил и окинул дело рук своих.

Склоны холма, на котором располагалась ставка Гора были покрыты золой и пеплом, ему удалось-таки накрыть часть полка, стоявшего на левом фланге противника и сейчас, когда магический хаос поутих этим воспользовались драгуны, прорвавшиеся по мелководью в тыл и налетевшие на отступающих пехотинцев рейхсвера. Слышались выстрелы пистолетов, крики лошадей и раненых. На другом фланге ополчение таирцев сдало позиции и жалось к редуту, на котором

окопалась группа волшебников магиерваффе. Фактически фронт рейхсвера был разорван, а удар драгун при поддержке мог перерасти в полноценное окружение.

Но центр, его лучшие части отступали. Почти бежали под напором размеренно идущего вперед кайзера, возглавившего контрнаступление. Коротко огрызались уставшие и раненные Попаданцы и оставшиеся гвардейские маги, не в силах остановить императора. Он видел, что посланцам Создателя нужна передышка. Виттельбах приказал послать в бой резерв, а посланцев Энлиля вывести с передовой.

Попытка ударить контратакующим во фланг стоила эскадрону улан жизней. Все стратегическое преимущество по большому счету не стоило сейчас и выеденного яйца, пока они не могут проломить магическую защиту Гора.

Тяжесть опять легла на плечи Майнарда Виттельбаха, а голову сдавила боль. «Он смотрит на меня!», внезапно понял герцог. «Он идет ко мне!» Его начала охватывать паника. Умом он понимал, что это Гор нашел какую-то лазейку в защите, что ему ничего не угрожает, что враг уже проиграл эту битву и что скорлупа, защищающая императора от проклятий и огня, долго не продержится. Надо просто продолжить бить. Но это понимал разум, а тело уже била крупная дрожь, спина покрылась холодным потом. Тело хотело убежать с криком, как это сделали его адъютанты и приближенные, оказавшиеся рядом.

Окончательно потеряв над собой контроль, он позвал на помощь того, кого не хотел освобождать, того, кого до последнего кормил обещаниями — владыку Легиона, богоравного Бетрезена.

— Бетрезен лугаль-ки-кибаль дингир - эне-са ки-э у-ими-зиг! [35] — вырвались у него из уст древние слова.

Этого было достаточно, ибо желание было искренним, и жертва Фридрихсбурга была принесена и принята. Граница миров, истончившаяся от потраченной на поле боя магии, дрогнула. С ясного неба опустилась воронка смерча, постепенно наливающегося пламенем. Мелкие бесы начали выбегать из его основания. Небо покрывалось на глазах темными тучами.

Страх отпустил и пришел снова после осознания того, какую силу Майнард пустил в этот мир. И от того что посланцы Энлиля были рядом. Они видели все. Они ощутили волшебство, которое стояло за незамысловатой фразой.

— Так это ты устроил ту бойню во Фридрихсбурге? — спросила его Хеби.

Ее лицо было обезображено рваной раной. Предплечье рассечено. Шарль стоял, зажимая кровоточащий бок. Банальная магическая стела все же нашла цель. Друид вяло хромал, на ходу

превращаясь в человека. Лишь гном, несмотря на закопчённые и выщербленные доспехи, казался целым. Внизу гвардия и рейхсвер прекратили битву и разворачивали свои порядки лицом к бегущим на них демонам. Фигурка в бело-синих одеждах инквизитора Шамаша на полном галопе спешила к основанию смерча…

— Да, так было надо для победы.

— То есть ты, ради власти готов пожертвовать десятками тысяч жизней невинных?

Майнард расхохотался. Какие же они забавные.

— Умри! — Хеби плеснула ему в лицо из раны своей кровью, которая в полете начала превращаться в поток лавы.

И тогда герцог произнес простенькое заклинание второго уровня малефики. Проклятие Шаттера. Оно причиняло ущерб предмету пропорционально мане в нем содержащейся. Вот уже пару тысяч лет как во все артефакты встраивали предохранители, предупреждающие от поломок, а амулеты-накопители были экранированы адамантием. И это заклятье считалось бесполезным. Но у Попаданцев такой защиты не было.

Хеби вспыхнула изнутри. Она до последнего пыталась обуздать свое внутреннее пламя, но, в конце концов, упала объятая огнем. Шарль застыл ледяной фигурой. Василий минуты две носился, крича от боли и теряя на бегу куски плоти. Только волшебство держало его поврежденное тело вместе после того превращения в дриаду. У Линга на плече выгорела набитая давным-давно при приеме на работу татуировка руны отражения.

— Надо же! Что гном, будешь драться? Мечом меня зарубишь? — Майнард снова истерично рассмеялся.

«Система защиты деактивирована» проецировалось ему на сетчатку сообщение. «Уровень заряда критически низкий. Функционал доспеха ограничен».

— Да. Мечом, — констатировал Линг.

Он переложил свой цзянь в левую руку, а правой достал из-за пояса кисть. Свое главное оружие. 力- Сила. 速度 — Скорость. 压力 — Натиск. Руны застыли в воздухе перед ним. Его выпад был быстрее молнии. Сервоприводы негодующе выли и грелись. Легкий доспех предназначался не для боя, а для обеспечения комфорта в условиях повышенной относительно лунной гравитации, но Линг знал, как выжать из него последнее.

Майнард ушел от удара астральным сдвигом. Попытался достать гнома стрелой тьмы и получил ее же обратно. Оторванная на уровне предплечья рука герцога отлетела в сторону. Он ушел от выпада Линга, и с ужасом понял, что не успевает колдовать под ударами. Герцог чудом смог достать свой меч. Отбил пару

атак, увернулся от еще одной и побежал навстречу вернувшимся телохранителям.

До боли сжав зубы, Линг смотрел ему в след. «Заряд исчерпан». А вместе с ним у него закончилась тушь из лунной пыли, необходимая для боевого начертания. Он видел, как Майнард открывает перед собой портал и уходит в него. Десяток кирасир набросились на почти беспомощного гнома с мечами и посохами.

Лежа в луже своей крови и, умирая, он видел, как внезапно остановился и рассыпался искрами вихрь Инферно и улыбнулся.

* * *

Отступать со мной во Фридрихсбург майор категорически отказался. Мы распрощались с ним и остатками улан на перекрестке. Он со словами, что «никогда не бежал от врагов и не бросал своих людей» двинулся, в сторону Брюгге, на восток, организовывать оборону, а мы в прежнем составе на юго-запад.

Дон Вильянуэва раз десять обернулся ему вслед.

— Давайте уже, Хименес, догоняйте его, — сказал я, когда мне это надоело. — делайте что велит вам ваш долг и шило в заднице… Но от клятвы я вас не освобождаю, имейте ввиду.

— Спасибо! — он махнул рукой и поскакал вдогонку уланам.

Мы двинулись пока по дороге. Стояла ночь, и встретить врагов мы не рассчитывали. Ошибка чуть не стоила нам жизней. Хорошо еще, что большой, почти в тысячу человек, отряд шел освещенным факелами и магическими лампадами. Мы увидели его загодя и ушли с дороги. Похоже наше бегство из Фиршес-Гаф было как нельзя более своевременным.

К рассвету мы встали на отдых в лесу. После полудня, совместно решив, что двигаться по дорогам опасно, мы направились на юг, чтобы пройти незамеченными по лесам в предгорьях.

Нам очень повезло, что с нами была Орели и де Фризз. Если бы не она мы бы с первый же день заблудились, а потом сдохли от голода. Ни я, ни Густав, ни Асанте с Карлом не имели ни малейшего понятия о выживании в дикой природе. Да и охоту никто из нас, несмотря на дворянское происхождение, не любил.

Двигались мы вперед крайне медленно. Дорог тут не было, да и напрямую идти было не всегда возможно. Один раз мы встретили дикого гуля, которого без промедления уничтожили. Пару раз ночью приходили призраки и, чуя охранные амулеты, с воем улетали прочь.

Единственный человек в этих дебрях встретился нам неделю спустя. Неопрятный тощий мосластый старик с нечёсаной бородой в грязной рванине вышел к нашему костру, когда уже стемнело. Через его плечо была перекинута тушка молодой косули, а на поясе висела фляга из сушеной тыквы. Косуля была для нас очень актуальна. Днем не удалось никого поймать. Де Фризз и Густав на всякий случай схватились за оружие. Карл сотворил какой-то усложненный вариант заклинания идентификации. На секунду в растерянности замер, потом пожал плечами и развел руками.

— Здрасте, путники! К огню пустите погреться?

— Пустим. Тем более с мясом, — ответил я. — Как зовут тебя?

— Эанатум. — Сказал он. Орели вздрогнула.

— Один пришел?

— Да. Я тут охочусь. Живу один. Решил на огонек заглянуть.

— Карл?

— Ничего, ни амулетов, ни магии. Слегка волшебством дроу отдает и все.

— Я тебя во сне видела! Ты еще говорил смешно, как древние! — вдруг сказала Орели.

— Госпожа, я рад, что ты запомнила меня, — церемонно поклонился Эанатум.

— Присоединяйся, — после раздумий сказал я. Старик был явно непрост, если смог выжить в этих дебрях. — Скажи, а ты можешь провести нас во Фридрихсбург? Мы уже все ноги сбили продираясь по этим чащам.

— В Нин-куд? — он использовал древнее название города, — Как же не довести, доведу, дорогу знаю. Только ночью пойдем, оно так сподручнее будет. — После этого он достал из-за пояса бронзовый нож и начал деловито разделывать косулю.

Мы поужинали. Разговоров было немного. Эанатум интересовался происходящим в мире. О себе же сказал кратко: «давно здесь живу». Ночью мы по очереди сидели в карауле. Старик тоже не спал, а с утра, когда только забрезжил рассвет ушел на охоту, как он сказал.

Днем мы отдыхали. А ночью Эанатум вернулся с несколькими обескровленными кроликами. И мы рискнули. Пошли по его следам. Вскоре мы вышли на какое-то подобие тропы. Деревья расступались перед нами. Сломанные ветви исчезли с пути. Эанатум шел сначала быстрым шагом, затем побежал, да так что мы с трудом успевали за ним рысью. Он поминутно прикладывался к своей фляге, а глаза его, казалось, светились красным. До рассвета было еще далеко, когда он сел без сил у

дерева. Кожу мне покалывали иголки, также как когда ко мне прикасалась Орели. Что-то чудесное происходило вокруг, древнее как сам мир. Нам тогда невдомек было, что Эанатум провел нас тропой теней.

— Все, отдыхайте. Отсюда сами доберетесь, — сказал он. Допил последние капли из своей тыквы. — Тут идти пару лиг.

На горизонте действительно было виднелось зарево огней большого города, а внизу, под холмом, на вершину которого мы вышли, располагался хутор.

— Мне нужна пища, — внезапно прорычал старик. Он хищно посмотрел на Асанте и тут же ударил себя по губам.

— У нас есть жареное мясо. — Орели начала копаться в седельной сумке.

— Другая пища, нин-а-ни![36] — прорычал он, побежал по направлению к деревне и почти сразу пропал из виду.

Мы встали лагерем. Эанатум не вернулся, однако свое слово сдержал. Утром мы обошли хутор стороной, а к полудню мы вышли к Фридрихсбургу. Если бы мы заглянули в деревеньку, то смогли бы оценить, во сколько жизней обошлась наша прогулка.

К столице губернии мы пришли как раз вовремя, чтобы увидеть воронку Инферно пожирающую город и яростную, самоубийственную атаку мятежников на демонов. Досматривать, чем закончится дело, у меня желания никакого не было. Как и у остальных. Мы развернулись и галопом отправились обратно к лесу.

Фигуру в небе заметила Асанте. Взор лучницы был острее, чем у орла. Мы остановились, и я шепотом ветра послал сообщение: «Святой отец! Спуститесь с неба к верным сынам Таира!» Я выпустил в небо сигнальный огонек. К нашей радости, инквизитор сложил крылья Мардука и соколом упал перед нами затормозив лишь в самый последний момент.

— День добрый, отец Отто!

— Здравствуй, сын мой.

Я спустился с лошади и пожал его закованную в латную рукавицу ладонь. Вид святого воина в зачарованном полном доспехе, с двумя громовыми топорам и штурмовым посохом за спиной успокаивал меня.

— Дети мои, мы должны как можно быстрее уходить.

— Знаем, отче, — ответил я.

Он не без помощи Вильгельма и Карла взгромоздился на запасную лошадь, и мы отправились дальше. К вечеру мы оказались на расстоянии лиг шести от Фридрихсбурга и только тогда остановились на отдых.

— Что там случилось отче, и почему вы покинули поле

боя? — Спросил Густаф уплетая остатки косули.

— Если вы намекаете, что я сбежал, то вы ошибаетесь. Это скорее вы поступили бы так. — рыкнул на него оберквизитор. По дороге, во время коротких передышек я обрисовал ему наши приключения. — Великий инквизитор указал мне примерное место, откуда исходил прорыв. А император за несколько минут до этого сообщил об открытых вратах Инанны в мир демонов по кристаллу связи. Я должен найти их пока не стало слишком поздно. Установить маяк, дабы мои братья смогли обрушить на это место святое пламя.

Пальцы Орели впились в мою руку.

— Я не вернусь туда, — в трансе шептала она. Отто Кац пристально смотрел на бистаа. А затем сотворил какое-то заклятье, и она пришла в себя.

— Это все-таки, одержимость каким-то древним духом, — сказал инквизитор.

— Я так и думал!

— Очевидно этот дух, хотя и имеет отношение темной магии, не желает зла. Но тебе следует быть осторожным с ней.

Именно в это время к нашему костру вышел и темноты леса Эанатум с двумя фазанами в руках. Увидев Отто, он взвыл и бросился наутек.

— Именем Мардука, стой кровопийца! — вампир оказался в клетке, сотканной из лучей света.

Эанатум скрючился от боли. Попытался уйти в тень и не смог.

— Я же приказ вашего лугаля исполняю, человек света, пощади! Он приказал мне хранить от опасностей Нин Энлиль-гим нам тар-тар-ре!

— Ее? — Отто Кац показал на Орели. Эанатум кивнул.

— Убирайся. И что бы я больше не видел тебя на земле империи. Испепелю. Ты свободен от приказа.

Клетка спала, у-и-на-э-наг исчез.

— Так он был вампиром? — с ужасом в голосе спросила Асанте.

— Да, худшей из разновидностей, — ответил Отто.

— Отче, а что значит Нин Энлиль-гим нам тар-тар-ре? — просил Карл.

— Не все тайны стоит знать неподготовленному уму, — сказал святой отец.

В моей голове с бешенной скоростью вертелись мысли. Орели это Инанна? Этот дух живет в ней? Но откуда? Как? Все сходилось. Погибла она или нет во время битвы с Ню'раа при Ниппуре никто не знает. Но неужели ее дух скитался столько

времени по миру, переселяясь из тела в тело?

— Отче, как? — спросил я.

— На все воля божья…

Последующие дни прошли достаточно однообразно. Мы осторожно, проселками пробирались на северо-запад, в направлении, которое указывал Отто Кац. Основные силы мятежников покинули Брюгге и Фиршес-Гаф. Мне не по нраву было находиться на враждебной территории, но деваться было некуда.

Ехать обратно лесами мы не стали. Это было слишком долго, а время поджимало. Да и припасов у нас почти не осталось. К тому же присутствие Отто давало нам определенный иммунитет. Повстанцы, многие из которых знали оберквизитора лично чуть ли не с детства, не испытывали ни малейшего желания нападать на святого человека.

По уверению Отто древний вампир тащился за нами следом. Ни я, ни оберквизитор не были удивлены этим. Разве он мог оставить свою госпожу на произвол судьбы?

По дороге мы получили и последние новости. О порадовавшем и обескуражившем нас поражении демонов во Фридрихсбурге и гибели народно-освободительной армии от теней дроу. О гвардейцах Виттельбаха, которые теперь убивали без спроса любого, кто говорил им хоть слово поперек. О бандах мародеров и дезертиров с обеих сторон, шлявшихся по лесам и вновь поднявшей голову лесной нечисти. В провинции царили хаос и смерть. Осенью к ним должен был добавиться голод. В общем, шла самая обычная война, которая так хорошо смотрится на страницах исторических романов и песнях, и так отвратительна, когда встречаешь ее вживую.

Патруль гвардии мы уничтожили из засады. Я был зол, и никто не сказал мне слова поперек, когда я расстреливал из штурмового посоха отдыхающих кавалеристов. Да и амулеты-накопители их совсем не были лишними.

Наследующее утро мы увидели сожжённый хутор, раскидистый дуб, на ветвях которого висел добрый десяток трупов и полуэскадрон драгун Виттельбаха. Они смеялись и радовались. Орели под покровом иллюзий, сплетенным Асанте, смогла подобраться почти вплотную к ним, чтобы услышать, что тут случилось.

Знакомые иголочки начали покалывать мою кожу. Я не мог остановить ее… Лошади понесли в панике. За ними следовали с криками гвардейцы. А следом за ними Орели с палкой в руках и яростным зеленым пламенем в глазах.

Пара потоптанных лошадями трупов осталась лежать на поле.

Я с трудом остановил Отто, ринувшегося в след за ней с четким желанием убить.

Орели вернулась сама, через пару минут. Пламя еще тлело в ее глазах. Но уже гасло под подступающим потоком слез.

— Они погибли из-за нас! — прошептала она.

Мы ушли оттуда галопом. Еще час на привале она сидела на моих коленях и отказывалась отвечать. А Отто очень нехорошо смотрел на нее. Потом выпив травяного чая с хорошей толикой бренди, она раскололась. После нашей удачной засады оставшиеся драгуны эскадрона сожгли, не разбирая правых и виновных, три хутора, а жителей порешили. Отто несколько подобрел после этого объяснения. Погладил Орели по голове.

— Девочка, тебе не стоит позволять злу, что таится внутри, овладеть собой, — сказал он.

Ночью она стонала и вздрагивала, пока я не лег рядом. Ей опять снились кошмары. После этого партизанских действий мы не предпринимали, и врагов старались избегать. Брюгге обошли стороной. Добро настроенные к церковнику крепостные это одно, а вот продажные свободные горожане — совсем другое.

На потрепанную банду мы вылетели совсем неожиданно в сумерках. Разбойники профессионально взяли нас в полукольцо, но нападать не спешили. С опаской смотрели на громовые топоры в руках Отто и наши посохи. Расставаться с жизнями в схватке с хорошо вооруженным противником им не хотелось.

— Миром разойдемся? — Деловито осведомился главарь.

— Я думаю да, Эрих. — Густаф тронул лошадь и выехал вперед.

— О! Знакомые все люди. А я-то думал, что вы в Фиршес-Гаф или при обороне Брюгге сгинули, а вы в бродяжки подались гауптман!

— Да ведь и ты, как мы в хуторах слышали, был главнокомандующим, где армия то твоя народная?

— В могиле. Ублюдок Майнард нас подставил. Прислал против нас богомерзких дроу. Еле удрали от его гвардейцев, хорошо мы тут каждую тропку знаем. Спаслись. Не удивлюсь если он и прорыв Инферно устроил.

— Истинно, сын мой. Скорее всего, так и случилось. Не знаешь ли ты тут мест каких потаенных, где бы его светлость демонологией и гоэтией[37] занимался?

— Так мы как раз и идем к его летней резиденции. Разнести ее в клочья.

— Отче, — вмешался Адлер, — Там точно есть какой-то древний демонический артефакт. Я готов поручиться.

Ни я, ни Густаф не были счастливы тем фактом, что нам

пришлось присоединиться к этим мужланам. Но выбора не было. Я мог пренебречь своим долгом перед империей, но когда на чашу весов была поставлена судьба всего мира, приходилось проявить храбрость. Хотя бы потому, что бежать, если мы проиграем, будет некуда.

На следующий день мы наткнулись на остатки гарнизона Брюгге во главе с майором Мюнхгаузеном и Хименесом Вильянуэва, его лучшим теперь другом. Мы стали ночным лагерем. Орели вернулась уже среди ночи из леса и сказала, что в лиге от нас стоит лагерь полуэльфа. На мой вопрос, откуда она узнала, бистаа, ничуть не смутившись, ответила, что ей рассказал Эанатум.

Утром, я, Орели и Отто при всех своих инквизиторских регалиях появились перед майором. Я ехал впереди. К счастью, Иероним узнал меня, и удалось обойтись без стрельбы.

Эанатуму за разведку я был безмерно благодарен. Встреться мы на дороге, мне бы и в голову не пришло, что оборванцы на тощих лошадях это офицеры рейхсвера.

— Здравствуйте, Петер, — поприветствовал он меня с кривой улыбкой на лице, — Удивлен видеть вас здесь. Вы же, если мне память не изменяет, твердо решили бежать от войны.

— Увы, мне это не удалось, пришлось податься в партизаны. Кстати, не хотите присоединиться? Мы решили заехать в гости в загородный дворец великого герцога. Увы, без приглашения.

— Почту за честь.

Конечно же, отказать нашей просьбе о помощи он не мог. Ха, да была бы его воля, и лишняя кавалерийская бригада, он бы уже штурмовал столицу Майнарда. Майор махнул своим людям, из-за кустов показался небольшой возок набитый ящиками.

— Что там? — удивленно спросил я.

— Припасы для фейерверка, — ответил мне Иероним с хищной улыбкой на лице.

— Ого! — не удержался я удивления. Судя по маркировке груза, майор не просто бежал из Брюгге, а успел вывезти с собой большую часть тяжелого вооружения. Я видел в его арсенале артефакты, заряженные тяжелыми стенобитными заклятьями, несколько зарядов объемно-детонирующего гномийского «палящего облака», способного выжечь даже сам воздух. И, самое главное, большой аккумулятор с маной, которой нам так не хватало.

Мы отправились дальше. Эта встреча значительно облегчала предстоящую операцию. Скажем так, из самоубийственной авантюры, предприятие превращалось в просто чрезвычайно рискованное.

Весь день я ехал бок о бок с Эрихом, Мюнхгаузеном и отцом Отто, составляя план баталии. Сведения, которые нам предоставил Эрих, были неоценимы. На привале, я до поздней ночи обучал бывших улан заклинаниям активации вынесенных ими артефактов. Им крупно повезло, что они встретили меня. Как выяснилось, со столь сложным оружием они никогда не работали, больше полагаясь на приписанных к подразделениям профессиональных волшебников магиерваффе. Я же в свою очередь был вынужден регулярно проверять функциональность образцов хранящихся на складах столицы, лично участвуя в испытаниях на полигоне.

* * *

Орели была счастлива. Хозяин был рядом, он проводил ночи с ней. Пытавшиеся оскорбить его бывшие бандиты, пару раз нарвались на ее яростный взор, тот самый, когда ее глаза заполняла изнутри изумрудная зелень, а рассудок на несколько мгновений растворялся в гневе. После этого косые взгляды прекратились. Даже полуэльф обращался к ней, как к благородной госпоже.

Она немного боялась того места, куда направлялась, но где-то в глубине души ее утешало знание, что если им удастся выполнить задуманное, то она наконец обретет свободу. Свободу от чего? Она не знала.

По ночам, когда хозяин засыпал, и его объятья ослабевали, она бежала в лес незаметной тенью и находила смешного старичка Эанатума, который рассказывал ей сказки про далекое прошлое. После них она видела волшебные сны. Не те, полные пламени и насилия в которых она была владычицей ада и рабой Бетрезена. И не те состоящие из смерти и тьмы, когда армии дважды рожденных немертвых бились с дроу. Нет. Ей снились висячие сады ее дворца, блестящий мрамор зиккурата Э-темен-нин-уру, на вершине которого располагалось святилище Нанны, богини лунного света. Ей снилось, как на ежегодных соревнованиях военачальников этот самый смешной старичок — в тяжелом бронзовом доспехе, изготовленном гномами, он казался великим воином — по ее заказу повергал придуманной им фалангой противников Лагаша и Ниппура. Гештуг ну-н-меш старались притворяться живыми и падали от совсем легких ударов, оставаясь неподвижными. Она сидела на высокой трибуне, а еще живой, но уже чудовищно старый Гильгамеш развлекал ее шутками, поглаживая своего кота. Близнецы Энанду

и Энкиду, вдвоем правившие Гирсу, кидали на нее похотливые взгляды.

Ей снилась стела коршунов, которая была воздвигнута по ее приказу на новой границе Ки-ури, дабы прославить победу ее. День, когда закованные в твердую вареную кожу с длинными копьями и щитами в полный рост гештуг ну-н-меш и ополченцы союзных эллонийских городов-полисов опрокинули варварские орды объединившихся диких лесных племен. Эльфов — гешгаль[38], не знавших другого оружия кроме лука и волшебной лозы, яростного подгорного племени лу-баппир — гномов, что шли в бой с двумя топорами в руках, не признавая доспехов и строя. И впервые смогли победить в чистом поле грозные боевые колесницы бистаа.

Ей снились огромные города, поля и оросительные каналы. И не было в ее стране нужды живым трудиться, для этого были мертвые.

Когда утром она возвращалась в постель хозяина из страны снов, она прижималась к нему и мечтала, что было бы здорово вернуть то старое время и начать заново Золотой век в Таире!

А Эанатум оставался в одиночестве и грусти. Он надеялся. Он прекрасно понимал, что он не сможет вернуть память Госпоже. Но он не мог не попытаться.

* * *

К полудню пятого дня мы вышли к летнему дворцу Виттельбаха. Величественное здание строилось, видимо, чуть позже, чем форт Фиршес-Гаф, во времена Великого царства Эламского. Тогда, вместе с появлением у гномов ракет, начиненных алхимическим составом, произошла революция в военном деле. Старые замки разом потеряли свой потенциал защиты, а новые принципы строительства фортификаций еще не сложились.

Архитектор, вероятно, начинал возводить крепость. Первый этаж был сложен из массивных каменных блоков. Узкие бойницы позволяли отстреливаться при нападении. Но на полпути он понял, что его усилия бесполезны, и этажи выше были уже ближе к стилю раннего барокко, с высокими широкими оконными проемами и опоясывающей все строение открытой галереей.

Дворец был окружен роскошным садом, поодаль стояли несколько флигелей для прислуги. По периметру территории шла каменная стена, высотой метра три. У единственных ворот стояла пара стражников. Несколько гвардейцев герцога топтались около

двухэтажного дома, предназначенного для проживания охраны.

Я слез с дерева и передал подзорную трубу Мюнхгаузену.

— В принципе, все как рассказывали, — пожал я плечами.

— Я лучше сам посмотрю, — ответил эльф и полез наверх. На меня посыпалась кора.

Я покосился на пленного. Эрих был хорош, он четко знал, когда егеря обычно въезжают на охоту, и сейчас один из них сидел передо мной запуганный насмерть де Фриззом.

О происходящем во дворце он рассказал все, что знал. Гарнизона как такового там не было — полсотни гвардейцев и все. Большая часть отправилась на север, вместе с великим герцогом, на войну с Таиром. Остались лишь малоопытные юнцы. В прочем, для наших скромных сил этого было достаточно, попытайся мы штурмовать в лоб. Как не крути, гвардейцы были профессиональными магами, пускай и не самыми лучшими, а вот неполных три десятка бандитов Эриха только что и могли, что обращаться с простейшими боевыми артефактами. Я задумчиво посмотрел на телегу с тяжелым вооружением. Увы, ни огненной купели, ни огня святого Харма или еще какого заклятья стратегического назначения там не оказалось…

— Значит, точно ты про охранительные чары ничего не знаешь? — спросил я еще раз пленного.

— Ну раз в час голем эфирный облетает по кругу стену… Еще от всяких заклятий у его светлости в кабинете обереги стоят… Не убивайте меня, пожалуйста! — заскулил егерь.

Кусты зашуршали и показались Карл в компании с Адлером и Густафом Шрейбе.

— Как успехи? — спросил я их.

— Стена заколдована стандартными чарами, реагирующими на движение и блокирующими открытие портала. Со вторыми я не справлюсь, нет реагентов. А вот первые минут на пятнадцать обезвредить могу, так что не заметят, — отчитался лейтенант.

Я довольно кивнул. Четверти часа нам вполне хватит, чтобы преодолеть стену.

— Тогда сегодня отбой. Атакуем за полчаса до рассвета. Чем больше будет в стане противника неразберихи, там больше у нас шансов.

Мы перекусили сухарями и солониной. Разводить костры было опасно, дым могли заметить, затем завалились спать. Я проворочался полночи, прежде чем заснул. Даже тихая, почти незаметная магия Орели не могла унять мой мандраж.

На рассвете мы уже были у стены. Карл с трудом смог засечь эфирного голема и, когда мы оказались вне поля его зрения, несколькими пассами активировал заранее подготовленные

заклятья. Камни стены на секунду засветились, и погасли.

Иероним пассом руки заставил появиться из земли лианы, тут же дотянувшиеся до верха стены и перекинувшиеся через нее. Но ним наверх полезли бандиты Эриха. За ними последовали уланы Мюнхгаузена. Каждый тащил за собой приличную порцию артефактов. Затем на веревках они подняли наверх три ящика с «палящим облаком», аккумулятор маны и еще какой-то предмет.

— Орели, Асанте, — остановил я девушек, — у вас еще есть шанс спастись.

— Ну, уж нет, Петер, чтобы я самое интересное пропустила? — Асанте скорчила хитрую мордочку и полезла по лианам.

— Я должна быть там, — ответила мне Орели, — я знаю.

Я оглянулся кроме меня на этой стороне остался только отец Отто и Густаф. Лес был так близко. Больше всего хотелось сейчас побежать в его тень, спрятаться. Мы с гауптманом обменялись понимающими взглядами.

Но я нашел силы стиснуть зубы и схватиться за ствол. Когда я оказался на гребне стены, то обернулся, чтобы подать руку Шрейбе, с трудом втащил старика наверх, затем, чтобы не терять лишнего времени прыгнул вниз, затормозив у самой земли «падением пера».

— Быстрее, пошли, пошли, — прошипел мне стоявший рядом Эрих. И мы побежали через сад.

Несколькими меткими выстрелами Асанте сняла часовых, стоявших на входе во дворец. Неожиданность была на нашей стороне, нападения так далеко в тылу никто не ждал. Мы оказались в просторном холле. В это время со стороны флигеля охраны гулко ухнуло. Я обернулся в дверях.

Уланы смогли закинуть одну из своих мин в приоткрытое окно. Здание чуть покосилось. Из окон повалил дым. Но, похоже, внутри стояли какие-то сдерживающие пламя обереги. На втором этаже я видел снующие в дыму силуэты. Уланы одну за другой кидали заряженные магией гранаты внутрь через выбитые окна. Дым подсвечивало вспышками пламени и разрядами молний.

Я зашел в холл дворца. Банда Эриха технично заняла оборону в помещениях, прилегавших к парадной лестнице. В коридорах шла вялая перестрелка. Похоже, далеко не вся охрана ночевала во флигеле.

На моих глазах, огненный шар вырвался из бокового коридора и ударил в стену напротив, превратив в пепел портрет одного из предков Майнарда.

— Эрих, пусть твои не лезут на рожон и держат холл, а мы зайдем в тыл. Карл, Аса, Вилли, — на секунду я замялся, — …

Орели, за мной! Отче, Густаф, помогите пока им тут внизу.

Мы двинулись наверх. Эрих вел нас, он неплохо ориентировался тут. Что, в общем-то, неудивительно, планировка была проста — две параллельные цепочки комнат. Первый этаж — кладовые, хозяйственные помещения. Второй — покои его светлости. Третий — комнаты слуг. Главная лестница в центре, две для слуг — в крыльях. Я решил начать зачистку с верха правого крыла. Когда мы поднялись на третий этаж, воздух вокруг Вильгельма уже светился от концентрации защитных чар, наложенных на него Карлом.

Существенного сопротивления мы не встретили. Впрочем, тут виноваты были не столько наши боевые качества, сколько моя подлость.

На пути нам попалась пара горничных, кухарка, а затем настоящее сокровище — меткий глаз Асанте заметил спрятавшегося под кроватью мажордома. Одетый в яркую зеленую ливрею толстяк, так и не смог полностью влезть в свое укрытие. Тогда я решил применить шантаж. Захват заложников отличная тактика. Она не описана ни в одном из рыцарских романов, зато прекрасно работает.

Острие моей сабли упиралось в спину бедняги, пока он шел вперед, обезвреживая на пути магические ловушки, и предлагая челяди сдаваться. Вскоре перед нами уже шла толпа из трех десятков человек.

Так мы добрались до лестницы в конце крыла, спустились вниз и ударили в тыл увлекшимся сражением с бандитами пятерке гвардейцев. Я не сомневался, что эти ребята плевать хотели на наш шантаж жизнью челяди, а поэтому выпустил вперед давно уже жаждавшего крови де Фризза. Он ворвался в комнату, где гвардейцы заняли оборону, лишь на мгновение позже двух стрел с разрыв-кристаллом, выпущенных Асанте. Меч в его руках порхал как невесомый. У оглушенных, несмотря на защитные заклинания, гвардейцев не было шансов спастись от ударов зачарованной стали. После этого мы вернулись на черную лестницу и спустились ниже, выбив с позиций еще троицу егерей и пару гвардейцев.

За окном раздался гул и вибрация от тяжелых шагов. Затем гулко ухнул взрыв, стекла в половине дворца вылетели, меня обдало жаром. Я выглянул в окно, во дворе снова шла вялая перестрелка. Посреди клумбы догорал остов гномийского боевого голема. Огромная, метра три ростом, человекообразная машина упала навзничь.

После этого контратаковать охранники из флигеля не спешили, что было не удивительно, вход и окна уланы держали

под беспокоящим огнем из своих посохов. Один устроился в холле дворца. Он установил на треноге хрустальный шар, внутри которого светился неугасимый комок лавы, и посылал одну за другой струи пламени в окна флигеля. У его ног стоял наш главный аккумулятор маны и я понимал, что сдерживать противника мы можем долго. Но у нас не было ни людей, ни магии, чтобы их уничтожить, да и рисковать полноценным штурмом пока не хотелось. Нам было достаточно, что они не мешали поискам заклинательного покоя Майнарда.

— Эрих, Вилли, Карл, заприте слуг в кладовой, — распорядился я, а сам направился к парадной лестнице, держа руки над головой. Оказаться под дружественным огнем не хотелось.

В холле я встретился с отцом Отто и несколько потрепанным гауптманом Шрейбе, перезаряжавшим свой амулет от аккумулятора. Броня каппелана покрылась копотью. У стены в ряд лежали три трупа подельников Эриха.

— Как ваши дела, Отче? — спросил я, — сейчас мы повторим маневр…

— Нет необходимости, сын мой, — ответил капеллан, вытирая свой громовой топор от крови подолом сутаны, — они бежали под натиском святой магии.

Я хмыкнул. Ох, не прост был отец Отто, да и Густаф, судя по всему, оказался не столь уж бесполезен.

Ну что же, мы получили небольшую передышку. Я не сомневался, что у гвардейцев есть кристалл связи, и что они уже вызвали подмогу, так что, если мы хотим уцелеть времени, у нас в обрез.

— Эрих, занимай оборону, а мы пока побеседуем с хозяевами. Я направился к помещению, где под охраной Вильгельма сидели слуги.

В чулане было темно и душно. Небольшое оконце под потолком не давало достаточно света. Когда де Фризз отпер дверь, на меня уставилось четыре десятка испуганных глаз. Я поманил к себе мажордома. Тот вздрогнул, но поднялся и покорно вышел в коридор.

— Где заклинательный покой герцога, — спросил я в лоб. — Где он призывает демонов?

— Каких демонов? — мажордом уставился на меня непонимающе.

— Любых. Ладно, по-хорошему не хочешь, Вильгельм! — окликнул я.

— Господин оберст, он действительно не знает, — остановил готового учинить насилие де Фризза Карл. — Он не врет.

Тут я несколько стушевался.

— Ладно, веди нас в кабинет Майнарда, сами найдем. Аса, найди пока Адлера, его помощь лишней не будет.

Это действительно оказалось так. Рабочий кабинет Виттельбаха располагался на втором этаже. Как и любой кабинет мага подобного уровня он был полон неприятных сюрпризов, для проникших в него без разрешения хозяина. Часть охранных чар знал наш проводник, но я был уверен, что на них защитное колдовство не заканчивается.

Располагавшаяся рядом с кабинетом небольшая каморка алхимической лаборатории явно была не тем, что нам нужно.

Через полчаса я понял, что нахрапом решить эту проблему не получится. Я расположился в приемной герцога вместе с Вильгельмом, Асанте и отцом Отто. В комоде я обнаружил запас отличного вина. Орели принесла сыр и ветчину, разлила вино по бокалам. Даже обмен боевыми заклинаниями во дворе затих, обе стороны выдохлись. Карл и Адлер, занялись методичным магическим сканированием комнаты.

— В целом, жизнь налаживается, — прочавкал с набитым ртом Вильгельм, — хорошо мы их отделали.

— По моим расчетам у нас было еще часа два, если, конечно, подкрепление герцога не решит прийти сюда порталом, — ответил ему я, смакуя уже вторую порцию красного аррацийского. Тут пол под ногами дрогнул. Мы удивленно переглянулись. А вот лицо Отто Каца сразу стало каким-то жестким, он ринулся к окну. Я отставил вино и последовал за ним и остолбенел от ужаса. Прямо на моих глаза с небо темнело и из темной тучи зависшей над дворцом начал спускаться хобот смерча, который изнутри подсвечивало пламя.

— Как? — только и спросил я.

— Уже не важно, — ответил Отто, доставая из-за пояса топор. И он был прав. Действительно, уже было не важно, активировали ли Карл с Адлером хитрую магическую ловушку, или Майнард Виттельбах получил сигнал о вторжении и решил расправиться с нами руками демонов…

Орели подошла ко мне и взялась за руку. Вихрь коснулся земли и из его подножья показались первые порождения преисподней — поджарые адские гончие.

Мюнхгаузен со своими сослуживцами тут же бросил свои позиции вокруг флигеля и устремился во дворец. Хотя и тут шансов выстоять против нашествия демонов у нас не было. Оставалось только одно, успеть сделать, то для чего мы сюда пришли — уничтожить древний портал в преисподнюю. Я сжал ладонь Орели в своей.

В этот момент из кабинета показался довольный Карл.

— Мы нашли дверь и развеяли заклятья, которые ее защищали! — довольно объявил он, а потом увидел происходящее за окном и побледнел. Тут к нам влетел запыхавшийся Эрих. Слов ему не хватало, он тыкал пальцем в окно.

— Да, да, мы уже в курсе, — мрачно сказал ему Вильгельм.

— Эрих собирай всех, держите оборону на втором этаже, — сказал я. Мысли лихорадочно прыгали, — Так. Отец Отто, Карл, пойдёмте.

— Я с тобой… — Орели посмотрела мне в глаза. В них клубилась та самая потусторонняя зелень. Сейчас от тиерменш разило волшебством. Прорыв ада явно что-то разбудил в ней, и я понял, она права. Там, внизу, возможно от нее будет больше пользы, чем от нас всех вместе взятых.

Я заметил, как Асанте сцепилась взглядом с Карлом. Как он мотнул головой, и как она упрямо проверила тетиву и первой направилась к проходу, открывшемуся за отъехавшей стенной панелью.

Остальные заняли позиции наверху. Они готовились во все оружия сдерживать порождения ада.

После долгого и утомительного спуска мы прошли через пыточные комнаты и оказались в просторной пещере. Потолок терялся в темноте. На дальней стене в обрамлении обсидиановых колонн волновалась светящаяся алым поверхность портала. Страж ждал нас. Огромная почти в три человеческих роста тварь, покрытая красноватой чешуей, с козлиными рогами и крыльями за спиной держала в руках гигантский меч из черного металла.

— Я ждал вас смертные! — взревел демон. — Вы не остановите вторжение Легиона!

Отто и Карл бросились вперед. Стрела, горящая астральным пламенем, слетела с тетивы Асанте только для того, чтобы рассыпаться пеплом, не долетев до демона. Поток смрадного темного огня выплеснулся из пасти порождения преисподней и накрыл лейтенанта и инквизитора с головой. Защитные чары Карла не выдержали. Нечистое пламя достало его, даже когда лейтенант покинул реальность астральным сдвигом, и он с воем упал на каменные плиты пола и покатился, превратившись из человека в обугленную головню.

Отто Кац прошел через адский огонь, как сквозь воду, только для того чтобы пасть под молниеносным взмахом темного клинка. Инквизитору не помогли ни его топор, ни зачарованный доспех. Заряд демоншрека из моего посоха ударил в грудь порождения ада и рассыпался искрами. Ноги тут же подкосились.

Я упал парализованный на каменные плиты пола. Демон прищелкнул пальцами и Асанте, выпустившая уже третью стрелу, повалилась в след за мной, схватившись за горло.

— С вами, жалкие черви, я, пожалуй, поиграю. Возрадуйтесь! Владыка Бетрезен уделит вам внимание.

Внутри меня все сжалось. Повелитель Легиона. Высший иерарх преисподней противостоял нам. Никаких шансов. У нас с самого начала не было никаких шансов. Я ощутил знакомое чувство ужаса и с трудом повернул голову. Вокруг Орели появился тот самый призрак. С торжествующим хохотом демон рванулся вперед и схватил перевоплощающуюся бистаа за горло и поднял в воздух.

— Тиамат! Ты слаба без своего истинного тела! Я выпью твою душу, и ты наконец-то станешь моей навсегда. Тебе не сбежать больше от меня!

Он сделал несколько замысловатых движений и начал глубокий вдох. Призрак, окружавший Орели, начал таять.

— Что? — взревел демон. Он отвлекся от поглощения души Орели и глядел, как я поднимаюсь с пола. Серая крылатая тень, искрящаяся разрядами молний, промелькнула мимо меня и выбила бистаа из когтистой лапы владыки Легиона. Крылатый лев Нам-уд-галь пришел к нам. Поток огня снова вырвался из пасти демона, но только несколько хлопьев пепла долетело до меня сквозь завесу теней. Удар воздуха впечатал Бетрезена в стену. Тот лишь расхохотался в ответ. А я стоял остолбеневший от того, что только, что использовал одно из высших защитных заклятий некромантии.

— Твоя сила ветра и тьмы бесполезна против меня, марионетка Энлиля!

Ветер нанес еще несколько ударов, но Бетрезен встал и пошел на меня. Сломанное крыло на ходу распрямилось. Раны на шкуре закрывались на глазах. «Подвинься» появилась мысль в моей голове.

— Да, похоже, сил марионетки действительно мало, — сказали мои губы, захваченные кем-то другим. — А ведь я так не хотел, но девяносто процентов СМС-молитв зрителей требуют моего вмешательства…

На какое-то мгновение я оказался на мягком кожаном диване в комнате с круглыми окнами, за которыми с высоты птичьего полета было видно море и причудливый город, состоящий из сказочно высоких стеклянных башен, белоснежные корабли в его бухте, волшебные небесные повозки, а потом вернулся обратно в тело. Но это тело уже не было моим.

Я увидел магию. Мягкое сияние заряженных амулетов, яркий

свет, исходящий из портала, свечение демона и не до конца рассеявшихся защитных чар на трупах Отто и Карла. Я моргнул — картина перед моими глазами изменилась еще раз.

Душа демона горела багровым чадящим пламенем. Я протянул руку, и пустота задушила его огонь. Чешуйчатая туша замертво упала на пол. Легкий ветерок поднял пепел, оставшийся от жизней Отто и Карла. Он раздул последний уголек, что еще тлел в груди Асанте и нежно отнес яростно бушующее облако зеленого огня обратно в тело Орели.

Гость в моем теле подошел к порталу. Взял за край бурлящую поверхность перехода между мирами, словно это был кусок гобелена, и дернул вниз. Затем смял получившееся полотнище и превратил его тьмой в прах.

И только после этого я остался один. Мои ноги подкосились от слабости, и я упал на колени со слезами обиды на глазах. Марионетка — вот кто я. Почему… Неужели Создатель действительно такое зло? Почему он не вмешался раньше…

Орели положила мне руку на плечо, и это вернуло меня в реальность. Я был еще жив и ничего не закончилось. Со стоном я поднялся с каменного пола пещеры, зажег магический огонек и начал искать своих друзей.

Карл был окончательно и бесповоротно мертв. Сердце Отто еще билось, но я верил тому, что увидел, когда сила Энлиля вела меня. Души в этом теле уже не было. Сила владыки оставила на Асанте какое-то мерзкое проклятье, даже я чувствовал, как от нее разит темной магией демонов. Она застонала. Я подошел к ней и потратил всю оставшуюся ману на большое исцеление Вебера. Сознание к ней не вернулось, но стон прекратился.

Орели понуро сидела в углу. Я почти упал рядом и обнял ее.

— Вот и все.

В ответ она заплакала.

— Я это не я, Петер… Я не знаю, что я такое… — я мог лишь прижать ее крепче к себе. Орели была чудовищем, демоном, черной колдуньей, но, по крайней мере, она не была безвольной куклой. Игрушкой в руках бога. В отличие от нее свою природу, я уже понял. Отто был прав в каждом слове, когда рассказывал мне про зло Энлиля.

Вильям, Густаф и Эрих ворвались в зал примерно через полчаса. Призванные демоны исчезли, остатки гарнизона гвардейцев сдались.

Вечером мы покинули замок Майнарда. Несколько мин с зарядами «Горящего облака» выжгли портальный зал и магические мастерские. Герцогу придется потратить не один год для того, чтобы восстановить свои чары. Я уж молчу, что сам

портал превратился в кучку осколков вулканического стекла. Мы тогда не знали исход битвы на Майне. Что в бою Майнард Виттельбах потерпел поражение и позорно бежал. Свара с Шарлем дорого обошлась ему. А призыв демонов заставил союзников отказаться от него.

Эрих не хотел рисковать своей шкурой и надеяться на самое гуманное в мире имперское правосудие. Поэтому на следующее утро с остатками банды он ушел в лес.

Раненые сильно тормозили нас. За несколько дней мы с уланами добрались до Брюгге. Там ждал отряд кавалерии, взявший под контроль город. Мятежники не могли сопротивляться после того как их армия была уничтожена, а гвардейцы сбежали.

Все чувствовали печать рока, висящую над Асанте. Только я и Орели не боялись быть рядом с ней. И, конечно, де Фризз. Если бы не его усилия юнкер не протянула бы и дня.

Затем еще полмесяца прошло в допросах, написании рапортов и отчетов. Не то что бы мы были под арестом. Под наблюдением все в той же гостинице в Брюгге, где я жил до того. Скажем так.

Асанте проводила время в компании инквизиторов. Они не смогли снять проклятье Бетрезена. И даже разобраться в его сути. Хотя и ослабили его влияние.

Я и Орели упорно молчали про произошедшее в замке. Да напали, да разрушили портал. Но мне не хотелось заканчивать свою жизнь подопытной свинкой в подвалах инквизиции. Именно этим бы для меня все закончилось, если бы кто-нибудь узнал про визит Создателя. Или про победу над самим повелителем преисподней. Да и рассказывать про то, что моя милая бистаа — госпожа страха Инанна, я не хотел даже ей самой.

Сначала допросы вели мелкие служки. Потом нами занялся епископ из соседней губернии. Только через неделю прибыл группенквизор Хайнц Рацнефарт руководивший расследованием.

— Добрый день Петер. — Он сидел передо мной в своей черно-синей сутане адепта Энлиля, Мардука власти и совета.

— Здравствуйте, ваше святейшество.

— Расскажите мне, пожалуйста, сын мой, как вы повергли в бою владыку Легиона.

— Я не повергал его, — правду, я говорил только правду, четко отвечая на поставленные вопросы. Любая фальшь сразу бы меня выдала.

— Вы участвовали в схватке?

На эти вопросы я отвечал уже не один раз. И устно, и письменно.

— Да, отче, успел один раз выстрелить из посоха.

— Успешно?

— Нет, демоншрек не пробил его броню, и меня парализовало. Более я в схватке участия не принимал.

— Тиерменш убила его?

— Нет, отче, она была также беспомощна, как и я.

— Кто спас ее?

— Крылатый лев Нам-уд-галь.

— А что случилось с Бетрезеном? Почему он не убил вас?

— Он упал и рассыпался прахом.

— Почему?

— Умер, наверное.

— Кто убил его? — Этот простой вопрос мне, как ни странно задали впервые. Выкрутиться я не мог.

— Создатель Энлиль, владыка бури, ночной ветер, явился и забрал пламя его жизни.

Хайнц рассмеялся. Он был доволен.

— Вот, Петер. Истина она всегда кроется в правильно поставленном вопросе, а не ответе! Он что-то дал вам?

— Ничего, отче. Ничего кроме моего существования, боли и страданий.

— Я вижу, вы много общались с отцом Отто Кацем! Чувствуется его теософская школа, — группенквизитор позволил себе улыбнуться еще раз. — Поверьте, все не так плохо. Если бы не посланцы Энлиля и он сам, демоны бы уже уничтожили столицу и Бетрезен танцевал на ее руинах.

Он не стал дальше расспрашивать, и я вздохнул с облегчением. Инок принес нам кагор.

— Если хотите вы можете задать вопросы. Я уже узнал все, что хотел.

— У меня нет вопросов, ваше святейшество.

— Вам даже не интересно, что с вами будет дальше? И с вашей обожаемой бистаа.

— Я думаю, что судьбу госпожи Инанны решит император. Вряд ли он доверит такую важную вещь кому-то еще.

— О, вы знаете! Вы умны, Петер, ценю это, — он разлил вино по бокалам. — Вы правы. Так и будет.

— Эанатум подсказал, хотя у меня до этого были подозрения.

— Но вы не назвали все имена вашей Госпожи, — подколол меня он.

— Имена? Извольте! Богоравная Инанна, госпожа страха, царица Ки-ури, что судьбы подобно Энлилю вершит, — произнес я полное титулование, что упоминалось в летописях.

— … мать тьмы, Тиамат нареченная, раба Бетрезена. —

окончил за меня Хайнц. Я сжал зубы. Этого я не знал. Но последнее слово оставил за собой.

— … Орели, — жестко сказал я.

Инквизитор очень долго смотрел на меня. Он думал, и я почти слышал, что мысли, как рой пчел, что пытаются поделить две королевы, недовольно жужжат в его голове.

— Я донесу вашу мысль до кайзера. Я возвращаюсь в столицу, портал для вас будет открыт через пять дней. Отдыхайте.

— Скажите, почему Отто прозябал в этом уезде, а не заседал в Синоде? — спросил я, когда он уже поднимался с кресла. — Я не видел его толком в бою, но его знания на голову выше, чем потребны провинциальному инквизитору.

— О, не сомневайтесь, Петер, я бы не рискнул сойтись с ним в единоборстве. После войны он посвятил себя теологии и поискам Истины. Проблема была в том, что мы всегда говорим детям нашей церкви правду. Но зачем отягощать их разум Истиной? У него был другой взгляд на эту мудрость. Или лицемерие, как он говорил. Потом, конечно и он тоже понял. Но было поздно. Его имя стало слишком известно, и возвращать его в столицу не хотел никто.

— Отче я очень рад, что во главе церкви стоят здравомыслящие люди, а не фанатики. Мне бы не хотелось, чтобы вернулись времена святых походов.

— Отрадно слышать, сын мой.

Он ушел и оставил меня одного.

* * *

— Уша на-ну, уша на-ну, уша на-ну ки думу-на-ше…[39] — напевал я древнюю колыбельную засыпающей Орели. Завтра мы отправлялись в столицу.

Она рассказывала мне свои сны. Она мечтала претворить их в реальность. Я не стал разочаровывать ее. Кайзер бы не потерпел бы такой неподконтрольной силы рядом. Да и сама бистаа, похоже, понятия не имела, о тех «рейдах за телами», что постоянно вело царство Ки-ури. О терроре своих рядовых граждан, который при любом нарушении рисковали стать гештуг ну-н-меш. Она помнила только то, что знала длительное время хранимая от ужасов реальной жизни царица.

Скоро. Все решится скоро…

* * *

Столица встретила нас летней жарой и военным парадом. Асанте осталась пока в Брюгге. Скорее всего, ее теперь переведут на службу в какую-нибудь колонию подальше от столицы. Как обычно поступают с проклятыми.

По-хорошему мне надо было заехать домой, но от одной мысли, что придется объясняться с Юкки, у меня сводило скулы, и я вместе с бистаа остался в казарме.

Судя по всему, из нас с Орели таки решили сделать героев. Возможно даже не из-за нашей вылазки, а просто потому, что бистаа была удобной фигурой для пропаганды новомодной толерантности к иным расам. Только так можно объяснить тот факт, что нас поставили в строю одними из первых сразу после герра Штрассера и офицеров штаба. За нами ехал верхом барон Мюнхгаузен, которого кайзер, наконец, простил за злополучную дуэль с послом, что чуть не закончилась войной с Эльфийским Королевством. За ним — дон Вильянуэва, Густаф Шрейбе и Вильгельм де Фризз.

Потом были долгие речи на площади от Грегора Штрассера, бывшего регента, отставного фельдмаршала и отца-основателя ДД, нового великого инквизитора, уже знакомого мне Хайнца Рацнефарта и оглашение приговора рейхскриминальдиректором Артуром Небе. Показательная казнь оберста Йоффе и других предателей. Красочный гномийский фейерверк.

Громкое сопение за спиной заставило меня обернуться.

— Все он видит под собой, гордый хищник разъяренный, и летает, словно тень, глаза светятся, как день, — пропела под нос жирная туша в камзоле, который по определению не смог бы застегнутся на его пузе. Запас дурацких песенок у рейхинспектора По был неисчерапем. — Жаль, что с вас все обвинения сняли, Петер Краузе. Шестьдесят семь томов уголовного дела псу под хвост…

Я в ответ только мог пожать плечами.

Кайзер не снизошел до того чтобы выступать. Только принял участие в раздаче орденов. Нас награды обошли стороной.

Вечером естественно было празднование. Но мы с Орели не попали на него. К нам подошел неприметный низенький человечек — личный камердинер кайзера Гора.

— Господин Краузе, эээ… — он несколько замялся, глядя на мою бистаа, а затем все-таки заставил себя произнести, — госпожа Орели, его величество приглашает вас на неформальную аудиенцию. Следуйте за мной, пожалуйста.

Кайзер принял нас в своем личном кабинете. Повинуясь его жесту, гвардейцы покинули комнату. Так же жестом он приказал мне и Орели сесть. Его величество Гор пятый своего имени

пристально изучал лежавшую у него на столе бумагу. Я скользил взглядом по стенам обтянутым серой тканью. Рассматривал простую деревянную мебель, шкафы с документами и книгами, стол с добрым десятком кристаллов связи на нем. Клетку со спящим любимым соколом Гора. Единственным украшением комнаты была старинная выцветшая фреска Создателя на потолке.

Мы не смели пошевелиться. Наконец кайзер решительным росчерком подписал бумагу, положил ее в черную кожаную папку и обратил на нас свое высочайшее внимание.

— Здравствуйте герои, спасители отечества. Я хочу наградить вас. Свой приз вы сможете выбрать сами, но сначала я расскажу вам одну старую историю, которую я не рассказывал еще никому. Вам интересно?

— Конечно, ваше величество! — ответил я. Орели промолчала, в отличие от меня она не отводила взгляда от кайзера. Она смотрела на него в какой-то потрясающей смесью ненависти и надежды.

— Хорошо, слушайте, это не займет много времени. Полторы сотни лет назад, примерно за полвека до начала великой войны, — начал свой рассказ кайзер, — великий некромант Хэсс был всего лишь мелким аколитом на побегушках у личей и никто не думал, что он станет силой способной изменить наш мир. Он был в меру глуп, неуклюж в магии, и абсолютно бесперспективен. После смерти, или второго рождения, как ее называла нежить, он в лучшем случае стал бы призраком. Но у мальчика были амбиции и талант. И мальчик был вором. Однажды он совершил самую большую кражу, которую когда-либо совершал человек.

Где он достал том высших заклинаний призыва, я не знаю. Его память не показала мне это. Он очень хотел призвать владычицу демонов Тиамат, продать ей свою душу и отдать сердце. Очень романтичный был юноша. Да и иллюстрации в фолианте были… специфические.

Но, несмотря на год подготовки и то, что его звезда призыва раскинулась почти на сто лиг, применить правильно заклятье он, конечно же, не смог. Ошибка в его построении громоздилась на ошибке, он забывал мелочи и заблуждался в главном. Да и куда ему было преуспеть, когда до него столетьями личи бились над тем, чтобы вернуть свою госпожу Иннану из ада, куда ее затащил Бетрезен. Но его заклятье сработало. Хотя и не так как он рассчитывал. Своим колдовством ему удалось украсть у Владычицы душу. Иронично, не так ли? Смертный украл душу у демона, отомстил, можно сказать за весь наш род. — Кайзер позволил себе сухой смешок. Мне было не смешно. Орели вся

подалась вперед, она была как напряженная струна. Его величество отпил воды и продолжил. — А вместе с душой он получил и часть ее сил. Как он ими распорядился, вы, я думаю, еще в детстве на уроках истории усвоили, Петер.

Я кивнул. Хэсс Великий, Пламенная погибель, для начала сплотил железной рукой орден некромантов. Личи дорожили своей нежизнью и склонились перед ним. Он подчинил себе многочисленные секты демонопоклонников, вырезав ересиархов южных земель, гораздо более безжалостно, чем это делали рыцари Таира во время Святых походов. Он пообещал темным эльфам вечную ночь. Он победил в единоборстве без магии великого вождя бистаа. А затем обрушил мощь объединённых армий на Таирский союз. Но вместо того, чтобы пройтись неостановимой волной от моря до моря, полчища нежити своей ненавистью выковали из рыхлой конфедерации баронств, княжеств и вольных городов сталь Таирского кайзеррейха. Не речами и решениями большинства стали решаться тогда вопросы державы, а железом и кровью.

— Так вот, я пропущу несущественное. Когда мы сошлись с ним в битве в его тронном зале, он проиграл мне. Тупая мощь всегда уступает разуму, так случилось и тогда. Я стер его личность, я забрал себе осколки его памяти и освободил ненароком душу Владычицы.

Бедную, неприкаянную, покалеченную моей магией и долгим пребыванием в человеческом теле душу, которая не могла вернуться домой… Моя ошибка. Но когда я убивал Хэсса, я не знал про этот нюанс. А потом было поздно. Она сбежала и нашла себе какое-то тело.

До последнего времени я искал ее. Инквизиция искала ее. Все демоны, прорывавшиеся в наш мир, соблазняющие своими посылами наших детей. Мы все искали Владычицу. Я бы мог стереть личность и память. Но не уничтожить тебя, Тиамат. Твоя сила тогда блуждала бы бесхозной по земле. А если мы хотим прекратить прорывы Инферно, ослабить сектантов, успокоить нежить и закончить эту войну, то твоя душа должна уйти из нашего мира. Мы хотим? — Кайзер смотрел, не отрываясь, в глаза Орели.

— Да, — произнесла моя бистаа.

— Вспомни, — бросил Гор всего одно слово. Но за этим словом стояло больше магии, чем за десятиметровой пентаграммой «огненной купели» стирающей замки с лица земли. Тени выплеснулись из углов кабинета. В глазах Орели заиграло хорошо знакомое мне зеленое пламя. Воздух пах серой. Ее рот распахнулся и раздался адский рев. Крылатая тень окутала ее, и я

уже не различал где плоть, а где призрак. Я сжался в комок в своем кресле, хотя я и привык уже к этому страху. Кайзер взял со стола простой нож для конвертов, спокойно и размеренно подошел к Орели, чье тело постепенно раздувалось в размерах, обрастало шипами и роговыми пластинами.

— Ты хочешь домой?

— ДАААА! — от рева чудовища оконное стекло рассыпалось осколками. Монстр шумно хрипел, выдыхая язычки чадящего пламени. Но даже волосок не шевельнулся на его величестве. За окном еще недавно чистое небо покрылось черными тучами.

— Иди, — коротко сказал кайзер. На острие ножа разгорелась маленькая белая искорка. Гор молниеносным движением руки вонзил клинок в сердце демона. Я вскрикнул, пытаясь остановить его, ведь фигура монстра начала меняться, превращаясь в женщину в черной тунике. Но было поздно. Дворец содрогнулся до основания. Мои волосы встали дыбом от магического разряда, разорвавшего ткань реальности. Сокол приоткрыл один глаз, недовольно распушил перья и защелкал клювом.

Тени исчезли. Из разбитого окна снова светило солнце. Ветерок шевелил ободранные шторы. В кресле рядом со мной сидела Орели. Ее голова запрокинулась, лицо приобрело восковую бледность трупа. Кайзер закрыл ей глаза. Вокруг ножа, торчащего в груди бистаа, расползалось кровавое пятно. Тело постепенно таяло в воздухе.

— Отлично. Награда нашла героя. А теперь вернемся к вам, барон. Что хотите вы? Деньги? Должность? Титул?

— Ничего… — Я был просто раздавлен произошедшим.

— Я могу вам память подправить, если хотите. Будет не так больно.

— Нет, ваше величество, этого я не хочу точно! — я набрался смелости посмотреть кайзеру в глаза.

— Похвально. Если бы вы согласились, я был бы в вас разочарован.

— Зачем вы убили ее? Она не была демоном на самом деле. Она была Инанной, человеком.

— Я знаю. И-Нанна — лунный свет. Сейчас в моем мире началось утро. Ей не место здесь. Ни ей, ни любому другому богоравному, способному обрушить хрупкое равновесие сил, что я выстроил.

— Зато было самое место для Орели, Аурелии, зари… — Ответили мои губы, которые вновь стали чужими. — Позвольте откланяться, ваше величество.

Я встал, чтобы убраться из этого проклятого места. Очень хотелось напиться. Но после первого же шага я рассеялся прахом.

— Даже так! — Кайзер удивленно поднял бровь, посмотрел на кучку пыли у кресла. Он задумчиво теребил подбородок и поднял голову, глядя на потолок в раздумьях. Неужели он опять где-то ошибся? Фреска, изображавшая Создателя, подмигнула ему. — Вот оно что! — ухмыльнулся Гор, получив ответ на невысказанный вопрос.

Он прикоснулся к одному из кристаллов связи. Через пару минут в кабинет зашли канцлер и личный камердинер кайзера.

— Базиль, пришлите людей прибрать у меня в кабинете, через четверть часа. Пока свободны. — Камердинер с поклоном удалился, а Гор продолжил, обращаясь уже к канцлеру, — Кшиштоф, кто из богов сейчас в моде у черни?

— Мардук-Шамаш и Иштар-Нинхурсаг, как докладывают инквизиторы.

— Тогда подготовьте объявление, что Мардук и Иштар сегодня лично спустились с небес, или где там они обитают, и забрали Орели и Петера фон Краузе в рай за их заслуги перед верой и отечеством. Возьмите пару десятков тысяч маны из резервного хранилища на заклинание массового убеждения. Я хочу, чтобы народ воспринял эту новость со сдержанной радостью. И подготовьте место для кенотафа наших героев в зиккурате Э-темен-ан-ки.

— Будет исполнено, Гор, — наедине канцлер и император обращались друг к другу по имени. — Может, хоть пару слов скажешь, что здесь произошло? Они покушались на тебя?

— Нет, Кшиштоф… Я же почти правду приказал сообщить. На самом деле только не Мардук и Иштар, а владычица демонов, мать тьмы Тиамат и Создатель Энлиль, господин бури…

Канцлер пожал плечами, если кайзер не хотел рассказывать правду, значит ему, Кшиштофу эту правду знать не положено. Гор грустно вздохнул.

Эпилог В котором выясняется, что приключения закончились не так уж и плохо

Шарль, Хеби, Линг и Василий шли по коридору кафедрального телецентра. Несмотря на потрёпанный вид, они выглядели вполне счастливо. Наконец-то они смогли вернуться в родную вселенную.

— Что же, должен заметить, было очень занятно. Я, наверное, напишу пару поэм про наши приключения, — сказал шифу Линг.

— Да, все интереснее, чем зачищать клаконские подземелья во главе отряда боевых археологов на время. Я уж молчу про ту тупую игру «Форт Хэйхе»… - ответил друид. — И кстати, я же говорил, что в телешоу по-настоящему не умирают!

— Ну не готов, не готов был Таирский рейх к настоящей народной демократии, не дорос еще, — вздохнул Шарль. — Ладно, если мы попадем туда еще раз, я буду действовать по-другому.

— Господи-Кверти, какое счастье, миленький ты мой, как же я жила то без тебя! — Хеби бегом бросилась к торговому автомату с сигаретами, который показался в конце коридора.

Помяни черта — он и появится. В равной мере это касается и богов.

— Ага, явились, нарушители границ частной собственности! — ухмыльнулся я.

— Только не говорите, что вы не снимали, — прищурился Василий.

— Снимал, конечно, — ответил я с улыбкой.

— Между прочим, это была случайность, мы ничего такого не хотели, — пошел в отказ Шарль.

— Да кого ты обманываешь! Шарль, не юродствуй. Не хотел он… — произнесла Хеби, затягиваясь сигаретой прямо под знаком, запрещавшим курение. Лучше скажите, какой гонорар вы нам заплатите за участие?

— Вам еще и платить надо!? Вы незаконно вломились с мой кабинет, чуть не испортили ценный магический артефакт, а я вам еще и платить должен?! — я тщательно изобразил негодование на лице, — процента с рекламы пропорционально экранному времени вам хватит. Гонорар еще… Наглецы какие! — не слушая их возражений, я пошел дальше в свой кабинет.

Там я сел за стол, сосредоточился и вырвал часть своей души

из аватары. Больше мое присутствие в Мир-2 пока не требовалось. Я-Кверти поморщился, когда память воплощения сливалась с моей. Последние минуты действительно переживались Петером весьма болезненно.

Грустная вышла сказка. Хотя отснятые кадры того стоили. Пускай получилось совсем не то, что я ожидал, но для эфира вполне подошло.

Звонок секретарши отвлек меня от раздумий.

— Господь, к вам дама.

— У меня сегодня визиты не запланированы.

— Она очень настаивает и грозится использовать магию.

Я вздохнул, только сумасшедшей мне не хватало.

— Покажите мне ее, Татьяна. — С замиранием сердца я увидел на экране знакомые треугольные уши с кисточками на концах, точеный курносый носик и зеленые глаза. Я вскочил из-за стола, лихорадочно пытаясь привести себя в порядок.

— Пускай зайдет.

Двери моего кабинета распахнулись, и в них вошла Орели в строгом деловом костюме.

— Ты неплохо устроился, бог! — с порога заявила она. Демонесса быстро пересекла кабинет и уселась на мой рабочий стол, положив ногу на ногу. — Я соскучилась!

— Эээ… Очень рад тебя видеть. А как же Бетрезен? — Я не очень хорошо соображал в этот момент.

— У меня теперь новое сердце бистаа, как видишь. — Она расстегнула пару первых пуговиц. Даже если не обращать внимание на шрам, оставшийся у нее на грудине после удара императора, зрелище было не то чтоб зачаровывающим. Тело Орели пышностью форм не отличалось. — Давай не будем про бывших… Не переживай, я ненадолго. Я столько времени потеряла в твоем мире Таира! А эти тупые мужланы без меня ничего не могут! Арчи, как маленький бес попался в ловушку темных эльфов и теперь сидит, привязанный к пеньку Мирового древа. Бедненького Дьяблу опять загнали в камень душ. Уже четвертый раз! А у него клаустрофобия, между прочим! Эанатуму, надо подзатыльник отвесить, за то, что он финальную битву проспал. Многоповидавшего порадовать визитом. Так что сейчас я с делами разберусь, а потом приду на твою Терру уже основательно. — В ответ на ее слова я напрягся. Только проблем с настоящими демонами и нежитью мне не хватало. — Погощу у тебя недельку. Или дольше, если понравится. Спасибо тебе, за освобождение! — Она чмокнула меня в щеку. Я почувствовал, как она пытается открыть портал.

— Ну, уж нет, бистаа! — сказал я с той же интонацией, с

какой говорило мое таирское альтер эго. Я упал обратно в свое кресло, рывком пересадил владычицу демонов себе на колени и начал расстегивать пуговицы на ее рубашке. — Если они ждали тебя до этого, то могут потерпеть еще полчаса.

notes

Примечания

1

штурмовой посох образца 3941 г. от возрождения. Излюбленное оружие магов спецназа. Тяжёлый посох из железного дерева зачарованный на рукопашный бой и имеющий три заряда заклинания демоншрека, мощной бронебойной модификации шаровой молнии.

метаболиты адреналина, основного гормона страха.

мышца поднимающая яичко. Да-да, есть такая.

специализированные подразделения магической поддержки рейхсвера.

5

Согласно Окну возможностей Овертона, для каждой идеи или проблемы в обществе существует т. н. окно возможностей. В пределах этого окна идею могут или не могут широко обсуждать, открыто поддерживать, пропагандировать, пытаться закрепить законодательно. Окно двигают, меняя тем самым веер возможностей, от стадии «немыслимое», то есть совершенно чуждое общественной морали, полностью отвергаемое до стадии «актуальная политика», то есть уже широко обсуждённое, принятое массовым сознанием и закреплённое в законах.

капеллан, войсковой священник.

7

Госпожа страха, древнетаирский. Верховный титул в тогдашней стране некромантов.

дословно Большой человек. Правитель города-государства.

название державы некромантов, располагавшейся на территории современного Таира.

дословно лицо-ладонь, древний язык некромантов и таирской церкви. Зло не надо отгонять, считали в Таире, с ним надо бороться, а вот глупость непобедима, только боги могут помочь…

искаженное Ама-ну-эмер-эна «Мать всех злодеев» легендарная разбойница периода покорения Ки-ури варварами таирсфолька и первой эльфийской войны. Фигура многих легенд и сказок. Часто ее имя используется как почетный титул.

12

Сущность бури, древнетаирский.

пред всеми известными богами и свидетелями Хименес-человек решение принял…

14

Zauberstabb — 5 — скорострельный магический жезл с боезапасом на 30 магических стрел. Потрясающе эффективное оружие в ближнем бою против небронированных целей.

15

У-и-на-э-наг. Дословно на языке некромантов Ки-эн-ги «А давай-ка его выпьем!» — древняя раса кровососущей нежити. Не путать с вампирами.

16

Эанатумом на девушку взгляд истинный был брошен.

17

Святой Иннане, госпоже своей, вампир к ногам припадает.

непереводимая игра слов на аррацийском

19

Старый еще довоенной разработки стрелковый посох Маузера образца 3898 г от возрождения. Это оружие, хотя и уступающее гномийским аркебузам по разрушительной силе, а эльфийским лукам по дальности и точности стрельбы, благодаря легкости применения прочно заняло свое место арсеналах сначала бундесвера Таирского союза, а затем, после провозглашения империи, рейхсвера.

один из высших чинов инквизиции, соответствует генерал-майору рейхсвера.

21

Бессмертный (дословно — раб жизни), правитель земель Кутал-ла… — эме-гир, язык некромантов.

думу-гиг — дети тьмы, темные эльфы-дроу. Гештуг ну-н-меш — «разума (они) не имеют» низшая нежить, зомби, упыри, вурдалаки, гули и прочие. Эме — гир.

23

Дингир-са — равный богу, высший титул иерархов преисподней.

город-кладбище.

25

Госпожу, кто судьбы подобно Энлилю вершит.

26

В разрушенном городе залитом водой. Эме-саль

27

В моем разрушенном Ниппуре, залитом водой.

чудовищное сияние. Эме-гир. Эанатум не один раз встречался с такими артефактами.

тип колющего холодного оружия. Представляет собой меч с прямым, длинным (до 1,5 м) и узким трёх- или четырёхгранным клинком.

30

Сучий сын. гномийский.

пред лицом Энлиля Карлу-офицеру…

32

Говорит Бертезен святой Иннане…

33

Я не буду к нему туда возвращаться!

единица поглощённой дозы ионизирующего излучения.

35

Бетрезен царь всех преисподней, богам равный, на землю ступи!

36

Госпожа моя.

средневековая магическая традиция вызывания демонов и составления талисманов.

геш-галь — большое ухо, лу-баппир — народ пивоварения.

сон приди, сон приди, сон приди в место, где дитя мое. Эмегир.